

К ВОПРОСУ О «ТАТАРСКОМ» ГЕНЕЗИСЕ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА: ОРДА ИЛИ ЛИТВА?

Аннотация: В статье рассматриваются родословные легенды ряда дворянских родов, приписывавших себе происхождение «из Орды». Производится разбор легендарных сведений, сохранившихся в родословных росписях конца XVI – конца XVII вв. На основе документальных и нарративных источников сделана попытка установления реального происхождения вышеупомянутых родов.

Ключевые слова: Родословные росписи, родовые легенды, великое княжество Литовское, великое княжество Московское, Золотая Орда, Большая Орда, дворянство.

Вопрос достоверности «выезжих» легенд русского дворянства привлекает внимание исследователей уже давно. Этот интерес не иссякает и сегодня, особенно в связи с известным влиянием современной политики на историческую науку. Особенно это касается родословных легенд, в которых родоначальник выезжал на московскую службу «из Орды». Довольно значительное количество «ордынских» легенд, сведения которых принимаются без надлежащего критического рассмотрения, привело к широкому распространению мифа об «ордынских» корнях московского дворянства и его практически поголовному происхождению от поселившихся на землях Северо-Восточной Руси служилых татар.

В 1787 г. Н. И. Новиковым было осуществлено издание Бархатной книги¹. В качестве приложения к ней в несколько сокращенном виде была опубликована Роспись 1776 г. – составленный Анисимом Титовичем Князевым по запросу Екатерины II алфавит-

ный перечень фамилий, чьи представители подали в Палату родословных дел (ПРД) Разрядного приказа свои родословные росписи либо в этих росписях упоминались². В конце Росписи в издании Н. И. Новикова был помещен перечень дворянских фамилий, сгруппированных «по их происхождению и по местам, откуда выехали». Значительную часть списка составили представители родов, считавшие себя потомками предков татарского происхождения. Исключая Чингизидов, ногайских князей и потомков Редеги («из Касуйской Орды»), свой выезд «из Орды» показали:

«Из Крыма выехали: Баранчевы, Киятовы, Мансуровы, Мерлины, Нарышкины, Сафоновы, Сытины.

Из Большой Орды выехали: Аничковы, Блохины, Болтины, Вельяминовы, Вельяминовы-Зерновы, Вердеревские, Дашковы, Державины, Долгово-Сабуровы, Дувановы, Зерновы, Злобины, Карандеевы, Кончеевы, Коробьины, Крюковы, Леонтьевы, Нарбековы, Обиняковы, Окинфовы, Опраксины, Оринкины, Петровы-Солового, Пороватые, Ратаевы, Селивановы, Селиверстовы, Совины, Теглевы, Тургеневы, Уваровы, Ханыковы, Хитрые, Юшковы.

Из Золотья Орды выехали: Агдавлетевы, Арсеньевы, Вислоуховы, Годуновы, Давыдовы, Елчины, Ждановы, Загоскины, Исуповы, Камынины, Карауловы, Кременецкие, Мосоловы, Обезьяниновы, Огаревы, Павловы, Пешковы, Пильемовы, Подольские, Прокудины, Радиловы, Ртищевы, Сабуровы, Сверчковы (Сабуровы), Свищовы, Сомовы, Талызины, Таптыковы, Тарбеевы, Тевяшевы, Темирязевы, Тургеневы,

¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 1, 2.

² Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 16-18.

Фустовы, Хомяковы, Хомяковы-Языковы, Яковцевы, Якутины.

Из Синия Орды выехали: Бибиковы.

Из Касуйския Орды выехали: Елизаровы.

Из Наручатской Орды выехали: Молвяниновы, Племянниковы.

Из Орды, а из какой не показано, выехали: Биркины, Гайтуровы, Загряжские, Любавские, Матюшкины, Мещерские князья, Поливановы, Ходыревы, Хотяинцевы, Шихматовы князья.

Из Татар выехали: Баскаковы, Бахметева, Бузовлевы, Готовцевы, Дуниловы, Жемайловы, Расстончины, Сонины, Ховрины, Чириковы, Юрьевы»³.

Кроме указанных выше, было и еще несколько значительных дворянских родов, показывавших «ордынское» происхождение, но не подававших росписи в ПРД и не упомянутых в росписях однородцев, в частности, **Ермоловы, Хлоповы**, Карамзины, некоторые другие. Таким образом, более 100 фамилий принадлежали дворянским родам, заявившим в конце XVII в. о своем татарском происхождении.

Значительную работу по анализу сведений родословных легенд «выезжих» родов провел С. Б. Веселовский. В своей книге «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» он показал недостоверность «ордынских» легенд Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых (потомков боярина Зерно), а также Поливановых. С другой стороны, историк не сомневался в ордынских корнях Мячковых, Азаковых, Старковых⁴. Выводы С. Б. Веселовского в основном были повторены А. А. Зимин⁵. Ряд уточнений родословия Радищевых и их родственных связей сделал С. В. Поздняков⁶. С привлечением данных синодиков и вновь открытых документов С. В. Стрельников проанализи-

ровал легенду о Петре Ордынском и реконструировал родословную рода его потомков⁷.

Отдельную работу, посвященную родословным легендам о выезде, в том числе и «из Орды» опубликовал в 1971 г. В. Н. Бочков⁸. Его статью отличает фактически полное доверие ко всем легендам о выезде, многочисленные хронологические и фактические нестыковки в них он объяснял ошибками потомков, устанавливавшими даты и факты «сообразуясь с преданиями».

В 1979 г. была опубликована книга Н. А. Баскакова, в которой на основании данных ономастики и использования в качестве источника позднего «Общего гербовника дворянских родов» исследователь заявил о татарском происхождении большого количества русских дворянских родов⁹. Вслед за Н. А. Баскаковым многие авторы стали писать об «ордынском происхождении» русского дворянства как об уже установленном факте, причем особенно часто этот тезис повторялся и продолжает повторяться в научно-популярной литературе, превратившись в один из укоренившихся исторических мифов.

Вслед за Н. А. Баскаковым подобный же «метод» исследования родословных легенд в своих работах применил А. Х. Халиков. Он принял на веру все разновременные легенды, включая и поздние интерпретации из «Общего гербовника дворянских родов». Благодаря этому «методу» у А. Х. Халикова «ордынцами» стали живший в XII в. легендарный Ратша и целый ряд княжеских родов Рюриковичей и Гедиминовичей. Свои «открытия» А. Х. Халиков обобщил в справочнике под названием «500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения», ставшем довольно популярным у генеалогов-любителей, журналистов и краеведов¹⁰. Апофеозом стремления утвердить тезис об «ордынстве» русского дворянства стал выход

³ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 421-423. Выделены фамилии, рассматриваемые в настоящей работе.

⁴ Веловский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

⁶ Поздняков С. В. Новое об истории рода Радищевых // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 194-196.

⁷ Стрельников С. Б. Землевладение в Ростовском крае в XIV-первой трети XVII века. М., СПб., 2009. С. 63-68.

⁸ Бочков В. Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 73-93.

⁹ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

¹⁰ Халиков А. Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.

двухтомного справочника под очень показательным названием «Бархатная книга татар», вобравшего в себя многие ошибочные выводы из трудов Н. А. Баскакова и А. Х. Халикова¹¹.

Знаковым событием стал сравнительно недавний выход двухтомной монографии А. В. Кузьмина, посвященной генеалогии служилых родов Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в.¹² Значительное место своей работы исследователь посвятил дворянским родам, имевшим настоящего или мнимого родоначальника «из Орды». В ряде очерков, посвященных генеалогии отдельных родов русской служилой знати, А. В. Кузьмин с привлечением различных документальных и нарративных источников проанализировал сведения об их «ордынском» происхождении на предмет достоверности. Исследователь подтвердил наличие татарских корней у Телебугиных, Мячковых, Аракчеевых, Баскаковых и их однородцев Гавриловых, Зубовых и Таратиных. Однако очень серьезные сомнения в достоверности происхождения «из Орды» А. В. Кузьмин высказал в отношении Дюденева, Долгово-Сабуровых, Лихаревых, Бибиновых, Ельчиных, Серкизовых и Старковых, Кочевинных и Поливановых, Хлоповых, Аминовых. В итоге автор пришел к выводу, что в середине XVI – XVII вв. «реальных бояр и дворян, потомков крещеных ордынцев на службе в Москве в XIV – начале XV было гораздо меньше тех лиц, которые причисляли себя к их кругу»¹³.

Легенды и реалии.

Аничковы и Блохины. 19 марта 1686 г. стольник Иван Александров сын Аничков представил в ПРД Разрядного приказа родословную роспись Аничковых, сопроводив ее челобитной о запросе выписки о происхождении Аничковых из некоего летописца, хранящегося в Троице-Сергиевом монастыре. Через полтора года, 20 сентября 1687 г., ро-

дословную роспись своей ветви рода подал Александр Никифоров сын Аничков¹⁴. Еще ранее Аничковых, 15 января 1687 г., представили свою роспись однородцы Аничковых Блохины¹⁵. В родословной традиции дворян Аничковых и Блохиных встречается, по всей видимости, самая красочная легенда о выезде предка из Орды. В наиболее полном и подробном виде родословная легенда дворянского рода Аничковых сохранилась в родословной росписи, поданной в ПРД Разрядного приказа их однородцами Блохиными: «Род Блохиных. В лето 6809-го приехал из Болшие Орды царевич Берка к государю великому князю Ивану Даниловичю Калите к Москве, и крестили ево Петр митрополит да великая княгиня Саламанида от босурманства в православную веру, и нарекаша имя ему во святом крещении Аникей. И от того пошли Оничковы. И благословил его Петр митрополит всеа Руси понагея золота з драгим каменем, в ней семеры мощи, да ковш серебряной, а на нем подписано: «Аз, смиренный митрополит Петр, благословил еси сына своего Берку царевича, а во святом крещении Аникея, сим ковшем». А великая княгиня даша ему множество и крест золот и возложиша на выю его. И государь князь великий Иван Данилович Колита даша ему вотчины и поместья множество и пожаловал его Белым озером под Микулою Воронцовым, и сверх ему, Микулы Воронцова, пожаловал гостиную пошлину. А женился Аникей у Микулы Воронцова на дочери. А Микулина жена государыне великой княгине сестра родная»¹⁶. Эта родословная легенда содержит хронологические и фактические несообразности, хорошо заметные при сравнении с другими источниками. Так, «в лето 6809» (1300/01 г.) великим князем Владимирским был Андрей Александрович, а не Иван Калита, и даже в Москве сидел не Калита, а его отец Даниил Александрович. Большая Орда – это реально-сти середины XV в., но не начала XIV столетия. Митрополит Петр, как известно, скон-

¹¹ Ахметшин Ш. К. Бархатная книга татар. Российские дворянские роды тюрко-татарского происхождения. В 2-х томах. СПб., 2010.

¹² Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1; М., 2015. Т. 2.

¹³ Там же. М., 2015. Т. 2. С. 285.

¹⁴ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. С. 77.

¹⁵ Там же. С. 97.

¹⁶ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 265.

чался 21 декабря 1326 г., а Иван Калита стал великим князем Владимирским (совместно с Александром Суздальским) после разгрома Твери в 1328 г. Также не мог он жаловать выезжего «царевича» Белоозером, имевшим в те времена собственных князей. Сам «царевич Берка», по мнению М. Е. Бычковой, попал в родословную легенду прямиком из сведений летописных сводов¹⁷. В «подробностях» о женитьбе новокрещеного «царевича» на дочери «Микулы Воронцова» явно видны отголоски реальных фактов из истории рода Воронцовых-Вельяминовых. Действительно, у реального Микулы Вельяминова супруга была старшей сестрой великой княгини, но не мифической Соломонида, а Евдокии Дмитриевны Суздальской, жены Дмитрия Донского¹⁸. Похоже, что и сами Аничковы не питали особых иллюзий по поводу правдоподобности своего семейного предания. В двух росписях, поданных в ПРД представителями двух ветвей рода Аничковых, был записан краткий вариант легенды, избавленный от баснословных «подробностей»: *«Во дни благочестивого великого князя Ивана Даниловича всея России выехал из Болшия Орды честные породы, имя ему Берка. И крестил ево Петр митрополит. А во святом крещении наречено имя ему Ионикий. И от него пошли Аничковы»*¹⁹. Следует обратить внимание на то, что в росписях Аничковых, в отличие от росписи Блохиных, статус родоначальника понижен – он уже не «царевич», а всего лишь «человек честные породы». Родословная легенда Аничковых и их поколенная роспись присутствует уже среди приложений Никоновского свода по списку Оболенского, при этом в росписи нет имен Аничковых, живших позднее сер. XVI в. Видимо, именно в это время или немного ранее возникает легенда о выезде «царевича» Берки на Русь²⁰.

В начале XVI в. Аничковы были рядовыми провинциальными детьми боярскими из Дмитрова, переведенными на поместья в Новгород. Их родовой вотчиной в Дмитрове было, по всей видимости, село Аничково²¹. По сведениям писцовой книги 1495/96 г., в волости Демон Деревской пятины Новгородской земли помещиками были две семьи Оничковых: Андрей, Илья, Иван Васильевы дети²², а также Василий, Андрей, Ивашко Блоха, Глеб Ивановы дети²³. В составе «новгородской силы» Аничковы приняли участие в битве при Орше 8 сентября 1514 г. Согласно росписи в составе Никоновского свода, двое Аничковых в этой битве были убиты. Литовские документы свидетельствуют, что еще один представитель рода попал в плен. В Ковно, судя по записям реестров из Литовской метрики, содержался сын боярский Андрей Оничков (Аничков), который там же и умер до 20 октября 1538 г.²⁴ Кто из двух Андреев попал в плен при Орше, Васильевич или Иванович – не ясно. В Дворовой тетради имена Аничковых отсутствуют, но два представителя рода включены в состав «тысячников». Это сыновья Ивана Видяки Глебова сына Аничкова, Богдан и Семен, городовые дети боярские II статьи из Демонского погоста Деревской пятины Новгородской земли²⁵. Дальнейшее возвышение рода было связано уже с деятельностью его представителей, живших в XVII в., к концу которого Аничковы и Блохины достигают московских и даже думных чинов, хотя боярскую шапку заслужить им так и не удалось²⁶.

Как показывает изучение источников не родословного характера, во многих случаях происхождение «из Орды», зафиксированное в родословной легенде, на проверку оказывается мифом, при этом род, как правило,

¹⁷ Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв.: Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012. С. 85. Как отмечает автор, также из летописей были взяты имена для «прародителей» Елизаровых и Карауловых.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 24. С. 232.

¹⁹ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. С. 258, 263.

²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 301; Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. I. С. 35-36.

²¹ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М., 1998. С. 430-433.

²² НПК. Том. I. Стб. 534-538.

²³ Там же. Стб. 541-548.

²⁴ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 172, 177.

²⁵ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950 (далее – ТКДТ). С. 90.

²⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 8, 9.

действительно был выезжим. Похоже, нечто подобное наблюдается и в случае с Аничковыми. Нет никаких сведений об их пребывании в Северо-Восточной Руси до 3-й четверти XV в. Вероятно, настоящим предком Аничковых был могилевский боярин *Оникий*, упомянутый в актовом материале Литовской метрики. В 1446 г. его бывшее держание в Могилеве было пожаловано брату троцкого тиуна Михна Ивановича Подбийпяты: «*Подбийпятину брату у Могилеве земля пустая, што Оникии держалъ; а ему с тое земли платъ давати. Самъ великии княз и Сачко, маршалокъ. Инъдик(т) 9*»²⁷. Не исключено, что владение Оникия запустело из-за его отъезда на московскую службу. Можно предполагать, что «за выезд» Оникий был пожалован землями в Дмитрове, на которых основал село, позднее известное как Аничково. Сыном выезжего могилевского боярина Оникия мог быть Михаил Оничков, в 1474–78 г. отмеченный как послух в одной меновной грамоте в Каменском стане Дмитровского уезда. Интересно, что грамоту писал сын Михаила Дмитрий (Митук), но в родословной росписи Михаил Аничков показан бездетным правнуком мифического «царевича» Берки²⁸.

Бибиковы. В представленной 21 мая 1686 г. в ПРД Разрядного приказа родословной росписи Бибиковых об их происхождении было написано следующее: «*Род Бибиковых. Приехал во Тверь к великому князю к Михайлу Ерославичу Тверскому из Синие Орды служить татарин, а имя ему Жидимер, а сказался, что он был сродник Синие Орды царем. У Жидимера сын Дмитрей. У Дмитрея сын Микула. У Микулая дети Федор Бибик да Григорей. У Федора Бибикова²⁹ дети: Василей да Давыд*»³⁰. На момент подачи росписи эта родословная легенда существовала как минимум сотню лет, поскольку она также содержится в статье «Род Бибиковых, да Якимовых» в некоторых списках Патриаршей редакции родословных книг, где поколенная

роспись рода доведена до лиц, живших в конце XVI в.³¹

Историю землевладения Бибиковых в Волоцком уезде исследовал в своей монографии С. З. Чернов. Им была проведена реконструкция родословия Бибиковых, служивших до сер. XVI в. по Волоку и Рузе, исправлены некоторые ошибки в их родословной росписи³². Автор, однако, не удостоил своим вниманием новгородскую и тверскую ветви Бибиковых, поскольку исследовал конкретно военно-служилую корпорацию Волоколамского. С. З. Чернов считал вполне вероятным происхождение рода Бибиковых от тверского боярина Жидимера, сомневаясь только в его выезде к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому «из Орды». Он также полагал достоверной версию некоторых родословцев о родстве Бибиковых с родами тверских бояр Собакиных и Нагих³³. Несколько страниц в своей объемной монографии посвятил роду Бибиковых и А. В. Кузьмин. Отрицая «ордынское» происхождение рода, исследователь тем не менее доверяет указанию легенды на сына Жидимера, Дмитрия, как на предка рода, отождествляя его с тверским боярином, упоминаемым в летописи под 1314 г.³⁴ Также исследователь не упомянул живших в конце XV в. новгородских помещиков Вотской пятины Григория и Михаила Игнатьевых детей Бибикова, хотя именно потомки Игнатия подавали родословную роспись Бибиковых в ПРД³⁵.

Допуская хронологическую возможность происхождения Федора Библика от тверского боярина Дмитрия Жидимирича, С. З. Чернов и А. В. Кузьмин не обратили внимания на упоминания внука Федора Библика, Владимира Давидовича, среди русских пленных в Литве. Взятый в плен в битве при Ор-

³¹ Родословная книга по трем спискам // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 202.

³² Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 290–292.

³³ Там же. С. 293.

³⁴ Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 314–318.

³⁵ НПК. Том. III. Стб. 715, 717, 718, 872, 873, 876.

²⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 30.

²⁸ АСЭИ. Т. 1. С. 327. № 437.

²⁹ Так в ркп. Правильно – «Бибика».

³⁰ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск второй. М., 2017. С. 233.

ше 1514 г., Владимир Бибииков содержался в Дрогичине, где и умер после мая 1519 г. до сентября 1525 г.³⁶ В это же время в Киевце сидел его родственник – новгородский сын боярский Григорий Игнатьев сын Бибииков, также скончавшийся до сентября 1525 г.³⁷ Это означает, что в 1477 г. Василий и Володя Бибииковы были, скорее всего, малолетними детьми³⁸, а их отец Давид, упоминаемый в 1464 г., умер не старым. Следовательно, годы жизни Федора Бибиика следует относить к сер. XV в., подтверждением чему служит упоминание его сына Афанасия в самом конце того же века³⁹. Таким образом, весьма маловероятно, чтобы Бибиик мог быть внуком тверского боярина, имевшего в 1314 г. взрослую дочь. Кроме того, отец новгородских помещиков Игнатьевичей, по всей видимости, также был сыном самого Федора Бибиика, а не сыном Давида Федоровича, как показано в росписи.

Упоминания лиц с прозвищем Бибиик и произошедшей от него фамилии встречаются не только в актовом материале Северо-Восточной Руси. В смоленском реестре служилых людей ВКЛ ок. 1492 г., например, присутствует слуга Рославльской волости Бибиик «в Слободке». Там же среди смоленских бояр записан Кулюпан Бибиикович⁴⁰, который также может быть или еще одним сыном Федора Бибиика, или одним из его сыновей, упомянутым под семейным прозвищем. Характерно, что в Дворовой тетради Бибииковы записаны по Волоку, Рузе и Дорогобужу⁴¹, а среди «тысячников» отмечен лишь Семен Григорьев сын Бибииков – дворовой сын боярский II статьи из Вотской пятины Новгородской земли⁴². Никто из Бибиико-

вых – тверских вотчинников и помещиков, известных по описаниям 1540-х гг., на дворовой службе не отметился⁴³.

Учитывая вышесказанное, происхождение рода Бибииковых из Смоленского наместничества ВКЛ можно считать довольно вероятным. В этой связи примечательно, что соседями Бибииковых по Издетемльскому стану в Волоке были вотчинники Сверчковы – потомки упоминаемого в сер. XV в. «смольнянина» Федка Сверчковича, судя по всему, выехавшего позднее на московскую службу⁴⁴. Своего легендарного предка Бибииковы, по всей видимости, «заимствовали» из летописи, при этом тверскому боярину было приписано еще и происхождение «из Орды».

³⁶ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 159, 168, 177.

³⁷ Там же. С. 164, 177.

³⁸ Василий и Володя Давыдовы дети Бибиикова упоминаются в духовной грамоте князя Бориса Васильевича Волоцкого (ДДГ. № 71. С. 251).

³⁹ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 292.

⁴⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 155. № 141.1.

⁴¹ ТКДТ. С. 176, 178, 192.

⁴² Там же. С. 85.

⁴³ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. II. СПб., 1877. С. 99, 163, 224.

⁴⁴ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 293–294. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 26.

Дашковы. 6 марта 1686 г. представителями рода дворян Дашковых в ПРД Разрядного приказа была подана родословная роспись, к которой прилагались копии шести документов, подтверждающих «службы» Дашковых в 1615–1663 гг.⁴⁵ В родословной росписи предком дворян Дашковых был назван некий «муж честен» Дашек, выехавший из Большой Орды к великому князю Василию Ивановичу и крещеный в православие с именем Даниила⁴⁶. В рукописном синодике Троице-Сергиева монастыря (список 1575 г.) содержится весьма любопытная поминальная запись. На л. 179 об., 180 читается поминание *«Великого князя Святослава, великого князя Всеволода, князя Костянтина, инока Даниила, Михаила, Александра»*. Сверху над строкой киноварью написано *«Дашковича»*⁴⁷. На первый взгляд, логичным может выглядеть предположение о том, что запись относится к кому-то из рода смоленских князей Дашковых. Однако три последних имени не имеют княжеского титула, при этом в роду князей Дашковых нам не известны ветви, потерявшие княжеский титул. Довольно странным выглядит и перечень лиц с княжескими титулами. «Великий князь Святослав» – несомненно, великий князь смоленский Святослав Иванович, родоначальник ряда княжеских родов, в родословцах XVI–XVII вв. писавшихся как «князья смоленские»⁴⁸. Упоминание «великого князя Всеволода» относится, по всей видимости, к предку боярского рода Всеволожей. Именно с великокняжеским титулом он записан в родовом поминании Всеволожей-Заболоцких в синодике Переяславского Успенского Горицкого монастыря⁴⁹. Запись «Князя Константина», вероятно всего, подразумевает лицо, которое считали своим предком многочисленные потомки Фо-

минских князей⁵⁰. По всей видимости, упомянутый в синодике Александр Дашкович – это представитель нетитулованного дворянского рода Дашковых, которого возможно отождествить с Александром, показанным в родословной сыном Даниила – «Дашека». Записанные перед именем Александра Дашковича имена без княжеских титулов, судя по всему, принадлежат его деду и отцу. Запись может быть датирована временем незадолго до 1538/39 г., поскольку в расположенном на том же л. 179 об. поминании рода князя И. Ф. Овчины-Телепнева-Оболенского его отец Федор и брат Борис записаны, но имени самого князя Ивана Федоровича (ум. 1539 г.) в тексте пока еще нет.

В документальных источниках Московского государства впервые нетитулованные Дашковы отмечены в Дворовой тетради. Среди «литвы дворовой» из Малого Ярославца числится Андрей Михайлов сын Дашков с сыном Иосифом⁵¹. По Рязани служил Васюк Шестаков сын Дашков, который, судя по всему, является одним лицом с «рязанцем» Василием Ивановым сыном, погибшим при сожжении Москвы крымскими татарами в 1571 г.⁵² В родословной росписи имя Василия присутствует, но там он показан сыном самого Даниила-Дашека. Также известно, что Ивановичем был и Федор Бетюк (отец алексинского дворянина Богдана, упомянутого в боярском списке 1588/89 г.)⁵³, но указанный в росписи как «Данилович». Возвышение рода Дашковых произошло благодаря деятельности двух видных воевод времен Смуты – Петра Гурьевича (Григорьевича) и его племянника, Аксентия Яковлевича Дашковых. Значительным служилым человеком первой пол. XVII в. был и сын Аксентия Яков⁵⁴. К концу XVII в. Дашковы служат в стольниках, стряпчих, московских дворянах, имеют своих

⁴⁵ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 144, 145.

⁴⁶ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. I. С. 223.

⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 304/III. Ризница Троице-Сергиевой лавры. № 25. Синодик Троице-Сергиева монастыря [Список 1575 г.]. Л. 179 об., 180.

⁴⁸ Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. Новые родословные книги XVI в. С. 24, 76.

⁴⁹ Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV–XVI вв. // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 28.

⁵⁰ Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. Новые родословные книги XVI в. С. 40, 165.

⁵¹ ТКДТ. С. 208.

⁵² Там же. С. 167; Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011 (далее – ПИРСС). С. 209.

⁵³ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 239.

⁵⁴ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. I. С. 224, 225.

представителей в Думе в лице думных дворян Андрея и Василия Яковлевичей⁵⁵.

В актах Литовской метрики в нач. XVI в. упоминаются несколько Дашковичей. Вряд ли «московские» Дашковы имеют отношение к киевскому роду знаменитого Остафия Дашковича⁵⁶, также маловероятна их принадлежность к витебским боярам Дашковичам. Однако, в великом княжестве Литовском вышеупомянутые Дашковичи были далеко не единственными. Так, 13 июля 1503 г. господарский писарь Игнат получил подтвердительный лист короля и великого князя Александра Казимировича на заложенную ему василишскими боярами Ваской *Михайловичем* и его «братаничем» Станькой Дашковичами «отчинную дельницу». В документе также упоминается и Василишский наместник короля, князь Василий Львович Глинский⁵⁷. С учетом вышесказанного можно попытаться реконструировать реальную генеалогию Дашковых. Родоначальником «ордынцев» Дашковых является, по всей видимости, василишский боярин в ВКЛ Михаил Дашкович, у которого было не менее пяти сыновей – Иван Старый, Василий, Александр, Андрей, Иван Шестак. Иван Старый и Александр, по сведениям росписи, были бездетны. Сведения росписи о бездетности Ивана подтверждаются вышеупомянутым документом из Литовской метрики от 13 июля 1503 г. Василий Михайлович остался в Литве – 14 июня 1518 г. королевский дворянин Васко Дашкович получил подтверждение на земли в Ковенском и Кричевском поветах⁵⁸. Судьба его племянника Станьки неизвестна, он упоминается только один раз. Четвертый Михайлович, Андрей, как указано выше, служил по Малому Ярославцу. Малый Ярославец – бывшее владение князя М. Л. Глинского, пожалованное ему за выезд, что может указывать на возможную службу Андрея Дашкова

этому князю. У Ивана Шестака – сыновья Федор Бетюк, Григорий Гур, Василий и Федор Лепех; от них и ведут свой род «ордынцы» Дашковы. В их родословии по каким-то причинам отсутствуют Михаил Дашкович и его сын Иван Шестак, а в «сыновья» Дашку составители росписи определили его реальных внуков и правнуков. Подобное «выпадение» колен в родословной росписи не является единичным случаем. Например, то же самое наблюдается и в родословной росписи Совиных, из которой «выпал» сам родоначальник фамилии – Григорий Сова Карпов сын Мурзин, а его прозвище «Сова» приписали сыну, Ивану Совичу⁵⁹.

Можно предположить, что, воспользовавшись отсутствием в летописных источниках имени своего предка среди соратников князя М. Л. Глинского, перешедших в декабре 1508 г. на московскую службу⁶⁰, потомки выезжих литвинов Дашковы (Дашковичи) получили определенную свободу в «реконструкции» собственного родословия. Поминальная запись рода Александра Дашкова (Дашковича) в Синодике Ризницы Троице-Сергиева монастыря демонстрирует довольно раннюю (первая треть XVI в.) попытку создания родословной традиции «нововыезжего» рода путем приписки к князьям-однофамильцам. Однако, по каким-то причинам эта версия в родословных росписях Дашковых не отразилась⁶¹, и «в народ» пошла «ордынская» легенда позднего (вероятно, сер. XVII в.) происхождения.

⁵⁵ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 109-111.

⁵⁶ Голубев С. Т. Древний помяник Киево-Печерской Лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в Истор. об-ве Нестора Летописца. К., 1891. Кн. 6. С. 36. В поминании рода пана Ивана Дашковича имя Михаила отсутствует.

⁵⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 305. № 519.

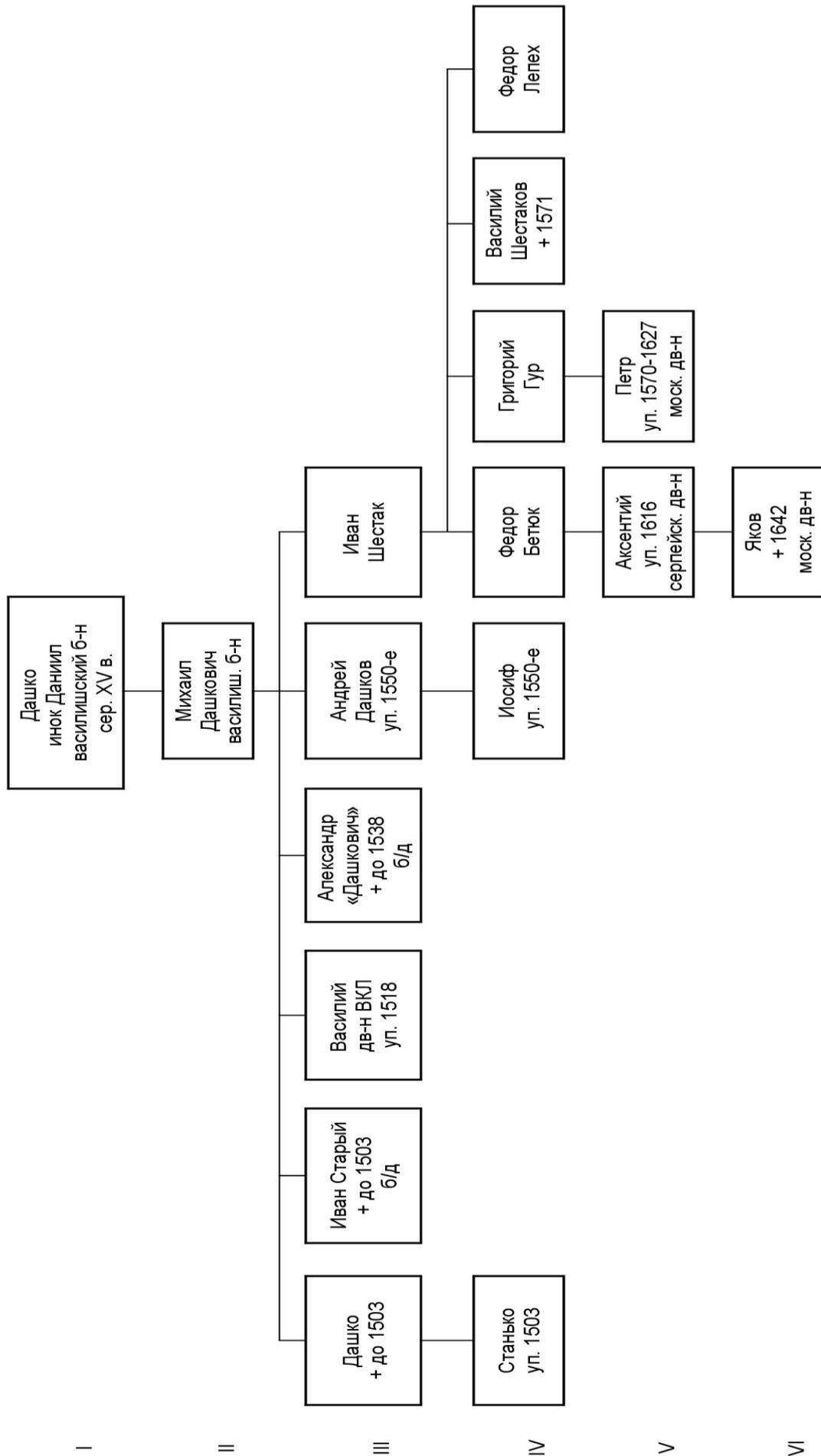
⁵⁸ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Vilnius, 1997. P. 55, 56. № 20.

⁵⁹ См. ниже о роде Совиных.

⁶⁰ Зимин А. А. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. 1970. № 5. С. 72-73.

⁶¹ Возможно, Дашковы столкнулись с протестами настоящих потомков смоленских князей.

Дашковы.

I

II

III

IV

V

VI

Долгово-Сабуровы. В родословной росписи, представленной в ПРД Разрядного приказа стольником Андреем Ивановым сыном Долгово-Сабурова, о предке фамилии было сказано: «Род Сабуровых Долгих. Во дни благочестивого великого князя Александра Невского прииде из Болишия Орды с великим князем Федором Ростиславичем Ярославским Атун мурза Анданович. А с ним пришло татар дватцать (ты)сеч царева двора в Ярославль провожатъ великаго князя Феодора Ростиславича. И Атун мурза в Ярославле крестился, а во крещении имя ему Борис. А татар отпустил из Ярославля в Большую Орду. А сам Борис приехал в Володимир к великому князю Александру Невскому, и князь великий пожаловал ево, Бориса, велел ему у себя быть в боярех»⁶². Время возникновения этой легенды может быть отнесено к рубежу XVI–XVII вв., поскольку она сохранилась в составе родословной книги по списку Оболенского, где родословие «Долгих Сабуровых» доведено до Захария Тимофеевича, постригшегося в Суздальский Спасо-Ефимьев монастырь с именем инок Захехя до 1608 г.⁶³

Сравнение текстов родовой легенды нач. и конца XVII в. показывает, что они не имеют существенных различий. На серьезные хронологические неувязки текста легенды обратил внимание еще С. Б. Веселовский, также полностью недостоверной он считал и родословную роспись Долгово-Сабуровых⁶⁴. Мнение С. Б. Веселовского было в целом поддержано А. В. Кузьминым, правда, осторожно предположившим, что предок Долгово-Сабуровых мог служить великому князю Александру Невскому⁶⁵. Анализ родословной росписи этого рода показывает, что от поколения Федора Сабура Долгого ее можно считать (с некоторыми корректировками) вполне

достоверной. Только время деятельности Сабура должно быть смещено на конец XV в., а сын Федора Петр «окольниковичий» должен был жить в первой трети XVI в., а не во времена Дмитрия Донского. С учетом этих изменений годы упоминаний членов рода Долгово-Сабуровых, указанные С. Б. Веселовским, вполне соответствуют положению этих лиц в родословной росписи.

Представляется, что Долгово-Сабуровы были ветвью смоленского боярского рода Долгих (Долгово), перешедших на московскую службу в конце XV в. Так, Ивашко Долгий, смоленский боярин в Еленской волости, упоминался в судебном «выроке», датированном 21 марта 1494 г., по жалобе «смольнянина» Терешко на Ивашка Долгого, «...што ж ему кривду делаль в земли»⁶⁶. Похоже, что в это время Ивашки Долгого на землях великого княжества Литовского уже не было. Местом первоначального помещения выезжих смольнян Долгих мог быть Лух. Согласно писцовой книге Бежецкой пятины письма В. Г. Наумова и С. З. Дятлова 1498/99 года, в Богородицком Плавском погосте 13 сох «с третью» земли было в поместье за Бориском Ивановым сыном Долгова, «луховитином», в совладении с другим переселенцем из Луха, Ивашкой Никитиным сыном Болтина⁶⁷. Однако, данного уточнения в платежной книге явно недостаточно, чтобы уверенно предполагать происхождение Долгих из «коренных» землевладельцев Луховской волости, часть из которых были выведены в Новгород в связи с передачей г. Лух «с волостями» во владение служилому князю Ф. И. Бельскому. Например, помещики Поддубские, упоминаемые в этом же источнике как «юрьевцы», с большой степенью вероятности являются выходцами из Великого княжества Литовского, родственниками Олехна Поддубского, пожалованного в конце XV в. «дворцом» в Оршанской волости⁶⁸. Возможно, Федор Сабур Долгий был братом «смольнянина» Ивашки Долгого, либо состоял с ним

⁶² Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск восьмой. М., 2020. С. 348.

⁶³ ПИРСС. С. 154, 155. Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. № 268. С. 510.

⁶⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 440.

⁶⁵ Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 229, 230.

⁶⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012. P. 42, 43. № 10.

⁶⁷ Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1. С. 235.

⁶⁸ Там же. С. 225. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 228, № 352.

в более отдаленной степени родства. В XVI в. члены рода Долгово-Сабуровых владели землями в Луховском, Костромском и Ярославском уездах⁶⁹. В Луховском же уезде в 1578/79 г. отмечено и поместное землевладение рода Долгово⁷⁰.

По всей видимости, одним из источников родословной легенды Долгово-Сабуровых стало Житие великого князя Федора Черного, а не устная память⁷¹. Данный факт также говорит о том, что вероятность существования «Алтун-мурзы Андановича» практически сводится к нулю. С другой стороны, обращение к Житию ярославского князя Федора Ростиславича, выходца из Смоленска, могло быть совсем не случайным.

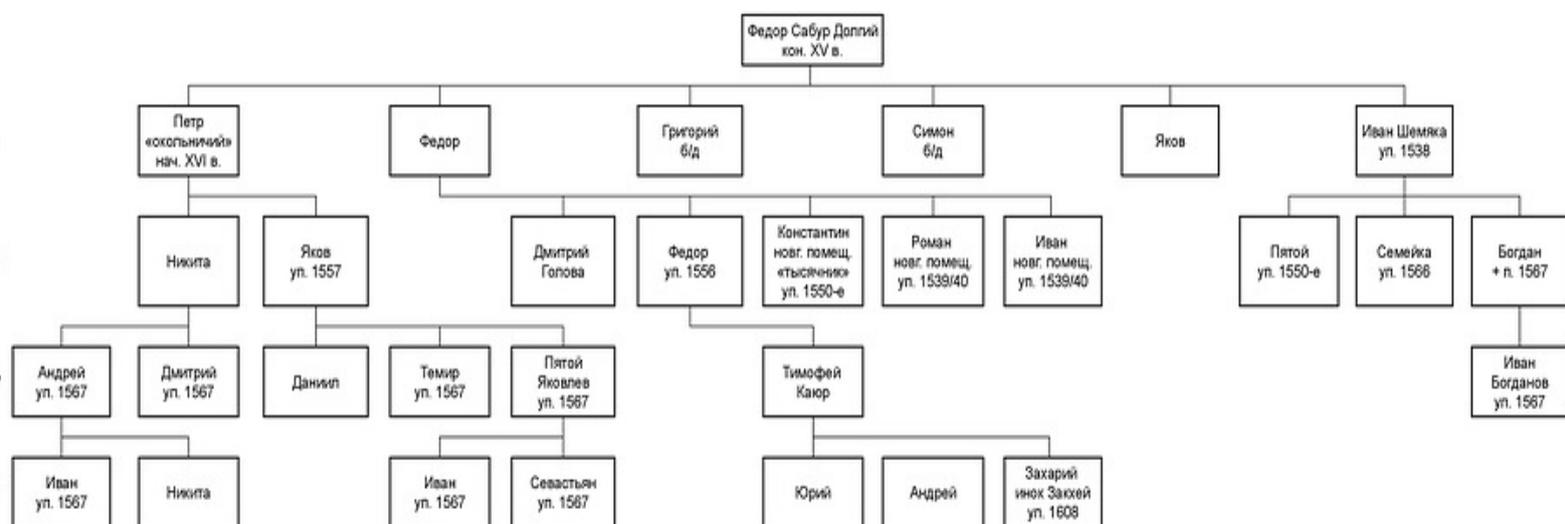
---

⁶⁹ Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 230.

⁷⁰ Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002. № 861. С. 113.

⁷¹ Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 230.

Долгово-Савуровы

Елизаровы. В конце XVII в. представители двух родов Елизаровых подали свои родословные в Палату родословных дел Разрядного приказа⁷². Первые Елизаровы без ложной скромности показали себя Чингизидами, а другие совершенно бесосновательно приписались к своим однофамильцам – старомосковскому боярскому роду Гусевых-Елизаровых из рода Редеги⁷³. В родословной росписи «ордынцев» Елизаровых было написано: «Во дни княжения великого князя Василья Васильевича Темного, егда онъ побежден бысть от Галицкого великого князя и приидоша к нему на оборонение два царевича Егуп да Кайсым и спомогаше в воинстве великому князю на супостат его и прият бысть чесна и един Егуп крещен бысть, а во крещении имя ему Василий и у него сын Елизар, а у Елизара Васильевича сын Михайло и нача именоваться Елизаров, а у Михайла сын Игнатей, а у Игнатья Михайловича дети Борис бездетен, Семен, Иван бездетен...»⁷⁴.

Роспись вызывает определенные сомнения в части хронологии, поскольку жив-

шего в середине XV в. сына хана Улу-Мухаммеда от его якобы праправнуков, живших в конце XV в., разделяет всего-навсего полстолетия. Неудивительно, что сведения родовой легенды Елизаровых о крещении царевича Якуба и о его мнимом потомстве не подтверждаются другими источниками. Однако, человек по имени Игнат Елизаров, живший во второй половине XV в., зафиксирован документальным источником. Разумеется, это был никакой не потомок Чингиз-хана, а конный слуга Игнат Елков (Елко – уменьшительная форма имени Елизар) в волости Болваничи Смоленского наместничества ВКЛ⁷⁵. Его отцом мог быть смоленский служилый человек Елко (Елизар), которому около 1441 г. великим князем Казимиром было пожаловано сельцо Искрино⁷⁶. Судя по всему, сыновья и внуки Игната Елкова (Елизарова) записаны среди конных слуг Еленской волости в реестре смоленских служилых людей из Литовской метрики (около 1492 г.): «Игнатовых детей: Сеня, а сынъ его Фома, Ольфор, а сынъ его Василь, Халчь, Миша; а Онътонъ Василевъ сынъ»⁷⁷. Старший сын Игната, Борис, по всей видимости, первым из Игнатовичей перешел на московскую службу. Согласно родословной роспи-

⁷² Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 151-152.

⁷³ Бабенко А. А., Комаров О. В. Московская «литва» в битве при Орше 1514 г. // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. Ч. III. 2020. С. С. 287, 288.

⁷⁴ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 288.

⁷⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 184. № 277.

⁷⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 45.

⁷⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 161. № 141.16.

си, в период 1485–1505 гг. он был великокняжеским наместником в Гороховце⁷⁸. Среди имен детей боярских, взятых в плен в битве при Орше 8 сентября 1514 г., в т. н. «Патриаршем списке» и реестрах из Литовской метрики читается имя Григория (Гриди) Иванова сына Елизарова, отсутствующее в родословной росписи. Он содержался в Мельнике, где и умер до сентября 1525 г., так и не дождавшись выкупа или обмена⁷⁹. Надо полагать, что оршанский пленник Григорий Елизаров, скорее всего, был племянником Бориса Елизарова, сыном Ивана Игнатьевича, показанного в родословной росписи бездетным. В Дворовой тетради по Мурому были записаны сыновья Федора Слепого Семенова сына Елизарова, другого внука Игната – Василий и Иван⁸⁰. Они же вместе с братом Никитой (Митькой) попали в «тысячники»⁸¹. Род продолжил еще один их брат, Михаил. Судя по всему, Михаил был «книжным человеком», о чем свидетельствуют весьма оригинальные имена, которые он дал своим сыновьям: Эндогур (Андрей), Валтасар (Иван), Мордехай (Василий) и Обраслан (Наум)⁸². Род потомков конного слуги Игната Елкова к середине XVII в. уже имел своих представителей в думных чинах – окольного Федора Кузьмича и его младшего брата, думного дворянина Прокофия Кузьмича⁸³.

Нам неизвестны точные причины и условия возникновения «ордынской» легенды Елизаровых. С одной стороны, иметь в предках Чингизида было престижно, с другой – подобный мифический родоначальник скрывал истинное, далеко не аристократическое происхождение реального предка. Осмелимся предположить, что к созданию родовой легенды свою руку мог приложить Михаил Фе-

доров сын Елизаров, отличившийся нетривиальными семейными именами своих сыновей.

⁷⁸ Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 150.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 17. Спб., 1907. Стб. 187. Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 159, 167, 173.

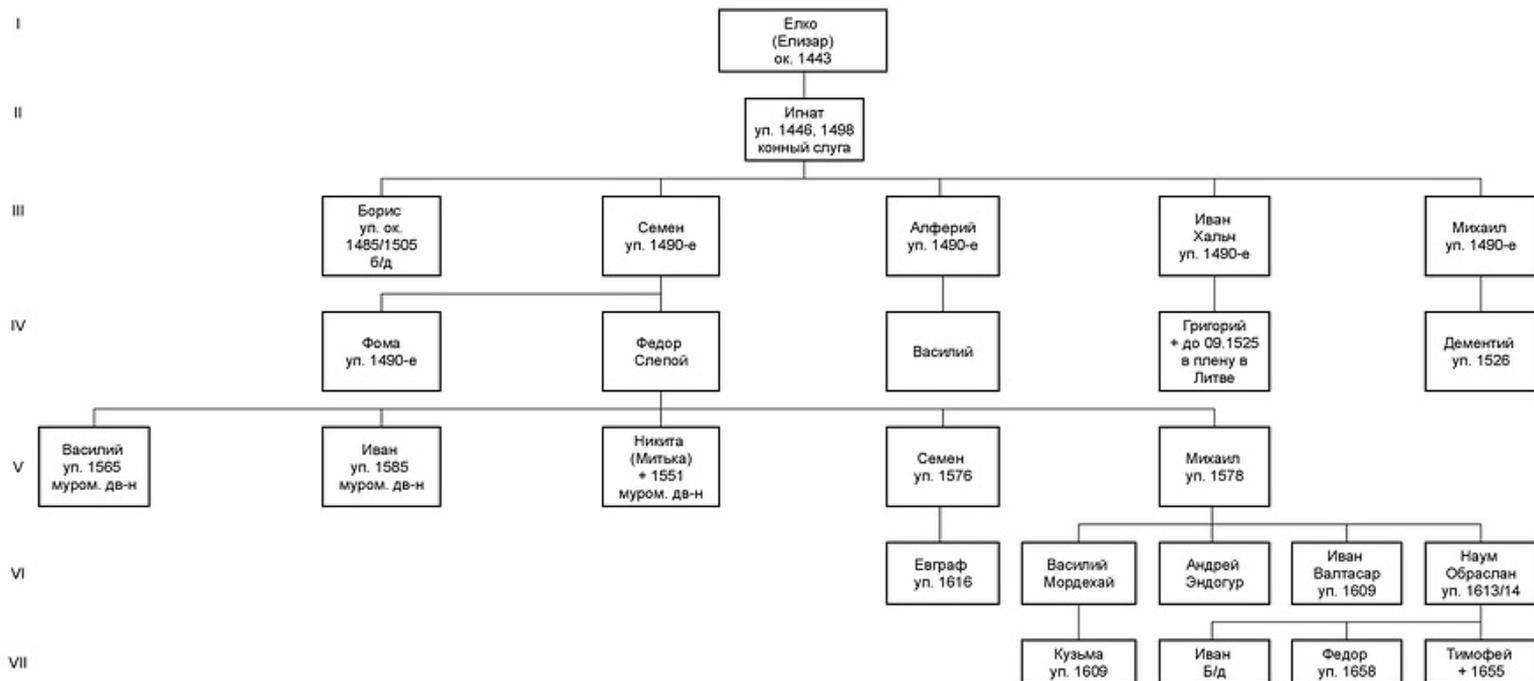
⁸⁰ ТКДТ. С. 157.

⁸¹ Там же. С. 71.

⁸² Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 288, 289.

⁸³ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 128, 129.

Елизаровы (Игнатовичи).

Ермоловы. В Московском государстве существовало несколько дворянских родов Ермоловых и Ермолиных. Самым значительным из них был род, считавший своим предком выехавшего в 1506 г. на службу к Василию III некоего знатного ордынца с соответствующим именем – Арслан Мурза Ермола⁸⁴. По неясной причине Ермоловы не подавали своей родословной росписи в ПРД Разрядного приказа, хотя в конце XVII в. это был довольно видный служилый род⁸⁵. Поколенная родословная роспись была составлена историком рода А. С. Ермоловым, использовавшим хранящуюся в Московском Архиве Министерства Юстиции роспись 1785 г., поданную в Герольдмейстерскую контору П. Л. Ермоловым. Любопытно, но уже в ответе надворному советнику П. Л. Ермолову сообщалось, что никаких сведений о выезде в 1506 г. из Золотой Орды Араслана-Мурзы-Ермолы, в крещении Ивана, в архиве не имеется, «а найдено в книге *Нагайских статейных списков 1580 года, что во время государствования Царя Ивана Васильевича послан был с грамотою в Нагайскую Орду к Тинбай-Мурзе сын боярский Иван Ездоков сын Ермолов, который в иных местах и Ермолиным написан, но подлинно ли сей Иван Ездоков сын Ермолов вышеупомянутого*

*просителя надворного советника Ермолова был предок и его ли именно фамилии, того Коллегии Иностранных Дел Архив утвердить не может»*⁸⁶. Однако, Н. А. Баскаков, не сомневаясь в достоверности родовой легенды, даже находит тюркскую этимологию фамилии, происходящей от обычного (хотя и достаточно редкого) русского имени греческого происхождения Ермолай⁸⁷.

Среди князей, бояр и слуг, погибших 7 июля 1445 г. в Суздальской битве, Ростовский Соборный синодик упоминает и некоего Измаила⁸⁸. Достаточно редкое в среде русской знати имя (в это время имя Измаил носил лишь один из представителей тверского боярского рода Коробовых) позволяет сделать предположение, что Измаилом звали недавнего выходца из ВКЛ. В «Книге данин» великого князя литовского Казимира читается, что ок. 1442 г. князю Григорию Александровичу Одинцевичу было пожаловано «...село *Ихзмаилово Ермоловича, на имя Рыкаловское. Пань Довкгирдь, пан Юриша, Логвин»*⁸⁹. Обращает на себя внимание указание на владение Измаила как бывшее. Нельзя исключать того, что «село Измаилово Ермоловича» могло быть конфисковано у его владельца – как у сторонника князя Юрия Мстиславского, бежавшего в Москву

⁸⁴ Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи: в 2-х т. СПб., 1890. Ч. I. С. 615, 616.

⁸⁵ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6.; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 132.

⁸⁶ Ермолов А. С. Род Ермоловых. М., 1912. С. 7, 8, 11-84.

⁸⁷ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 174, 175.

⁸⁸ ПИРСС. С. 194.

⁸⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 26.

из осажденного восставшего Смоленска осенью 1440 г.⁹⁰ В 1443 г. (датируется по индикту б и великокняжескому титулу Казимира) в Литовской метрике, возможно, упоминается и отец Измаила, Ермолай: «У Смоленскомъ [повете]. Ермоле ч(о)л(о)векъ Юрко тяглыи, на Молохве; не даетъ деи ни якое пошлыны; до воли»⁹¹. О землевладении Измаила Ермоловича в Северо-Восточной Руси, к сожалению, ничего не известно. В смоленском реестре служилых людей в 4-й книге записей Литовской метрики в конце XV в. упоминается еще целый ряд лиц с именем Ермола среди бояр, панцирных (доспешных) и щитных слуг Смоленского наместничества. Но особое внимание, на наш взгляд, стоит обратить на упоминания в документах метрики смоленского боярина Ермолы Старостина и его сыновей. 14 октября 1489 г. «смольнянину» Ермоле Старостину было записано 4 копы грошей со смоленского мыта и жеребенок. Сын Ермолы Мишута получил на год в кормление волость Молохву, его братья Артем (Артюх) и Васько *Ермольнич* получали в кормление ту же волость на 2 года «после первых». Кроме права на кормление братья также получили по жеребенку⁹². 25 марта 1490 г. «смольнянам» Артюху, Мишуте и Степану *Ермолиным* были записаны денежные доходы «з мыта смоленского»⁹³. Наконец, в реестре князей, бояр и слуг смоленских ок. 1492 г. упоминаются «Ермола Старостинъ, а сыновъ его 4: Ортемъ, Степанъ, Аврам, Лара. Мишута Старостинъ, а сынъ его Федько»⁹⁴. Интересно, что в 1443 г. боярин Ермола был пожалован тяглым человеком «на Молохве», и та же волость Молохва упоминается в королевских «данинах» конца XV в. сыновьям Ермолы Старостина. Однако уверенно отождествить двух лиц по имени Ермолай препятствует довольно большой временной лаг между их упоминаниями в документах.

Согласно родословной росписи, у легендарного Ермолы-Мурзы были сыновья Федор-Адаш, Михайло, Савва и Василий, при этом род показан лишь от Михаила и Василия. Михаила (Мишуту) и Василия мы также видим среди сыновей реального Ермолы Старостина, а Федором звали сына Мишуты. Следует отметить, что 1506 г. как время выезда предка на службу великому князю Московскому, кроме Ермоловых, указали

лишь потомки смоленских бояр Плюсковы⁹⁵. Отсутствие упоминаний Ермоличей-Старостиных в списке раздачи хлебокормлений оставшимся на литовской службе смоленским боярам от 25 декабря 1514 г. может косвенно свидетельствовать в пользу их присяги великому князю Василию III после взятия Смоленска московским войском⁹⁶. Возможно, один из сыновей Ермолы Старостина, Степан, был упомянут в разъезжей грамоте в Юрьевском уезде с широкой датировкой 1462–1505 г.⁹⁷ Интересно, что разъезд проводился между митрополичьей землей и владением Ленка Васильева сына Маринина, также представителя рода смоленских бояр Мариничей. К сожалению, до упоминания в 1580 г. Ивана Ездокова сына Ермолова документов с указанием служб Ермоловых не известно. В боярском списке 1602/03 г. в выборе из Арзамаса с поместным окладом 400 четвертей упомянут сын боярский Иван Большой Осипов сын Ермолов⁹⁸. В Смуту довольно заметным служилым человеком был его сын, Осип, выслуживший чин московского дворянина. Московским дворянином в 1627–1658 гг. был и его старший брат Роман, также арзамасский помещик⁹⁹. Их младшие родственники также были «мещерянами», владея поместьями в Шацком, Арзамасском и Алатырском уездах.

«Ордынская» легенды рода Ермоловых (часто писавшихся и как Ермолины) возникла, скорее всего, уже в XVII в. под влиянием ряда факторов, в числе которых было землевладение на восточных рубежах Московского государства, в соседстве с поместьями служилых татар, а также служба, связанная с посольскими отношениями с Большой и Малой Ногайскими Ордами. Родовая легенда, скорее всего, называет верное время выезда Ермоловых на службу в Москву, однако их предком, по-видимому, был смоленский боярин Ермола Старостин, а не мифический татарский мурза.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 178, 179.

⁹¹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 33.

⁹² Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 88. № 23.16.

⁹³ Там же. P. 88. № 23.18.

⁹⁴ Там же. P. 153. № 141.1.

⁹⁵ Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи: в 2-х т. СПб., 1890. Ч. I. С. 616, 617.

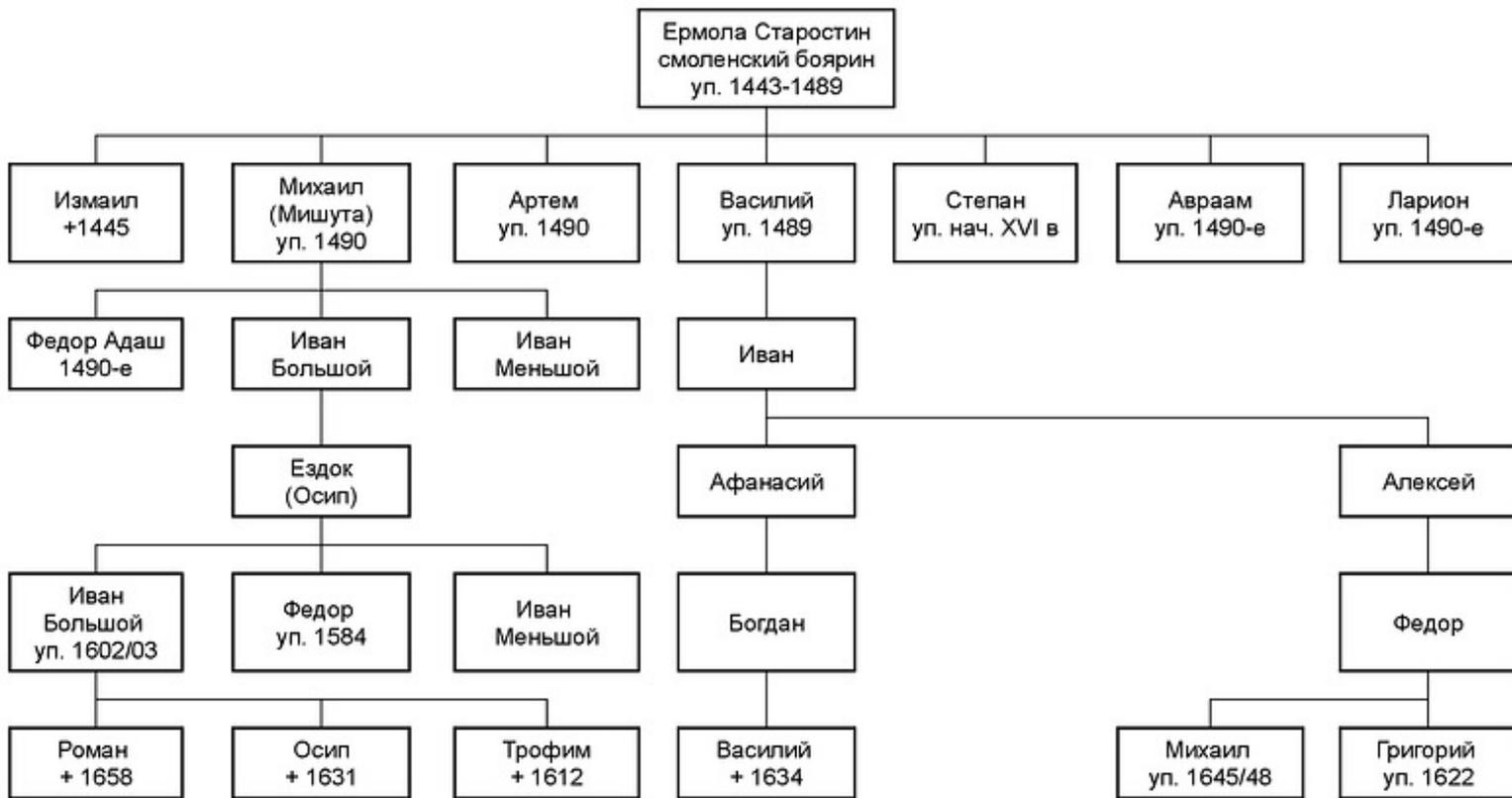
⁹⁶ Кашировский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522). Нежин, 1899. Прил. 2. С. 293–297.

⁹⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1. М., 1951. № 134. С. 134, 135.

⁹⁸ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 274.

⁹⁹ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. Москва-Варшава, 2009. С. 71, 90, 136, 251. Ермолов А. С. Род Ермоловых. М., 1912. С. 11–13.

Ермоловы.

Жемайловы. 22 мая 1686 г. в ПРД Разрядного приказа была подана родословная роспись дворян Жемайловых¹⁰⁰. Жемайловы были заурядными помещиками из Каширы, которые к концу 17 в. выслужились до московских чинов¹⁰¹. В родословной легенде Жемайловы написали про некоего «родственника» крымского хана Ази-Гирея, Берда-Улан-Мурзу, выехавшего в ВКЛ при Казимире, и чей сын Енаил якобы позже перешел на московскую службу¹⁰². Несомненно, что у такого знаменитого предка и потомки соответствующие – стольники, стряпчие и московские дворяне. Непонятно, правда, каким образом у потомков крымского мурзы появилась фамилия Жемайлов, этимологически происходящая от литовского žemas (низкий). Пытаясь объяснить подобную несообразность, составители росписи «наградили»

крымского мурзу довольно странным прозвищем «Жема»¹⁰³.

Предки Жемайловых вполне ожидаемо обнаруживаются в Литве. В книгах Литовской метрики сохранилось имя Жемелиса – путного слуги пани Войтковой Чижевича. Вместе со своим братом Янелем он упоминается в одной недатированной записи примерно первой четв. XVI в.¹⁰⁴ В именах путных слуг литовской пани Жемелис и Янель (Янелис) без труда угадываются «Жема» и «Енаил» из родословного предания Жемайловых, в котором, однако, брат родоначальника превратился в его сына. Жемелис и Янель, по всей видимости, вошли в число тех служилых людей ВКЛ незнатного происхождения, которые решили поискать для себя лучшей доли и отъехали на Москву. Судя по всему, Жемайловым эту самую лучшую долю найти удалось, хотя далеко не сразу.

Уже в сер. XVI в. в документах Московского государства начинают упоминаться представители рода Жемайловых. Так, в Ка-

¹⁰⁰ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 154.

¹⁰¹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 138.

¹⁰² ЭСБЕ. Т. XI а. СПб., 1894. С. 855.

¹⁰³ Родословная Книга. Ч. 2. С. 314.

¹⁰⁴ РИБ. Т. XX. Книга вторая судебных дел (1506–1523). Стб. 1001, № 291 (ок. 1517 г.).

ширской десятне в июне 1556 г. числится Тимофей Александров сын Жемайлов, городской сын боярский Растовецкого стана с поместьем в 150 четвертей: «Тимошка Александров сын Жемайлов. Поместья за ним на пол 200 четвер. Сам на конец в доспехе без шелома. Человек в тягиле о дву конь с рогатиною; человек о дву конь; человек со вьюком»¹⁰⁵. Увы, но статус городского сына боярского и небольшое поместье вряд ли дает основания считать Тимошку Жемайлова потомком выезжего «сродственника» крымского хана. За его сыновьями, Максимом, Самуилом и Андреем, а также их матерью Авдотьей и сестрой Екатериной в 1578/79 г. было отцовское поместье в Растовском стане Каширского уезда. В этом же стане поместьем владел их родственник, Василий Немиров сын Жемайлов¹⁰⁶. Еще один Жемайлов, Василий Константинов сын в 1577/78 гг. отмечен рядовым коломенским помещиком¹⁰⁷. Даже в первой пол. XVII в. Жемайловы были заурядным родом, служившим «с городом» по Кашире и Коломне. В челобитной дворян Норовых из недавно изданных документов жилецкого разбора 1643 г. об Андрее и Савве Жемайловых писалось, «что отцы их и деды служили по Коломне и были в последних и верстаны были меншими статьями»¹⁰⁸.

Как видно, «ордынская» легенда Жемайловых с одной стороны, служила для сокрытия их настоящего происхождения из послужильцев литовской боярыни, с другой – Жемайловы не стали искусственно увеличивать срок своей службы великим князьям Московским, они также показали свой выезд из Литвы, а не непосредственно из Орды. Однако составитель родословной легенды Жемайловых не удосужился изменить имена родоначальников на более подходящие для выходцев из Крыма, что позволяет достаточно уверенно определить настоящее происхождение этого дворянского рода.

¹⁰⁵ Каширская десятина 1556 г. // «Heraldica»: исторический сборник. Т. 1. Отд. 4. СПб., 1900. С. 34.

¹⁰⁶ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. II. СПб., 1877. С. 1359, 1395, 1397.

¹⁰⁷ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. I. СПб., 1872. С. 344.

¹⁰⁸ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск девятый. М., 2021. С. 112, 113.

Зубовы. В поздней родословной традиции графского и дворянского рода Зубовых, зафиксированной в «Общем гербовнике дворянских родов», происхождение этого рода велось от «древней благородной фамилии Амрагата, а по святом названного Захарием, который в 1237м году находился в городе Владимир Наместником»¹⁰⁹. Таким образом, этот знаменитый род, к которому принадлежал князь П. А. Зубов, считался происходящим от того же родоначальника, что и дворянский род Баскаковых. Баскаковы подали свою родословную роспись в ПРД Разрядного приказа 4 июня 1686 г., написав про свое происхождение: «В нашествие царя Батыя на рускую землю вмес[то] владетелей прежних поставляя своих владетелей огарянска рода Амраган, зоветца половецким [языком] Баскака. И в лето 6777-го послал князь Я[рослав Ярославич] на зиму Светослава Александровича на низовую землю полки збирати. Он же совокуп[ил силу] мноуги прииде с ними в Великий Новгород Баскак владимирский Амраган и хоте итти на град немец[ий] Колывань. И уведав, немцы приславши послы свои с челобитьем. И Амраган прия святое крещение, а во крещении имя ему Мартин – прозвище Захарей. И у Мартина сын Иван. А у Ивана дети: Парфений – был в чернцах Пафнутий Боровской, да Иван. А у Ивана Иванова сына дет[и] Авина¹¹⁰ сына дети: Микито да Яков Зуб – от них же и Таратины»¹¹¹. Ранняя история рода Баскаковых и их однородцев Гавриловых, Зубовых и Таратиных освещена в монографии А. В. Кузьмина¹¹². О землевладении Баскаковых, Зубовых и Таратиных, вотчинниках Переяславского уезда, писал и Ю. Г. Алексеев, однако, он полагал, что Зубовы являются однородцами Петелиных, а не Баскаковых¹¹³.

¹⁰⁹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Часть 2. С. 25, 26.

¹¹⁰ Так в ркп.

¹¹¹ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск девятый. М., 2021. С. 213.

¹¹² Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2015. Т. 2. С. 247-251.

¹¹³ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 52-54, 113, 161, 162, 183, 192, 195, 211 и т. д.

Сведения о подаче Zubovыми («перяславцами») и Таратинными своих росписей в ПРД Разрядного приказа отсутствуют. Однако, по наблюдениям М. Е. Бычковой, в одном из списков Патриаршей редакции родословных книг присутствует роспись смоленских дворян Zubovых¹¹⁴. На основании этого родословия князь П. В. Долгоруков опубликовал поколенную роспись Zubovых в 3-й части своего генеалогического справочника. Согласно росписи, родоначальником этих Zubovых был Иван Андреевич Zubov, который, судя по числу поколений, должен был жить в конце XV – нач. XVI в.¹¹⁵ Среди Zubovых – «перяславцев» известно лицо по имени Андрей, но время его деятельности приходится на начало XV столетия¹¹⁶. Однако, перяславский род Zubovых (однородцев Баскаковых) был в те годы не единственным служилым родом с этой фамилией. Служилый человек с подходящими именем и фамилией, живший во второй пол. XV в., зафиксирован в документах Литовской метрики. Этим человеком был смоленский боярин Андрей Zubov, упомянутый вместе с дядьями и братьями в реестре князей и бояр смоленских, ок. 1492 г.: «*Zubovыхъ: Увар, Сухары. А братаничовъ ихъ три: Анъдреи, Пахомъ, Пыжъ*». Он же записан в числе панцирных слуг Юрьевского пути в том же реестре: «*Zubovъ Ивор, панъсыръньи. Братаничи его три у поделе с нимъ и межи себе: Анъдреи, Пахомъ, Пыжъ; панъсыръньи*»¹¹⁷. Вероятно, это были потомки некоего Зуба, известного по великокняжескому пожалованию ему села Залесцы на Волыни¹¹⁸. Показательно, но ни у кого из потомков Андрея Zubova не наблюдается каких-либо связей с Переяславским уездом. Так, Василий Ушак Григорьев сын Zubov в сер. XVI в. был помещиком Деревской пятины

Новгородской земли. Самый известный из Zubovых XVI в., дьяк Посольского приказа Игнатий Никитин сын Ширяев владел поместьем в Смоленске, в 1571–1576 гг. выполнял ответственные дипломатические поручения, в 1580/81 г. проводил отдел земель в Торопце¹¹⁹. Значительным служилым человеком был и брат Игнатия, дьяк Михаил Никитич¹²⁰. Показательно, что в десятне 7114 (1606) года по Смоленску в числе выборных и дворовых детей боярских записаны сыновья Игнатия, Михаила и Лукьяна Никитиных детей Zubova, а также сын новгородского помещика Василия Ушака Назар¹²¹. Наличие среди верхушки смоленской военно-служилой корпорации потомков смоленских бояр Zubovых наряду с другими родами «смоленского корня» (Полтевы, Головачевы, Уваровы, Микулины, Чихачовы, Татровы и т. д.) может рассматриваться и как своеобразная «репатриация» смольнян, служивших в конце XV – первой пол. XVI в. в других уездах Московского государства.

Как видно, в XVI–XVII вв. в родословной традиции потомков смоленских бояр Zubovых легендарных ордынских предков еще не наблюдается. Только в конце XVIII в. с целью «удревления» истории своего рода Zubovy присвоили родословную легенду Баскаковых, однородцев своих однофамильцев из Переяславля.

¹¹⁴ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 74, 191. Табл. 5.

¹¹⁵ Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 3. СПб., 1856. С. 132.

¹¹⁶ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 53.

¹¹⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 155. № 141.1; P. 158. № 141.9.

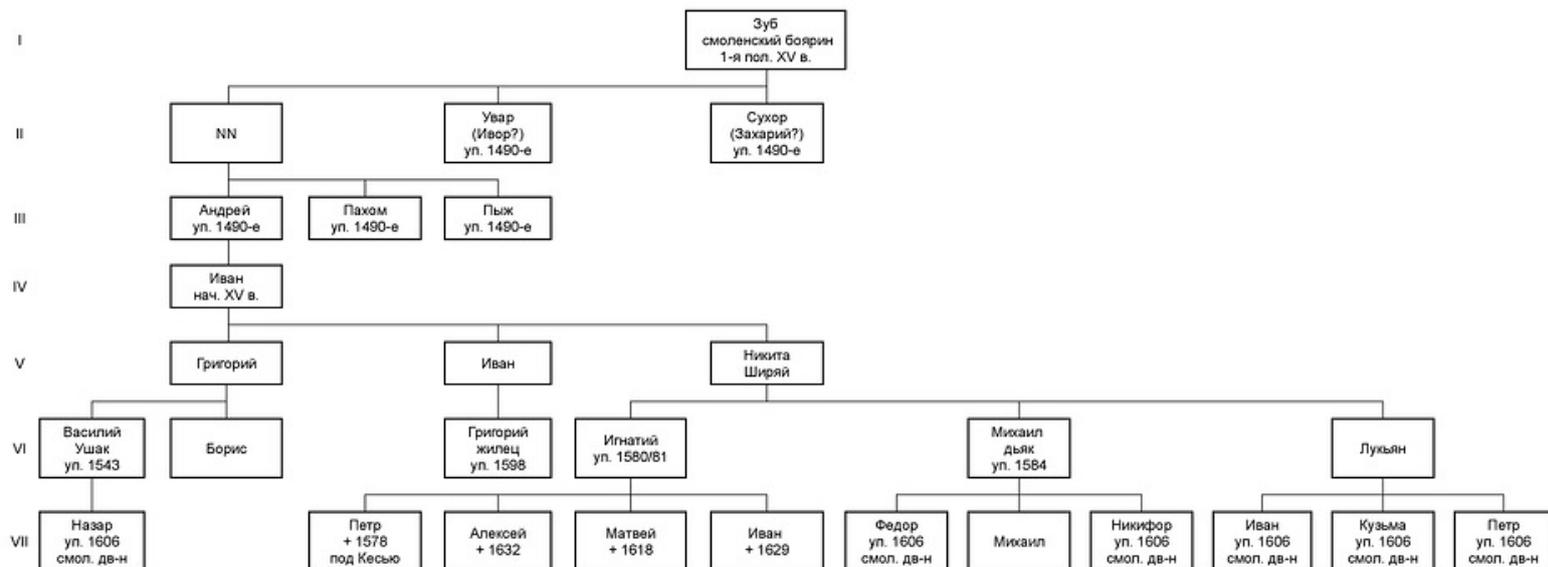
¹¹⁸ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 64.

¹¹⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892. С. 791; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. С. 484; Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV – начала XVII века / Сост. К. В. Баранов. М., 2015. С. 95.

¹²⁰ Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Т. 3. М.; Варшава, 1998. С. 96, 97, 100, 170, 183, 187, 188, 190, 191; Акты Новгородского Вяжищского монастыря конца XV – начала XVII в. М., 2013. № 45. С. 54.

¹²¹ Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смолгиз. 1940. С. 364–366, 368, 369.

Зубовы.

Камынины. 31 мая 1686 г. в ПРД Разрядного приказа была подана родословная роспись дворян Камыниных (писались также и как Комынины)¹²². По семейной легенде, родоначальником они считали некоего Буйгайдала, в крещении Даниила, выходца из Золотой Орды, якобы прибывшего на службу к великому князю Василию Ивановичу¹²³. Судя по родословной росписи, все Камынины XVI–XVII вв. были потомками Семена Григорьевича, показанного правнуком родоначальника.

Однако впервые представитель этого рода упоминается в источниках еще до времени выезда «из Орды» своего легендарного родоначальника. И это вовсе не татарский мурза, а служилый человек русской княгини. В «наказе» послу великого князя литовского Александра Казимировича Олехну Бокею, датированном 17 февраля 1498 г., говорилось, что слуги княгини Елены Огдыревской-Мезецкой и ее «братии» – 36 человек во главе с Сенкой Комыниным «поимали» служивших Литве князей Петра и Федора Мезецких и захватили их «дельницу»¹²⁴. После упоминания

Семена Камынина в конце XV в. сведения о представителях этого рода в источниках отсутствуют до 1570-х гг. Никто из Камыниных не был записан в Дворовую тетрадь, также нет их и в числе «тысячников». Видимо, бывшие слуги князей Мезецких оказались в числе детей боярских, служивших «с городом». Однако, в мае–августе 1571 г. дети боярские Земского двора «серпяне» Федор Семенов сын Камынин с сыном Михайлой, Булгак и Иван Алексеевы дети Камынины были в числе поручителей по князе И. Ф. Мстиславском¹²⁵. Федор – первый из Камыниных, о котором можно уверенно говорить как о дворовом сыне боярском: упоминается как голова в Брянске весной 1576 г., писец Коломенского уезда в 1576–1578 г., гонец в Польшу в 1581 г.¹²⁶. Возможно, входили в Государев двор Булгак и Меньшой Камынины, «побитые на государеве службе под Ке-

князя разделялись на «слуг» Ивана III и тех, кто остался на службе великого князя Литовского Александра Казимировича. Князя Огдыревские (Говдыревские) в договоре были названы «слугами» Ивана III (ДДГ. № 83. С. 330).

¹²⁵ Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 66, 70, 75, 79.

¹²⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 396; Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV – начала XVII века / Сост. К. В. Баранов. М., 2015. С. 88; Рогожин Н. М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990. С. 94.

¹²² Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 171.

¹²³ Родословная книга князей и дворян Российских и Выезжих (Бархатная книга). Ч. 2. М., 1787. С. 323; Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2-е издание. СПб., 1895. Т. I. С. 227.

¹²⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012. P. 246. № 392. Согласно московско-литовскому договору, датированному 5 февраля 1494 г., мезецкие

сию» в июле 1578 г.¹²⁷ В дальнейшем Камынины продолжают по-прежнему служить из уездов Верхней Оки, попадают в выбор и со временем достигают московских чинов. В боярских списках конца XVI – начала XVII вв. они – выборные дворяне из Серпейска и Мещовска¹²⁸, а уже во второй пол. XVII в. Камынины – в стольниках, стряпчих, московских дворянах¹²⁹.

Явная хронологическая недостоверность «ордынской» легенды Камыниных не дает оснований считать, что в ее основе лежал реальный факт выезда знатного татарина на московскую службу в нач. XVI в. На самом деле Камынины, судя по всему, были коренными мещовскими вотчинниками, служившими местным князьям и перешедшими на московскую службу после вхождения земель Верхней Оки в состав великого княжества Московского в конце XV – нач. XVI вв.

Любавские. Рязанские дворяне Любавские также были в числе тех родов, которые в конце XVII в. подавали свои родословные росписи в ПРД Разрядного приказа, однако, на сегодняшний день роспись Любавских не выявлена¹³⁰. Изложение их семейного предания сохранилось в Росписи 1776 г.: «*Выехали из Орды, название приняли от одного из потомков, называвшегося Люб, от которого и стали называться Любавскими*»¹³¹. Однородцами Любавских в конце XVII в. считали себя рязанские же дворяне Карандеевы. В их росписи, поданной в ПРД, «ордынская» легенда отражена следующим образом: «*6909-го к великому князю Ольгу Ивановичю Резанскому из Большие орды приехал муж Кичибей, а во крещении Павел, был в великих князей боярин, а писался Карандее-*

вич, и от него пошли Карандеевы»¹³². Поколенная роспись дворян Любавских по поздним источникам опубликована И. Ж. Рындиным¹³³.

Согласно росписи, род Любавских пошел от Ивана Ширия, сына Степана Любавского. Но лица с теми же самими именами и практически той же фамилией записаны в реестре смоленских служилых людей ок. 1492 г.: «*Степана Слюбовьского три сыны молодъцы не въ поделе: Левонид, Сенько, Ивашько*»¹³⁴. Смоленские бояре Слюбовские также упоминаются в Посольских книгах – их вотчины сильно пострадали в результате наезда московских служилых людей. В «жалобном списке», поданном 3 декабря 1503 г. литовским послом Петрашем Епимаховичем великому князю Ивану III, говорилось, что «*украинники*» великого князя Московского «*...Слюбовских бояр два дворы взяли и с людми*»¹³⁵. По всей видимости, погром московитами вотчин Слюбовских на Смоленщине был причиной их перехода на службу в великое княжество Рязанское, где они стали писаться Любавскими. В 1511/12 г. Степан Юрьев сын Любавский дал запись архимандриту рязанского Солотчинского монастыря о неосвоении земли, взятой им на оброк 5 алтын в год. Интересно, что запись писал сын Степана Юрьевича, Гриша, «своею рукой»¹³⁶. Обращает на себя внимание, что в родословной росписи Степан Любавский показан сыном некоего Назария Юрьевича, но, согласно вышеуказанной грамоте, он был сыном Юрия. В течение практически всего XVI в. упоминания Любавских единичны, их имен нет ни в Дворовой тетради, ни в Тысячной книге. Только в списке жалованной грамоты первой трети XV в., приложенной к родословной росписи однородцев Любавских, Карандеевых, была упомянута правая грамота Первому Любавскому от 25 февраля 1566 г., причем Карандеевы ссылались на то, что са-

¹²⁷ ПИРСС. С. 207.

¹²⁸ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 241, 250, 284, 285, 337; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. М., 2003. С. 150.

¹²⁹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 171, 172.

¹³⁰ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 223.

¹³¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 2. С. 342, 343.

¹³² Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск третий. М., 2018. С. 178.

¹³³ Любавские. URL: <https://62info.ru/history/node/11823> (дата обращения 11. 05. 2021).

¹³⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 154. № 141.1.

¹³⁵ СИРИО. Том 35. С. 446.

¹³⁶ АСЭИ. Том 3. № 340. С. 363.

ма грамота будет представлена Любавскими¹³⁷. В конце XVI – нач. XVII вв. Любавские – рязанские помещики в Окологородном и Перевицком станах¹³⁸. Четверо Любавских были пожалованы вотчинами в Перевитском и Каменском станах Рязанского уезда за осадное сидение при царе Василии Шуйском¹³⁹. В конце XVII в. в московских чинах числилось пятеро Любавских – двое стольников, двое стряпчих, один дворянин московский¹⁴⁰.

По всей видимости, род Любавских имел польское происхождение. Шляхетская фамилия Ślubowski гербов Воńcza и Sierowron зафиксирована польскими источниками XV–XVI вв.¹⁴¹ Маловероятна этимология фамилии от названия р. Любовки, левого притока р. Шат, поскольку владения Любавских писцовыми материалами фиксируются в Окологородном и Перевицком станах Рязанского уезда на довольно значительном расстоянии к северо-востоку от места впадения Любовки в Шат. Легенда о выезде родоначальника «из Орды» была воспринята Любавскими, вероятно, в результате длительного соседского «общезития» с рязанскими дворянами, в среде которых подобные легенды имели широкое хождение уже с сер. XVI в.

Мерлины. Ок. 1686 – 1688 гг. (ропись не датирована) стольник Зот Мерлин подал в ПРД Разрядного приказа родословную роспись дворян Мерлиных, содержащую предание о выезде на Русь знатного татарина: *«Во дни великого князя Василья Васильевича приехал к нему, великому князю, служить ис Крыму мурза, а имя ему Мерла, а во светом*

*крещении Трифан. И за выезд пожалован деревнями в Шацком уезде и в ьных городех»*¹⁴². Несмотря на упоминания многочисленных Мерлиных в поземельных актах и писцовых материалах Ярославского, Кашинского и Угличского уездов, в роспись эти лица не попали. Роспись подали представители Мещерской (Шацкой) ветви этого дворянского рода, выслужившиеся к концу XVII в. в московские чины¹⁴³. Фамилия Мерлиных, судя по всему, произошла от прозвища «Мерило» путем ономастического ряда Мерило – Мерль – Мерлин. Н. А. Баскаков, в свою очередь, путем нехитрых словесных манипуляций производит фамилию Мерлин от «Эмир Али» либо «Умарали», подтверждая «структурой самой фамилии» крымское происхождение Мерлиных¹⁴⁴.

При проверке сведений родословной легенды шацких дворян Мерлиных выясняется, что служилый человек по имени Трифон Мерлин действительно существовал. Только никаким выездим татарским мурзой из Крыма он не был и жил как минимум на полвека позднее мифического крымского мурзы. В смоленском реестре в составе 4-й книги записей Литовской метрики (ок. 1492 г.) среди панцирных слуг Дубровенского пути Смоленского наместничества находим целое родовое гнездо Мерлиных, несущих две панцирные службы со своих земельных владений. В их числе значится и Трушко (Трифон) Павлов сын Мерлин наряду со своими братьями, дядьями и другими родственниками¹⁴⁵. Однако, кроме потомков «мурзы» Трушки Мерлина, подавших свою родословную в ПРД Разрядного приказа, актов материал говорит о существовании и других ветвей Мерлиных – потомков родственников Трушки, в XVI – нач. XVII вв. служивших по Кашину, Ярославлю и Угличу¹⁴⁶. Один из них,

¹³⁷ Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002. № 1699. С. 216; *Он же*. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 173.

¹³⁸ Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Рязань, 1898. Том I. Вып. 1. С. 27, 58, 165-167, 172. Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002. № 1700, №1701. С. 216

¹³⁹ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. Москва-Варшава, 2009. С. 446, 447.

¹⁴⁰ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 248.

¹⁴¹ Rody ziemiańskie XV i XVI wieku. Kraków, 1930. S. 54.

¹⁴² Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск седьмой. М., 2020. С. 361.

¹⁴³ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 259.

¹⁴⁴ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 119, 120.

¹⁴⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 164. № 141.22.

¹⁴⁶ Акты Троицкого Калязина монастыря. М.; Спб., 2007. № 1. С. 9; № 4. С. 11; № № 17-19. С. 20-22; № 34. С. 36 и т. д. Писцовые материалы Ярославского уезда

Иван Брехов сын Мерлин, упоминается в январе 1561 г. как недельщик, обязанности которого, как правило, выполнялись дворовыми детьми боярскими¹⁴⁷. В отличие от своих сородичей, потомки Трушки Мерлина в служебном отношении были совершенно незаметны, несмотря на то, что в росписи ими было заявлено: «а служили ... по Москве и з городом по Мещере по выбору и в первых статьях». Однако документы говорят об обратном – в мещерской десятне 1580 г. Мерлины записаны всего лишь в 4-ю статью с поместным окладом в 150 четей¹⁴⁸.

Случай с Мерлиными демонстрирует, как малодостоверная родовая легенда могла служить подтверждением «знатности» и «древности» службы представителям заурядного провинциального служилого рода, выбившимся в ряды верхушки московского дворянства. Тем не менее, Мерлины сохранили в родовой памяти сам факт выезда на Русь, заменив реального незнатного предка на придуманного «Мерла-мурзу» и отодвинув на полвека в прошлое начало своей службы на Москве.

Нарышкины. Довольно заурядный служилый род Нарышкиных возвысился в конце XVII в. благодаря браку царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной. В это время Нарышкиными продвигалась версия родовой легенды, возводящая род к богемской фамилии «Норисци», однако в ПРД Разрядного приказа ими была подана родословная роспись с «ордынской» легендой. Согласно этому преданию, предком рода был выезджий к Ивану III крымский мурза с довольно странным для татарина прозвищем «Нарышко»¹⁴⁹. Несмотря на довольно

прозрачную русскую этимологию этого прозвища, А. Н. Баскаков уверенно «находит» ему тюркские корни¹⁵⁰.

Настоящее происхождение Нарышкиных установлено А. В. Кузьминым, и оно не имеет ничего общего с их «ордынской» легендой¹⁵¹. Нарышкины были потомками козельского землевладельца, носившего прозвище Норышка и служившего в великом княжестве Литовском во второй пол. XV в. Он неоднократно упоминается в реестрах «данин» короля и великого князя Казимира в книгах Литовской метрики. Так, среди пожалований сер. XV в. в Смоленском наместничестве значится: «Норышьце село Колодязи; и пану Кгастовту звездомо»¹⁵². Запись о пожаловании села Колодязи (совр. с. Колодясы Калужской обл. РФ, примерно 75 км к Юго-Западу от Козельска) стоит в одном ряду с «данинами» серпуховско-боровскому князю Василию Ярославичу, его княгине, князю Федору Ивановичу Пронскому, Степану Иртищу. По 9 индикту этот блок записей должен быть датирован 1446 г., а пожалования были сторонники свергнутого и ослепленного великого князя Владимирского Василия Васильевича, отъехавшие в Литву в феврале 1446 г.¹⁵³ Нарышко, как и Иртищ, остался на литовской службе. В реестре пожалований от 23 января 1488 г. (индикт 6) «боярину смоленскому» Нарышке было записано 5 коп грошей со смоленского мыта. 6 апреля 1488 г. («в Петрькове, какъ корол был по Велицедни») ему же было пожаловано: «Боярину смоленьскому Нарышьце 10 копъ с казны». А 28 октября 1488 г. («индикт 7»), Нарышко получил еще одну «данину» от короля Казимира: «Смольнянину Норышьце 5 копъ грошей с казны, а 6 копъ с корчомъ меньскихъ, а жеребя въ Михаила»¹⁵⁴. Его не

XVI века. Поместные земли. СПб., 2000. С. 97, 98. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том I. М., 1997. № 250. С. 222, 223.

¹⁴⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 93

¹⁴⁸ Кротов М. Г. Опыт реконструкции десятен по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1569 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 87.

¹⁴⁹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Часть 2. С. 60; Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской

истории. М., 1996. Вып. 6. С. 239; Родословная Книга. Ч. 2. С. 350.

¹⁵⁰ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 101-103.

¹⁵¹ Кузьмин А. В., Нарышкин А. К. НАРЫШКИНЫ // Большая российская энциклопедия. Том 22. Москва, 2013. С. 92-97.

¹⁵² Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 37.

¹⁵³ ПСРЛ. М., 2001. Т. 8. С. 117.

¹⁵⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 71. № 18.1; P. 73. № 18.2; P. 81, № 23.2.

названные по именам сыновья упомянуты в реестре князей, бояр и слуг смоленских ок. 1492 г. Запись в реестре, похоже, называет и родовую фамилию Нарышки – Волохов: «Нарышки **Волохова** два с(ы)на не въ поделе». В том же реестре, среди путных бояр Вержавского пути «за Днепром» в Смоленском наместничестве (к северу от Смоленска) записан сын Нарышки Волохова, Алексей: «Олешько Нарышкинъ – служ(ба)»¹⁵⁵. Вторым сыном Нарышки, по всей видимости, был вкладчик Троице-Сергиева монастыря Никифор, чье имя в нач. XVI в. было записано в монастырский синодик¹⁵⁶. В январе-феврале 1494 г. в переговорах по заключению московско-литовского перемирия упоминались козельские вотчины Нарышкиных Порыски и Верх-Серена, ранее захваченные князем Дмитрием Воротыньским, перешедшим на московскую службу¹⁵⁷. В первой пол. XVI в. Нарышкины состоят уже на московской службе, в Дворовой тетради они записаны дворовыми детьми боярскими по Тарусе и Боровску¹⁵⁸. Во второй пол. XVI – нач. XVII вв. несколько Нарышкиных отмечены в боярских списках и разрядах, но в целом можно сказать, что род не особенно «блистал»¹⁵⁹. И только близкое родство с царской семьей позволило Нарышкиным к концу XVII в. выслужиться в московские чины и войти в Боярскую думу¹⁶⁰.

Однородцами Нарышкиных считались дворяне **Сафоновы**. Не исключено, что Сафоновых с Нарышкиными действительно могли связывать родственные отношения, учитывая тот факт, что вероятный предок

Сафоновых (как и родоначальник Нарышкиных) в конце XV в. упоминается в числе смоленских бояр в реестре служилых людей Смоленского наместничества ВКЛ: «Андрея Софонова два сыны: Гришко а Васько»¹⁶¹.

Документальная проверка «ордынской» легенды Нарышкиных показывает ее полную хронологическую и фактологическую несостоятельность. По-видимому, прекрасно понимали это и сами Нарышкины, пытавшиеся в конце XVII в. сменить свою родословную традицию с «ордынской» на «западную».

«Потомки» Аслана Челибея: Арсеньевы, Ждановы, Исуповы, Кременецкие, Павловы, Ртищевы, Сомовы, Яковцевы.

Кроме родов, имевших предков «из Орды» в «индивидуальном порядке», существовали среди русских дворян и целые группы фамилий, объединенные наличием общего легендарного прародителя – как правило, выезжего татарского мурзы. В действительности, в эти своеобразные родовые кланы, кроме настоящих однородцев, могли входить фамилии самого различного происхождения, объединенные соседством, родством по женской линии, совместной службой и т. п. Одним из таких кланов была группа дворянских родов, считавших своим родоначальником некоего золотоордынского мурзу Аслана Челибея, выехавшего к великому князю Дмитрию Донскому.

Арсеньевы. В поданной в ПРД Разрядного приказа родословной росписи Арсеньевых содержался самый подробный вариант родовой легенды клана «Аслановичей» о выезде их предка из Орды: «Род Арсеньевых. При великом князе Дмитрии Ивановиче Московском выехал служить к Москве к нему, великому князю, из Золотые Орды Ослан Челебий, да с ним ево знамени татар 300 человек. И бил челом Ослан великому князю, чтоб ему креститца в православную христианскую веру греческого закона. И великий князь Дмитрей Иванович повелел Ослану креститца. И крестися Ослан Челебий во имя отца и сына и святая духа. А во святом крещении нарекоша имя ему Прокопий. И великий князь повеле ему, Прокопию, жениться и дати за

¹⁵⁵ Там же. Р. 154. № 141.1; Р. 156. № 141.2.

¹⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 304/III. Ризница Троице-Сергиевой лавры. № 25. Синодик Троице-Сергиева монастыря [Список 1575 г.]. Л. 68.

¹⁵⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 136.

¹⁵⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 164, 165, 175.

¹⁵⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 345, 396, 405; Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 420; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. Москва-Варшава, 2009. С. 90, 163, 305, 454, 455.

¹⁶⁰ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 280–282.

¹⁶¹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 155. № 141.1.

него ближнего своего человека Зотикову дочь Житова. И родися у Прокопия три сына. Первой – Арсеней Прокофьевич, прозвище Исуп, и от него пошли Арсеньевы, Исуповы. Другой сын – Яков Прокофьевич, а от него пошли Я[ков]цевы, Кременецкие, Ждановы. Третьей сын – Лев Прокофьевич, прозвище Широкой Рот, а от Льва Прокофьевича, прозвище Широково Рта, пошли Ртищевы, Сомовы, Павловы»¹⁶². В конце росписи, слово для еще одного напоминания об общем происхождении «Аслановичей», Арсеньевы написали: «А которья однородцы наши иным прозванием слывут: Ртищевы, Сомовы, Павловы, Кременецкие, Ждановы, Исуповы, – и те своему поколенью, родом своим росписи принесут сами о себе. А которые у нас были прежних великих князей и прежних государей царей жалованные грамоты и посылачные указы и грамоты ж, и те от многих великих пожаров и от многова разоренья польских и крымских людей в прошлых годах погорели и пропали. А про выезд против сей росписи ведомо в Посольском приказе»¹⁶³. О настоящем происхождении Арсеньевых сложно сказать что-то определенное из-за довольно скудной источниковой базы. До нач. XVI в. никто из них в документах не упоминается. Вполне естественно, что ни в одном источнике, кроме поздних родословных нарративов, нельзя найти сведений ни о знатном ордынце Аслане Челебее, ни о «ближнем человеке» великого князя Дмитрия Донского, некоем Изоте («Зотике») Житове¹⁶⁴. Однако весьма странным выглядит тот факт, что в родословной росписи отсутствует имя Назара Иванова сына Арсеньева, довольно значительного служилого человека, жившего в первой половине XVI в. В 1512 г. Назар Иванов сын Арсеньев упоминается как кормленщик-волостель в волости

Залесье Костромского уезда, в 1538 г. он уже наместник в Медыне: сохранилась правая грамота, где Назар Арсеньев в качестве судьи разбирал дело об убийстве¹⁶⁵. Полвека спустя в списке платежной книги 1586/87 г. по Медыньскому уезду упоминаются помещики Лев и Образец Ташлыковы дети Арсеньевы, а также пустошь, «что была деревня Ивашкина», бывшего поместья Ивана Арсеньева (возможно, отца Назара)¹⁶⁶. Медынь и Малый Ярославец, как известно, были переданы «в вотчину» князьям Глинским, где были поселены их служилые люди. Но и после опалы на Глинских в 1514 г. Медынь и Малый Ярославец оставались местом традиционного испомещения «литвы дворовой» – выходцев из великого княжества Литовского¹⁶⁷. Последний раз «Литва Медыньская» упоминается в записной книге Полоцкого похода царя Ивана IV 1563 г.¹⁶⁸ Таким образом, имеется основания полагать выходцами из ВКЛ и Арсеньевых, хотя прямых указаний на литовское происхождение этого рода пока не обнаружено. Отсутствие Арсеньевых в списках «литвы дворовой» означает, по всей видимости, тот факт, что они служили «с городом». По описаниям 1578/79 г. Коломенского уезда выявляется довольно многочисленная группа испомещенных там Арсеньевых¹⁶⁹. Немало помещиков Арсеньевых фиксирует писцовая книга Тульского уезда 1587–1589 гг.¹⁷⁰ Еще ранее, в 1571/72 г., отмечены поместья Арсеньевых в Веневе¹⁷¹. Сведения росписи о ги-

¹⁶² Арсеньев В. С. Род дворян Арсеньевых. 1389 г. – 1901 г. Тула, 1903. Приложения. С. 41; Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 223.

¹⁶³ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 226.

¹⁶⁴ Весьма сомнительным выглядит как прозвище «Челебей», употреблявшееся в османской Турции в XV–XVIII вв., так и фамилия «Житов», начавшая употребляться у одной из ветвей тверского боярского рода Бороздиных только с нач. XVI в.

¹⁶⁵ Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 135; Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. 144; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. IV. М., 2008. № 503. С. 395, 396.

¹⁶⁶ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. II. СПб., 1877. С. 835, 849, 850.

¹⁶⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 206–208.

¹⁶⁸ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / Подг. текст К. В. Петров. СПб., 2004. С. 31.

¹⁶⁹ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. I. СПб., 1872. С. 344, 370, 483, 484, 487, 523.

¹⁷⁰ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. II. СПб., 1877. С. 1082, 1089, 1140, 1153, 1161, 1162, 1192.

¹⁷¹ Там же. С. 1554, 1572, 1576, 1577.

бели под Кесью (Венденом) в июле 1578 г. Федора Макарьева сын Арсеньев подтверждается записью его имени в синодик «по убиенных во брани»¹⁷². Видимо, его сын Степан отмечен в разрядах в марте 1584 г. как осадный голова в Туле (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1982. С. 32)¹⁷³.

Как и многих других «потомков ордынских мурз», возвышение рода Арсеньевых происходит в период после Смуты в годы правления первых Романовых. К концу XVII в. потомки тульских и алексинских городских дворян достигают московских чинов – служат в стольниках, стряпчих, московских дворянах¹⁷⁴. По всей видимости, параллельно с выдвиганием в число «начальных людей» происходил и поиск «надлежащего» родоначальника, которым и стал мифический мурза Аслан¹⁷⁵. Не вполне ясно, были ли Арсеньевы однородцами кому-нибудь из других «Аслановичей» или свою роль сыграл фактор «землячества», родства по женской линии, совместной службы и т. п., но потомками ордынца, выехавшего к Дмитрию Донскому, они, судя по всему, не были.

Кременецкие. Родословной росписи дворян Кременецких не сохранилось. Об их родословной легенде можно судить только на основании текстов росписей их однородцев – Арсеньевых, Ждановых, Ртищевых, Сомовых. Согласно им, род Кременецких выводился от Якова, сына мурзы Аслана Челебея. В родословных документах Ртищевых, подготовленных ими для подачи в ПРД, упоминалось о том, что выездный мурза якобы был пожалован великим князем Дмитрием Донским городком «Кременеск». Н. Н. Кашкин отождествил этот городок с Кременеском

(Кременцом), находившимся в уделе князя Семена Владимировича Боровского (современное село Кременское в Медыньском районе Калужской обл.), несмотря на отсутствие каких-либо сведений о владении этим городком служилым татарским мурзой в конце XIV в.¹⁷⁶ На основании единичных и отрывочных упоминаний членов этого рода в документах можно сделать вывод о том, что Кременецкие происходили из земель Верхней Оки. По предположению А. В. Антонова, служилым человеком князей Одоевских в сер. XVI в. был «лихвинец» Петр Кременецкий, чье запустевшее поместье отмечено писцовой книгой 1626/27 г.¹⁷⁷ Среди новиков, поверстанных в 1596 г., упоминается Осип Дементьев сын Кременецкий, козельский сын боярский с поместным окладом в 200 четвертей¹⁷⁸. В 1627–1629 гг. по Козельску служил его брат Афанасий, к концу XVII в. среди московских чинов числился единственный представитель рода Кременецких – стольник Иван Самойлович¹⁷⁹.

Предположение Н. Н. Кашкина о локализации «Кременеска» на территории Серпуховского удела не может считаться единственно возможным, поскольку топоним Кременец в русских землях не является уникальным. Между тем, в «Книге данин» Казимира содержится довольно любопытная запись. Ок. 1441 г. (датируется по «приказу» земского маршалка Петраша Монтигирдовича и смоленского наместника Андрея Саковича) было пожаловано: «*Яцку Роздерипиво у Кремянох 4 ч(о)л(о)в(е)ки против Простеи и Чючолова*»¹⁸⁰. Примерно в это время тому же Яцку была записана еще одна «данина»: «*Сеньково село Олександр[р]овича, Роздерипиву*»¹⁸¹. То есть, некий служилый человек Яков (Яцко) вместо своих имений Прости и

¹⁷² ПИРСС. С. 207.

¹⁷³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1982. С. 32.

¹⁷⁴ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 11-13.

¹⁷⁵ Стоит обратить внимание на то, что в легенде Арсеньевых Аслан-мурзу сопровождает 300 татар «его знамени», в росписи Ждановых это число «урезано» до 30 человек, а у Сомовых про отряд послужильцев Аслана вообще ничего не говорится. Кроме того, только у Арсеньевых и в неподанной росписи Ртищевых сообщается о женитьбе Аслана на дочери «Зотика Житова». Кроме того, только в ртищевском родословии упоминается пожалование Аслану-Прокопию городка Кременеск (см. ниже).

¹⁷⁶ Кашкин Н. Н. Родословные разведки / под ред. Б. Л. Модзалевского. Посмертное издание. Т. 1. СПб., 1912. С. 284, 285.

¹⁷⁷ Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 271.

¹⁷⁸ Лихачев Н. П. Десять новиков, поверстанных в 1596 году // ИРГО. Вып. 3. СПб., 1909. С. 163.

¹⁷⁹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 212.

¹⁸⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 46.

¹⁸¹ Там же. P. 45.

Чучелова в районе Смоленска получил долю в сельце Кремяны в козельской волости Хвастовичи (современное село Кременец в Хвастовичском районе Калужской области) и бывшее владение смоленского боярина Семена Александрова, по всей видимости, бежавшего в Москву после поражения Смоленского восстания 1440 г. Подобный ряд совпадений данных документов с легендарными сведениями о Яковце Кременецком не может считаться чисто случайным. В этих записях также обращает на себя внимание бессмысленное прозвище Якова – «Роздерипиво». Проблема решается, если предположить, что публикаторы соединили в одно два прозвища – «Роздеря» (драчун, забияка) и «Пиво». Таким образом, предполагаемый реальный предок Кременецких, Яковцевых, Исуповых и Ждановых принадлежал к известному смоленскому роду Пиво (Пивовы, Пивовичи). В свою очередь, нельзя исключать и того, что предок смоленских бояр Пивовых мог быть переселенцем из Польши, принадлежавшим к шляхетскому роду Piwo герба Prawdzic¹⁸² (косвенно на это может указывать употребление Кременецкими фамилии «по маентку», не свойственное родам местного или литовского происхождения).

Яковцевы. В родословных росписях, поданных своими якобы «однородцами», дворяне Яковцевы (Яковцовы) также показаны потомками мифического Аслана Челебея. Но Яковцевы подавали в ПРД Разрядного приказа и свою собственную роспись, которая, к сожалению, на настоящий момент в архивных материалах не выявлена¹⁸³. В Росписи 1776 г., опубликованной Н. Новиковым, Яковцевы упомянуты дважды. Первый раз – как выходцы из Золотой Орды с ссылкой на роспись Арсеньевых. Второй – как выезжие из Литвы, которые «название получили по их маентности, Яковцовой называемой»¹⁸⁴. То есть собственная родословная роспись Яковцевых говорит о происхождении рода из великого княжества Литовского, что явно про-

тиворечит общей родовой легенде «Аслановичей».

На московской службе впервые Яковцевы отмечены в первой трети XVI столетия. До сентября 1526 г. волость Корегу в Костромском уезде держал сын боярский Петр Сидоров сын Яковцов, что свидетельствует о его дворовом статусе в то время¹⁸⁵. Петр Яковцов, согласно сведениям Дворовой тетради, служил в дворовых детях боярских из Коломны и Каширы, до 1550-х гг. попал в плен (вероятно, к татарам), где и умер¹⁸⁶. Возможно, упоминаемый в смоленском реестре ок. 1492 г. боярин Пашко Сидорович «в Ратиславичах» был его братом (в Средневековой Руси имена Петр и Павел были парными, как Борис и Глеб)¹⁸⁷. Если верно наше предположение о тождестве Яцка Роздери Пива и Яковца Кременецкого, то Петр Яковцов мог быть его внуком. В Дворовой тетради служащими из Коломны и Каширы записаны и другие его родственники: Ратман и Семен Яковлевы дети Яковцева-Захарьина, Невежа Матвеев сын Яковцев¹⁸⁸. Кроме них с двойной фамилией Исупов-Яковцев записаны Иван и Осип Ивановы, известные по другим источникам просто как Исуповы. Это говорит о том, что «Аслановичи» Исуповы были ответвлением рода Яковцевых, а не Арсеньевых, как обозначено в росписи последних. Любопытно, что писцы в данном случае указали не только отчество и фамилию, но и имя деда. Это позволяет предположить, что кроме Сидора у Яковца «Роздери» Кременецкого были сыновья Захарий и Исуп. Сыновья Ратмана Яковцева, Григорий и Федор, а также Семен Яковцев в описании 1577/78 г. отмечены среди коломенских помещиков¹⁸⁹. В Коломенской десятне 1577 г. Григорий Ратманов сын Яковцев записан дворовым сыном боярским с поместным окладом 250 четвертей и денежным 14 рублей, также он числил-

¹⁸² Rody ziemiańskie XV i XVI wieku. Kraków, 1930. S. 87, 88.

¹⁸³ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 342.

¹⁸⁴ Родословная Книга. Ч. 2. С. 408.

¹⁸⁵ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том II. М., 1998. № 82. С. 88.

¹⁸⁶ ТКДТ. С. 161, 163.

¹⁸⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 154. № 141.1.

¹⁸⁸ ТКДТ. С. 160, 161, 163.

¹⁸⁹ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. I. СПб., 1872. С. 409, 411.

ся в окладчиках¹⁹⁰. В боярских списках конца XVI – нач. XVII в. Яковцевы представлены представителями только тех своих ветвей, за которыми утвердились фамилии Исуповых и Ждановых (см. ниже). В конце XVII в. в московских чинах служил лишь единственный представитель рода собственно Яковцевых – стольник Василий Иванович¹⁹¹.

Фактически одновременно с первым упоминанием представителя рода Яковцевых на московской службе упоминается и их вероятный родственник, служивший великому князю литовскому. В 1527 г. дворянин Василий Яковцев (Яковцович) получил лист короля Сигизмунда Старого на держание земель Филиповщины и Оношковщины в Жирославской волости Городенского повета¹⁹². Согласно переписи войска великого княжества Литовского 1528 г., городенский боярин Василий Яковцов должен был выставлять со своих владений 3-х вооруженных всадников¹⁹³.

Таким образом, документальные сведения в источниках о Яковцевых практически не оставляют сомнений в их происхождении из русских земель в составе великого княжества Литовского. Следует отметить, что и у однородцев Яковцевых, Исуповых, также бытовали две версии происхождения рода – «из Орды» и из не признанных сородичами «потомков Нестера Рябца». Учитывая, что у самих Квашниных «муж честен Нестер» прибыл из Литвы, то получается, что Исуповы место, откуда выехал их предок, указали всё-таки верно.

Ждановы. В 1686/88 г. (точная дата отсутствует) стольник Михаил Степанов сын Жданов подал в ПРД Разрядного приказа родословную роспись дворян Ждановых. В документе поколенное родословие предваряла несколько сокращенная легенда о выезде Аслана Челебей-мурзы: «К великому князю

Дмитрею Ивановичю приехал из Орды служить Аслан Челебей, а с ним выехали его знамени татар трицать человек. А во святом крещении имя Аслану Прокопей. У Прокопья дети Яков Кременецк да Лев Широкой Рот, да Арсен – прозвище Исуп. От Якова Кременецкова пошли Кременецкие. От Льва Широкова Рта дети Захарей Ртищ – и от того пошли Ртищевы, а другой сын Андрей – прозвище Сом, и от того пошли Сомовы, а третьей сын Павел – от Павла пошли Павловы. От Арсения Исупа пошли Исуповы, Арсеньевы. А у Якова Кременецкова сын Петр. А у Петра сын Иван. А у Ивана сын Борис. У Бориса сын Яков. У Якова сын Дмитрий – прозвище Ждан, и от того пошли Ждановы»¹⁹⁴. Как видно, Ждановы также претендовали на старшинство среди своих «сродников». В отличие от легенды Арсеньевых, старшим сыном Аслана-Прокопия у Ждановых выступает их собственный предок, Яковец Кременецкий, а Арсений-Исуп «задвинут» в младшие братья. Как неоднократно указывалось в генеалогической литературе, роспись, в которой на протяжении нескольких поколений у одного отца записано по одному сыну (полностью отсутствуют боковые ветви), скорее всего, является недостоверной. Этот вывод напрашивается и в отношении родословия Ждановых.

Несмотря на претензии Ждановых на прямое происхождение от Яковца Кременецкого, документы свидетельствуют о другом. Впервые в источниках сыновья Дмитрия Ждана появляются довольно поздно – в 1560-х гг., причем они пишутся с фамилией Яковлевы, а отнюдь не Кременецкие. Так, в поручной записи по князе Василии Семеновиче Серебряном с сыном Борисом 1564/65 г. встречаются имена Михаила Жданова сына Яковлева и его племянника Вешняка Андрева сына Жданова, а младший брат Михаила, Андрей Жданов сын Яковлев в 1565/66 г. поручился по князе Иване Петровиче Охлябинине¹⁹⁵. Михайло Жданов сын Яковлев сидел «в чистом платье» на посольском приеме в

¹⁹⁰ Сторожев В. Н. Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Книга 8. М., 1891. С. 2, 7.

¹⁹¹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 495.

¹⁹² Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. М., 1916. Кн. 21. С. 312.

¹⁹³ Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Мн., 2003. С. 95.

¹⁹⁴ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 227.

¹⁹⁵ Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 42, 44, 46, 54, 55.

Москве в конце 1583 г., ниже в списке среди дворян был записан и его брат Федор Жданов сын *Яковля-Кременецкого*¹⁹⁶. В нач. XVII в. Ждановы служат в выборе по Козельску, за осадное сидение при Василии Шуйском Федор Михайлов сын Жданов был пожалован вотчинами в Козельском и Лихвинском уездах¹⁹⁷.

Ждановы, так же как Кременецкие, Яковцовы и Исуповы, видимо, на самом деле были потомками Яцка («Яковца») Раздерипи-ва, которому было пожаловано Казимиром сельцо Кремяны. Деревня Кременец и сейчас существует в Калужской области. Судя по фамилии Яковлев, Дмитрий Ждан мог быть братом вышеупомянутых Ратмана (Романа) и Семена Яковлевых детей Захарьина Яковцова, дворовых детей боярских из Коломны. То есть Ждановы были одной из ветвей рода Яковцевых, которые, в свою очередь, могли быть козельской отраслью смоленского боярского рода Пивовичей.

Исуповы. Сведений о том, что дворяне Исуповы (также Юсуповы), считавшие своим предком легендарного мурзу Аслана Челебея, в конце XVII в. подавали свою родословную роспись в ПРД Разрядного приказа, не сохранилось. В 1905 г. В. С. Арсеньев опубликовал не вполне удачную, на наш взгляд, реконструкцию родословия Исуповых – «Аслановичей»¹⁹⁸. Автор принял версию, известную из росписей «однородцев» Исуповых, согласно которой их родоначальником был Арсений-Исуп, старший сын Аслана Челебея. Ближайшими родственниками Исуповых, таким образом, являлись Арсеньевы. Однако упоминания в источниках представителей этого рода говорят о том, что происхождение его было совсем другим. В Дворо-

вой тетради среди коломенских дворовых детей боярских записан Иванец Иванов сын Исупов *Яковцова*. По Кашире записан его брат, Осип Иванов сын Исупов *Яковцов*¹⁹⁹. И это не ошибка – рядом с братьями Исуповыми записаны имена их родственников – Яковцевых. В Каширской десятне 1556 г. Осип Иванов сын числится дворовым сыном боярским и также записан с двойной фамилией Исупов-Яковцов. Там же видим и его младшего родственника, Иванца Сивцова сына Исупова, служившего по городу²⁰⁰. С той же двойной фамилией – Исупов Яковцов – Осип Иванович значится как выборный дворянин из Каширы в земском боярском списке 1577 г. с поместным окладом в 600 четвертей²⁰¹. Как показано выше, Исуповы являются ответвлением рода Яковцовых, а не Арсеньевых, и являются вероятными потомками Яцка «Раздери» Пива.

Но это еще не конец истории. Оказывается, нетитулованные дворяне Исуповы 2 сентября 1686 г. всё-таки подали свою родословную роспись в ПРД за подписью стольников Гавриила Семеновича Исупова и его сына Леонтия. Согласно этой росписи, вышло, что Исуповы являлись ответвлением старомосковского боярского рода Квашиных: *«Родословная роспись Исуповых. Пришли из Литвы к великому князю Ивану Даниловичу Нестер. А Нестеров сын Родион Нестерович. А от него пошли Аневежины, Жиховы, Злобины, Кобылския, Исуповы, Фомин, Шитая»*²⁰². *А от Родивона от пятова сына от Богдана пошли Исуповы. У Богдана сын Варлам. А у Варлама сын Никита. А у Никиты сын Демьян. А у Демьяна детей: Юрья да Василей. А у Юрья детей: Богдан да Григорей. Григорей убит на государеве службе под Ругодевым на приступе семь*

¹⁹⁶ *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1908. С. 62, 63. Похоже, это единственное упоминание Ждановых как Кременецких.

¹⁹⁷ *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 279, 377, 415; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. М., 2003. С. 151; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. Москва-Варшава, 2009. С. 90, 253, 421.

¹⁹⁸ *Яблочков М. Т.* Дворянское сословие Тульской губернии. Тула. 1905. Т. 9. С. 81–86.

¹⁹⁹ ТКДТ. С. 161, 163.

²⁰⁰ *Яков Кротов.* Десятня по Кашире 1556 года.

URL:

http://krotov.info/library/11_k/rotov_ya/desyatni/1556_kashira.htm (дата обращения 11. 05. 2021); Каширская десятня 1556 г. // «Heraldica»: исторический сборник. Т. 1. Отд. 4. СПб., 1900. С. 28, 40, в этом издании фамилия Осипа Иванова сына указана как «Юсупов», без второй части.

²⁰¹ *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 196.

²⁰² Так в ркп.

тысяч девяноста в восьмом году, был у московских стрельцов головою. А у Богдана детей: Андрей да Иван. Иван был во сто девятом году на Ельце воеводою товарищем у князя Семена Татеева»²⁰³. Подобный метод повышения своего статуса путем приписки к «родословным» фамилиям довольно хорошо известен. Некоторые служилые роды, влившиеся в верхушку московского дворянства после Смуты, провели данную «операцию» вполне успешно и даже сумели записаться в Бархатную книгу. Однако приписка к Квашниным Исуповых была выполнена настолько грубо, что вызвала закономерный протест дьяков Палаты родословных дел против «причета» последних к потомкам Родиона Нестеровича. Указом 10 июня 1687 г. Исуповым во внесении их родословия в Бархатную книгу было отказано²⁰⁴. Вопреки мнению А. С. Арсеньева, считавшего Исуповых – «однородцев» Квашниных отдельным родом, следует полагать, что приписку к боярскому роду Квашниных пытались совершить представители одной из ветвей того же самого рода «Аслановичей», по каким-то причинам посчитавшие происхождение от выезжего татарского мурзы для себя неприемлемым.

Павловы. В XVI – нач. XVII вв. в Московском государстве существовали несколько служилых фамилий Павловых. Самыми значительными из них были два дворянских рода, владевших вотчинами и поместьями в южных и юго-западных уездах. Первый из них, чьи представители часто писались двойной фамилией Андреевы Павловы (иногда и просто Андреевы), согласно семейному преданию, происходил от некоего Прокофия Андреевича Федорова, приехавшего из Литвы служить великому князю Василию Дмитриевичу²⁰⁵. Именно эти Павловы подали в ПРД Разрядного приказа свою родословную роспись, сопроводив ее копиями 4-х

документов 1595 – 1612 гг.²⁰⁶ Имена лиц в первых коленах родословия Андреевых-Павловых, судя по всему, являются плодом позднейшей «реконструкции», поскольку никаких упоминаний о представителях этого рода на московской службе в XV в. в источниках нет. Род Андреевых Павловых действительно был выезжим из Литвы, но происходил от совершенно другого «Андрея Павлова», чьи сыновья выехали на московскую службу значительно позже времени, указанного в родовой легенде.

Следует обратить внимание на изначальный «дворовой статус» Андреевых-Павловых, причем на протяжении XVI–XVII вв. род был весьма заметным в служебном отношении²⁰⁷. Это объясняется в том числе и тем, что они, а также их сородичи, были значительными фигурами в великом княжестве Литовском. Их настоящий родоначальник, Андрушко Павлович – господарский боярин Казимира и Александра, неоднократно упоминался в актах Литовской метрики вплоть до 1503 г.²⁰⁸ Его старший брат, Васко Павлович, был господарским писарем Казимира, многие пожалования в «Книге данин» великого князя Казимира написаны его рукой. Сын Васко Павловича, Василий Никольский Павлов, также был великокняжеским писарем²⁰⁹, а его двоюродным братом являлся известный литовский дипломат Михаил Халецкий²¹⁰. Родственные связи Андрушко Павловича, Василия Никольского и Михаила Халецкого устанавливаются благодаря упоминанию этих лиц в жалованной грамоте великого князя Литовского Александра князю Семену Можайскому на города Стародуб и

²⁰⁶ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 257, 258.

²⁰⁷ Яблочков М. Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула. 1905. Т. 9. С. 176-194.

²⁰⁸ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 36. № 1.7; P. 34. № 1.6; P. 32. № 1.3; P. 49. № 13.3; P. 50. № 13.3; P. 61. № 16.4. Там же. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 282. № 478.

²⁰⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 42; Русина Е. В. Знакомый незнакомец: Василий Никольский en famille // Славяноведение. 2000. № 2. С. 70

²¹⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 68. № 27; P. 85. № 56; P. 304. № 518; P. 343. № 593; P. 346. № 605.

²⁰³ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 183.

²⁰⁴ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 169, 350-352.

²⁰⁵ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 229.

Гомель, а сами они были потомками черниговского боярина Павла Мишковича, служившего Свидригайло Ольгердовичу и получившего от последнего имение Хальче в Гомельской земле²¹¹. «Дияк королевской» Никольский в числе прочих участников восстания Глинских перешел на московскую службу в 1508 г.²¹² Скорее всего, вместе с ним стали служить на Москве и его двоюродные братья – Остафий (Останя) и Федор Андреевы Павловы. Сын боярский двора великого князя Василия III Останя (Остафий) Андреев был довольно значительным служилым человеком первой трети XVI в., отличившимся на дипломатическом и военном поприщах. Дворянин Останя Андреев в 1512/1513 г. был отправлен послом в Крым, а в 1515 г. в Валахию. В марте 1529 г. он упомянут в разрядах как воевода из Каширы в тульском «наряде от поля». Примерно в это же время вместе с Иваном Васильевичем Полевым он проводил инспекцию мелей и бродов по Оке. Весной 1530 г. Остафий Андреев Павлов – один из воевод Большого полка московской рати, стоявшей в Туле. В мае 1531 г. он упомянут в числе воевод, стоявших «в Севере на Клевени» под номинальным командованием бывшего казанского хана Шах-Али («Шигалея»), в 1534 г. – второй полковой воевода в Новгороде-Северском²¹³. Сын Остани, Яков Остафьев сын Андреев, отмечен в Тысячной книге сыном боярским III статьи по Коломне. В Дворовой тетради он и его двоюродные братья Андрей, Григорий и Образец Федоровы дети Андреева Павлова записаны в число дворовых по Коломне и Кашире²¹⁴. Надо полагать, что сыновья Остани и Федора Андре-

евых-Павловых не были записаны «литвой» только потому, что они служили по Коломне и Кашире, где по какой-то причине «дворовая литва» не выделялась, хотя именно по этим корпорациям числилось немало выезжих литвинов и их потомков. В течение XVII в. Андреевы Павловы сохранили и упрочили свое положение среди верхов московского дворянства, имея к концу столетия немало представителей рода в московских чинах и одного думца в лице окольничего Родиона Михайловича Павлова²¹⁵.

В отличие от Павловых-Андреевых, Павловы, писавшиеся от Аслана Челебея, свою родословную роспись в ПРД Разрядного приказа не подавали. Их происхождение было указано в росписях «однородцев» – Арсеньевых, Ждановых, Ртищевых, Сомовых. В 1905 г. М. Т. Яблочков и В. С. Арсеньев опубликовали составленную по позднейшим источникам поколенную роспись Павловых – потомков Аслана Челебея²¹⁶. К сожалению, эта роспись довольно сомнительна с хронологической точки зрения, особенно в первых поколениях рода. Например, по этой росписи Епифан (Епиш) Леонтьев сын Павлов, упоминаемый в 1570-х гг., является внуком Дмитрия-Дементия Михайловича, сведения о котором относятся к 1613 г. Следует обратить внимание на указанное в этих росписях имя предка Павловых («Аслановичей») – Павел Львович. Служилый человек именно с таким именем и отчеством, живший в середине и третьей четверти XV в., обнаруживается в документах в составе книг Литовской метрики. Так, в «Книге данин Казимира» среди записей, датированных 1441–1443 гг., читается: «*Пашку Илвову Лахвенъникъ и з селомъ*»²¹⁷. В реестре «Князи и бояре смоленские» (ок. 1492 г.) Павел Львович с двумя не названными по именам сыновьями упоминается среди представителей рода смоленских бояр Пивовых (Пивовичей): «*Гришько Пиво, Пашько Ильвовъ, а в него два сыны молодцы. Васко-*

²¹¹ Там же. Р. 129. № 156. *Kuczyński S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie. S. 366-367; Темушев В. Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. М.: Квадрига, 2009. С. 58.*

²¹² *Зимин А. А. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. 1970. № 5. С. 72.*

²¹³ Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 131; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подг. текста и коммент. А. А. Зиминова. М., 1978. С. 139, 185; Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С. 73; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. IV. М., 2008. № 356. С. 268-269; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 78, 79, 85.

²¹⁴ ТКДТ. С. 72, 160, 163.

²¹⁵ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 312.

²¹⁶ *Яблочков М. Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула. 1905. Т. 9. С. 109-126.*

²¹⁷ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440 –1498). Vilnius, 1998. P. 45.*

вых Пивовых два сыны у разделе»²¹⁸. Один из сыновей Павла Львовича, Юшко Пивов, упомянут в списке раздачи хлебокормлений смоленским боярам от 25 декабря 1514 г. В Троицком повете в Стоклишках ему было пожаловано 2 «человека» и 2 пустовщины²¹⁹. Вторым сыном Павла Львовича, судя по всему, был Леонтий, чьи сыновья Михалко и Юшко упоминались в Каширской десятне 1556 г. (Михалко – молодой городской сын боярский, Юшко – новик)²²⁰. Невысокий статус этих Павловых хорошо заметен в сравнении с их однофамильцами Павловыми Андреевыми, входившими в дворовую верхушку корпорации. Еще один Леонтьевич, Епиша (Епифан), и его племянник, Дементий Юрьев сын Павлов, упоминаются в писцовой книге 1578 г. как каширские помещики²²¹. От третьего сына Павла Львовича, Ивана, пошла козельская ветвь Павловых («Аслановичей»). Его сыновья Василий и Иван в нач. XVII в. служат в выборе из Козельска, за московское осадное сидение во времена царя Василия Шуйского были пожалованы вотчинами в Козельском уезде²²².

В отличие от упомянутых выше нетитулованных дворян Исуповых (Юсуповых), Андреевы-Павловы и Павловы – «Асланови-

чи» не были двумя ветвями одного рода, приписывавшими себе различное происхождение. Они действительно происходили от разных лиц, являясь однофамильцами, а не «сродственниками». В целом род Андреевых-Павловых был значительнее в служебном отношении, их предком был знатный литовский дворянин, и скрывать свое литовское происхождение потомкам Павла Мишковича не имело резона, хотя они и явно «удревнили» начало своей службы на Москве, сфальсифицировав первые колена своего родословия²²³. В отличие от Андреевых-Павловых, Павловы – потомки провинциальных смоленских бояр Пивовичей – выдвинулись в первые ряды московского дворянства лишь после Смуты и к концу XVII в. уже не помнили (либо не желали вспоминать) своего настоящего происхождения.

²¹⁸ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 154. № 141.1. Издатели 4-й книги записей Литовской метрики, как ранее и издатели 27 тома РИБ, некорректно расставили знаки препинания в тексте, из-за чего у записанного на предыдущем листе боярина Ивана Плешкина «образовались» сыновья с довольно странными именами. При этом Григорий Пиво упоминается и в реестре «данин», датированном 23 января 1488 г. (Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 71. № 18.1).

²¹⁹ *Кашировский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522). Нежин, 1899. Прил. 2. С. 296.

²²⁰ *Яков Кротов.* Десятня по Кашире 1556 года. Ссылка:

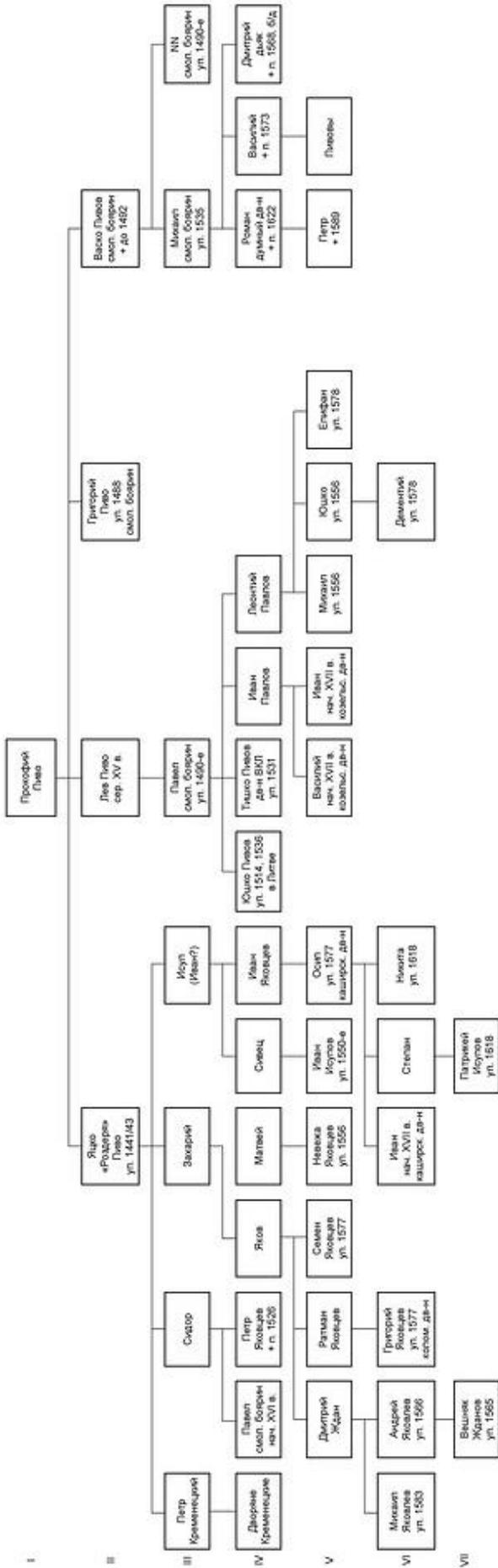
http://krotov.info/library/11_k/rotov_ya/desyatni/1556_kashira.htm; Каширская десятня 1556 г. // «Heraldica»: исторический сборник. Т. 1. Отд. 4. СПб., 1900. С. 29, 44.

²²¹ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. II. СПб., 1877. С. 1319, 1320, 1369.

²²² *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 280, 377; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. М., 2003. С. 151; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. Москва-Варшава, 2009. С. 462, 463.

²²³ Любопытный факт: некоторых Андреевых Павловых в свою родословную роспись вставили дворяне Андреевы-Колотиловские, потомки новгородских земцев, тем самым приписав себе чужие достижения более значительного в служебном отношении рода. См. Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск девятый. М., 2021. С. 207–209.

Пинювы, Кременецкие, Яковлевы, Исуповы, Палювы, Памловы, Ждановы.

Ртищевы. Представители возвысившегося в течение XVII в. служилого рода Ртищевых по неясной нам причине так и не подали свою роспись в ПРД, хотя документы для этого были ими подготовлены и сохранились в фамильном архиве²²⁴. Составлением росписи и прилагаемых к ней копий документов занимался комнатный стольник царей Ивана и Петра Алексеевичей, Михаил Федорович Ртищев. В помощь себе он привлек стольника Самуила Федоровича Николева, сына служилого иноземца, полковника Николая де Манора, и крестника знаменитого Федора Большого Михайловича Ртищева. Работы по составлению росписи велись М. Ф. Ртищевым очень аккуратно и тщательно, что было редкостью для подобного вида деятельности в те годы²²⁵. В подлиннике сохранилась отписка слуги М. Ф. Ртищева, Никишки Павлова, отправленного своим господином для выписки из т. н. «Выезжей книги» сведений о происхождении рода: *«Весна нам, государь Михайла Федорович, учинилась, указали де великия государи принасить родовыя росписи. И я послал к тебе, государю своему, маленькую росписку для ведомости. По сем искатель милости твоей Микишка Павлов челом бьет. Роспись выезду к Москве, написана в 23 главе: Приехал к великому князю муж честен именем Ослан, а во светом крещенье имя ему Прокофей. А у Прокофья сын был Яковец, и от того пошли Кременецкия, Ждановы. А от другаго сына ото Леа Широкова Ръта пошли Ртищевы, Павловы. А от третьего сына от Исупа пошли Арьсеньевы, Исуповы. И тому роспись, хто от кого пошел»*²²⁶. Из текста записки следует, что родовая легенда «Аслановичей» не вышла из рода Ртищевых и их окружения, а была ими позаимствована для своей росписи уже в готовом виде.

Несмотря на красивую легенду и наличие многочисленных «однородцев», выезд Ртищевых из Литвы сомнению не подле-

жит. Их предком был не мифический Лев «Широкий Рот», а служилый человек по прозвищу Иртищ (Ртище), чье имя имеется среди имен адресантов великокняжеских пожалований в «Книга данин» Казимира: *«Иртищу село Калечина а два ч(о)л(о)в(е)ки. Панъ Кгастовт. а Ходко»*²²⁷. Запись об этой «данине» стоит в одном ряду с пожалованиями серпуховско-боровскому князю Василию Ярославичу, его княгине, князю Федору Ивановичу Пронскому, Норышке Волохову. По 9 индикту этот блок записей датируется 1446 г., а пожалованы были сторонники свергнутого и ослепленного великого князя Владимирского Василия Васильевича, отъехавшие в Литву в феврале 1446 г.²²⁸ Судя по всему, упомянутый в «данине» Иртищ (так же, как и Норышко) не вернулся в Северо-Восточную Русь вместе с другими сторонниками Василия Темного, оставшись на службе великого князя Литовского Казимира. По всей видимости, это был один из вотчинников Верхней Оки, служивший «на обе стороны» по старинному местному обычаю. Через два года, в нач. 1448 г., ему было пожаловано в вотчину владение в Мезецкой волости. Кроме того, по записи о «данине» устанавливается и имя этого боярина: *«А Степану Иртищу Леповица, тамъ же за Мезоцкомъ и ма в отчизну. Панъ Кгастовгъ, пан Петрашъ, панъ Анъдреи. Инъдик(т) 11»*²²⁹.

Ртищевы, приписывавшие себе ордынское происхождение, были потомками Третьяка (Давида) Федорова сына Ртищева, довольно значительного служилого человека второй пол. XVI в. В 1559 г. Третьяк Ртищев приезжал из Путивля «по крымским вестем». Входил в Опричный двор, в 1565/66 г. поручился по князю И. П. Охлябину и З. И. Очину-Плещееву. В сентябре 1572 г. в царском походе на черемису записан как голова²³⁰. Его брат, Нечай, в Дворовой тетради

²²⁴ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 31, 32.

²²⁵ Кашкин Н. Н. Родословные разведки / под ред. Б. Л. Модзалевского. Посмертное издание. Т. 1. СПб., 1912. С. 392-393.

²²⁶ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том II. М., 1998. № 516. С. 441, 442.

²²⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 37.

²²⁸ ПСРЛ. М., 2001. Т. 8. С. 117.

²²⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 37.

²³⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 180; Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 54-56; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. Вып. 1. М., 1975. С. 205.

записан в числе «литвы дворовой» из Медыни. В 1557 г. Нечай Ртищев был направлен с Андреем Щепотевым к князю Дмитрию Вишневецкому, а в январе 1558 г. отправился вместе с кн. Дмитрием Вишневецким на Хортицу в числе других голов. В Полоцком походе 1562/63 г. Нечай Ртищев собирал астраханских людей в ертауле. В числе других детей боярских 20 апреля 1563 г. поручился по князе А. И. Воротынском в сумме 15 тысяч рублей. Также входил в Опричный двор, в 1565/66 г. вместе с братом ручался по князю И. П. Охлябину и З. И. Очину-Плещееву. В 1577–1581 гг. служил в Земском дворе, бараш в апреле-мае 1577 г. в Ливонском походе и в разряде царского похода в Ливонию в июне, августе 1579 г. и апреле 1581 г.²³¹ В 1586–1587 г. братья Ртищевы в Вежецком стане Медынского уезда владели поместьем²³². В нач. XVII в. старший сын Третьяка (Давида), Алексей Ртищев, был лихвинским губным старостой²³³. О представителях рода Ртищевых и их службе в течение XVII в. довольно подробно написано в работе Н. Н. Кашкина²³⁴

Возможно, одной из причин того, почему Ртищевы так и не подали уже готовую роспись в ПРД, стали сомнения главы их рода, «государя» Михаила Федоровича в достоверности истории про выезд «мужа честна Ослана» в Москву. Ртищевы, как следует из сохранившегося письма Микишки Павлова своему «государю» Михаилу Федоровичу Ртищеву, переписали уже готовую версию своего происхождения из «Выезжей книги».

Сомовы. 22 мая 1686 г. в ПРД Разрядного приказа была подана родословная роспись дворян Сомовых. В ней был представ-

лен самый немногословный вариант легенды о выезде ордынского мурзы Аслана Челибея: «Во дни великаго князя Дмитрея Ивановича выехал к нему из Орды Ослан со многими людьми, которые при нем жили, и восприял святую православную христианскую веру. А во святом крещении имя ему Прокопий. У Прокофья сын Лев Широкий Рот. А ото Льва Широкова Рта дети: Захарей Ртищев да Андрей – прозвище Сом. От Захарья Ртищева пошли Ртищевы. От Андрея прозвище Сома пошли Сомовы»²³⁵. Видно, что в сравнении со сведениями, содержащимися в росписях «сродственников», в легенде Сомовых отсутствует информация о количестве сопровождавших Аслана «татар его знамени», а также ничего не говорится о его женитьбе на дочери некоего Зотика Житова. Кроме того, Сомовы вообще не упомянули других своих «однородцев», кроме Ртищевых.

Однако, «ордынский» вариант родословия Сомовых был не единственным. В 1993 г. Б. Н. Морозовым была введена в научный оборот родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линева, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV–XV вв. Источник был опубликован исследователем по двум спискам: конца 1610 – начала 1620-х гг. («Голицынская родословная») и рукописи конца XVII в. из собрания Ундольского в РГБ²³⁶. Согласно этому источнику, происхождение дворян Сомовых не имело ничего общего с «ордынской» легендой о выезде – их предком был показан «князь в земли Фряской» Шимон Африканович, легендарный прародитель Воронцовых, Вельяминовых и родственных им фамилий²³⁷. По сведениям росписи, один из потомков Шимона Африкановича, боярин Федор Ми-

²³¹ ТКДТ. С. 207; Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000. С. 275; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 166; Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004. С. 45; Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 24, 54–56; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. М., 1982. С. 442; Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 55, 91, 181.

²³² Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. II. СПб., 1877. С. 846.

²³³ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 411.

²³⁴ Кашкин Н. Н. Родословные разведки / под ред. Б. Л. Модзалевского. Посмертное издание. Т. 1. СПб., 1912. С. 284–451.

²³⁵ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 227.

²³⁶ Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линева, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV–XV вв. // Историческая генеалогия. М., 1993. № 2. С. 42–43.

²³⁷ Интересно, что в этой росписи потомком Шимона показан и Дмитрий Зерно – родоначальник совершенно другой группы родов, происходящих из Костромской земли: Сабуровых, Годуновых, Вельяминовых-Зерновых. Очевидно, составитель росписи принял за «сродственников» два рода однофамильцев Вельяминовых.

хайлович, был тысяцким у великого князя Суздальского и Нижегородского Дмитрия Константиновича и дал начало упомянутым выше родам, в том числе и роду Сомовых. Сравнение двух вариантов родословия Сомовых показывает, что роспись в ПРД была подана потомками Сомовых, служивших из Лихвина и Козельска, в то время как «нижегородцами» себя считали Сомовы, оставшиеся на поместьях в Великом Новгороде.

Обращение к документальному материалу показывает, что «нижегородская» версия родословия Сомовых гораздо правдоподобнее «ордынского» варианта, хотя и она вряд ли верна в части происхождения рода. Впервые в актах Сом Линева упоминается в 1471 или 1477 г. как пристав великого князя Ивана III²³⁸. Исполнение обязанностей великокняжеского пристава поручалось, как правило, дворовым детям боярским, следовательно, Сом Линева входил в состав Государева Двора. В конце XV в. Андрей Сом Иванов сын Линева – помещик Деревской пятины Новгородской земли²³⁹. В эти годы новгородскими помещиками были и братья Сома, Иван Окунь и Судок Линева. Окунь был женат на дочери новгородского боярина Якова Тютихина и получил в приданое земли в Водской пятине, но у него также были поместные земли в Деревской пятине²⁴⁰. Судок (Судак) Линева упомянут как помещик Хмерского погоста Шелонской пятины²⁴¹. Сыновья Сома – Иван, Василий, Дементий Булгак ничем особенным не отметились. Четвертый сын, Алеша Сомов сын Линева, не упомянутый в родословных Сомовых, погиб в битве с татарами в 1524 г. на р. Свяге под Казанью. В этом же бою погиб и его двоюродный брат Андрей Судаков сын Линева²⁴². Сын Ивана Сомова, также Иван, отмечен в Тысячной книге как городской сын боярский второй статьи из Локоцкого погоста Деревской пятины Новгорода²⁴³. Сыновья Василия, Иван

Бровка и Иван Меньшой, служили в Опричнине, в боярском списке 1588/89 г. записаны выборными дворянами из Лихвина с поместным окладом в 450 четвертей, в этом же году Бровка умер²⁴⁴. Сын Дементия Булгака, Петр, как и его двоюродные братья Бровка и Иван Меньшой, входил в Опричный двор царя Ивана IV. В 1565/1566 г. он вместе с другими князьями и детьми боярскими поручился по князю И. П. Охлябину в его верности в сумме 2 тысячи рублей. Отмечен в разрядах как подрында к рогатине в опричном походе царя из Москвы к Дворцам осенью 1567 г.²⁴⁵ В дальнейшем потомки Василия и Дементия Булгака продолжали служить по Лихвину и Козельску, отличившись на ратном поприще в смутное время²⁴⁶. В конце XVII в. Сомовы служат в московских чинах, имея и своего представителя в Думе – думного дворянина Парфения Павловича²⁴⁷.

На происхождение Сомовых, возможно, указывает одна из записей в «Книге данин» Казимира из Литовской метрики. До 1447 г. троцкому воеводе Ивану Гаштольду были пожалованы: «у Луцку Полона, а што **Окунь** держаль; у в отъчину. Самъ великий кн(я)зь. Сопега»²⁴⁸. Характерное прозвище Окунь позволяет отождествить волынского землянина и новгородского помещика. Довольно большой временной разрыв между упоминаниями Окуня в Литве и Великом Новгороде объясняется тем, что в конце XV в. Иван Окунь был в весьма преклонном возрасте, поскольку его внук, Андрей Тимофеев сын, уже в 1537/38 г. имел взрослых сыновей

²³⁸ АСЭИ. Т. 1. С. 296, 297. № 405.

²³⁹ НПК. Том II. Стб. 25, 26, 30, 35, 36, 41.

²⁴⁰ НПК. Том I. Стб. 540, 543-545, 549; Там же. Том II. СПб., 1862. С. 30; Там же. Том III. Стб. 16, 17, 24, 25, 29, 186, 190, 217, 291, 326; Там же. Том IV. Стб. 3; Там же. Том V. Стб. 343.

²⁴¹ НПК. Том V. 8, 10-12, 87, 113, 125

²⁴² ПИРСС. С. 177.

²⁴³ ТКДТ. С. 98.

²⁴⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 224; *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1908. С. 63; *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 238, 335.

²⁴⁵ *Антонов А. В.* Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 54; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 224.

²⁴⁶ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. М., 2003. С. 149, 234, 235, 333, 334; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. Москва-Варшава, 2009. С. 36, 45, 51, 182, 482.

²⁴⁷ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 385-387.

²⁴⁸ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 63.

и дочь на выданье²⁴⁹. Подтверждением происхождения Линевых, Сомовых, Окуневых, Судаковых и Ершовых с Волыни может также служить существование в XV–XVI вв. волынского рода Линевских, один из представителей которого в конце XV в. получил пожалование на кормление²⁵⁰.

«Потомки» Косай-мурзы: Аринкины, Давыдовы-Минчаки, Петровы-Злобины, Уваровы. Родовой клан «потомков» Косай-мурзы объединял несколько дворянских родов, в XVI в. служивших с Коломны и Каширы и владевших вотчинами и поместьями в этих уездах Московского государства. Из этого ряда коломенско-каширского «землячества» явно выпадают Давыдовы-Минчаки, происхождение и запутанные варианты родословия которых требуют отдельного исследования.

Уваровы. 12 октября 1686 г. в ПРД Разрядного приказа была представлена родословная роспись дворян Уваровых, выводивших свой род от Косай-мурзы: *«Род Уваровых (глава 61 по выезду). К великому князю к Василью Дмитриевичу приехал из Болшие Орды чесна рода Минчак Косаев. Во святом крещении имя Минчаку Семен. А у него детей: сын Глеб был бездетен, сын Давыд, сын Увар, сын Злоба, сын Оркан. От Давыда повелись Давыдовы Минчаковы, а от Увара повелись Уваровы, а от Злобы повелись Злобины, а от Орилки повелись Орилкины»²⁵¹. А прородитель наш испомещен был во Пскове Дубкове Сергей Иванов сын Уваров. А сын его Дмитрий Сергеев сын при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси написан в тысячной книге з бояры, испомещен был в Московском уезде. А у Дмитрея дети: Иван да Евсвей, да Володимер, да Дмитрий – а переведены, испомещены в Галиче и в Олексине, и в Белеве»²⁵². Как видно, роспись подали представители лишь одной ветви из весьма разветвленного дворянского*

рода Уваровых. Кроме того, потомки Сергея Иванова сына Уварова приписали себе в предки своего родственника – псковского «тысячника» Митю (Никиту) *Васильева* сына Уварова, довольно заметного служилого человека середины XVI в.²⁵³

Однако, роспись, поданная в ПРД, была не единственным родословием Уваровых. В 1909 г. по столбцу Приказного стола Разряда П. Зенбицким была опубликована общая родословная роспись Уваровых, Петровых-Злобиных, Аринкиных, Звериных и Давыдовых, датированная 17 августа 1649 г.²⁵⁴ Версия родовой легенды из росписи «Косаевичей», опубликованная П. Зенбицким, имеет существенные отличия от версии из росписей, поданных в ПРД Давыдовыми и Уваровыми. Так, отличаются крестильные имена выехавшего на Русь сына Косай-мурзы Минчака – в первом случае Борис, во втором Семен. В росписи, опубликованной в ЛИРО, ветви рода пошли от сына Минчака-Бориса, Захария, а в росписи, поданной Уваровыми («псковичами»), родоначальником выступает сам Минчак-Семен Косаевич. Время выезда также различно – в одном случае татарский мурза прибыл к великому князю Дмитрию Донскому, в другом – к его сыну, Василию Дмитриевичу. Кроме того, в братья Минчаку был определен некий «Коромыш», под именем которого должен был, судя по всему, подразумеваться родоначальник рода нижегородских выходцев, дворян Карамышевых. Кроме росписи потомков Косай-мурзы сер. XVII в. П. Зенбицкий опубликовал и отдельную роспись Уваровых, поданную в 1761 г. в Герольдмейстерскую контору студентом Московского университета И. А. Уваровым²⁵⁵.

Судя по публикации, эта ветвь Уваровых считала своим предком некоего Алек-

²⁴⁹ Записная книга крепостным актам XV–XVI вв. // Русская историческая библиотека. Т. 17. СПб., 1898. С. 177–178.

²⁵⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 84. № 23.5.

²⁵¹ Так в ркп. Правильно – «Оринка», «Оринкины».

²⁵² Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск второй. М., 2017. С. 226.

²⁵³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 98; Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 87; Лихачев Н. П., Мятлев Н. В. Тысячная книга 7059–1550 г. Орел, 1911. С. 234–235.

²⁵⁴ Зенбицкий П. Новый материал для родословных Уваровых, Злобиных, Аринкиных, Петровых, Звериных и Давыдовых // Летопись историко-родословного общества. Вып. 3 (19). М., 1909. С. 14–19.

²⁵⁵ Там же. С. 16.

сандра Уваровича, имевшего сыновей Алексея и Федора. Алексей Александров сын Уваров в конце XV в. упоминается как послух купчей в Коломенском уезде. В сер. XV в. Коломенский уезд являлся местом со значительным объемом вотчинного землевладения выходцев из Литвы, о чем свидетельствуют и имена других послухов из упомянутой грамоты – Семена Блудова и Никиты Писарева²⁵⁶. Из Платежной книги Деревской пятины 1542/43 г. становится известно, что Алексей Уваров ранее владел поместьем в Холмском погосте Деревской пятины Новгородской земли²⁵⁷. По всей видимости, взамен новгородского поместья Алексей Уваров получил каширское вдобавок к своим коломенским владениям. В Молвятицком погосте Деревской пятины писцовыми описаниями фиксируется поместье родственника Алексея Уварова, Сеньки Тимофеева сына Уварова, в 1538/39 г. бывшее за его вдовой Ульяной²⁵⁸. В 1556 г. семеро потомков Александра Уваровича записаны в Каширской десятне. Это выборный сын боярский Иван Большой Иванов сын Алексеева, его младший брат Иван Меньшой – новик, их младшие родственники Андрей Федоров, Роман Козлов, Алешка и Ивашко Дементьевы, Заика (Захар) Михайлов дети Уварова, служившие с городом²⁵⁹. Во второй пол. XVI в. поместья потомков Александра Уваровича располагаются в Каширском, Тульском и Веневском уездах²⁶⁰. Судя по всему, их родственниками были Уваровы, служившие из Пскова и Твери. Некоторые сложности в отождествлении Уваровых («Косаевичей») вызваны тем, что Уваровыми писались далеко не одни только потомки Александра Уваровича. Так, один из «вязней московских» в битве при Орше, Игнат Уваров – это новгородский помещик Игнатий Черныш Уваров сын Санин²⁶¹, не имевший родствен-

ного отношения к Уваровым – «коширянам». Позже случается перебор людишек, и Уваровы оказываются не только в Кашире, но и аж в Смоленске, не говоря об Орле и Туле. В смоленских реестрах есть еще Увар (или Ивор) Зубов, но хронологически он не очень подходит на роль отца Александра.

На происхождение Александра Уваровича может указывать запись об одном пожаловании в Оршанской волости из «Книги данин» Казимира: «Митку Ильвовичу у во Риши чотыри следы пустых, на имя: **Уваровича**, да Омосова, да Золотилова, да Заикуимушина (sic!). Пр(иказал) Сачко, маршалъко. Инъдик(т) 8»²⁶². По индикту 8 и упоминанию господарского маршалка Яна Сачко запись должна быть датирована 1444/45 г. Интересно, что в смоленской десятне 1606 г. Уваровы снова соседствуют с Золотиловыми, как и в упомянутой записи из 3-й книги Литовской метрики²⁶³. Не исключено, что Александр Уварович был старшим братом смоленских бояр Острейка и Аверкия Уваровых детей, записанных в смоленский реестр служилых людей ок. 1492 г.²⁶⁴

Видимо, положение Уваровичей в Литве не было высоким, они происходили из провинциальных смоленских бояр. На московской службе им удалось продвинуться по службе и к сер. XVI в. попасть в выбор и Государев двор. Легенда о «потомках» мифического Минчака Косаевича должна была подчеркивать довольно высокое положение рода, которое к сер. XVII в. было достигнуто Уваровыми²⁶⁵.

²⁵⁶ АСЭИ. Т. 1. С. 406. № 528.

²⁵⁷ Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 4. С. 499.

²⁵⁸ Там же. С. 251, 285, 411, 412, 417.

²⁵⁹ Яков Кротов. Десятня по Кашире 1556 года.; Каширская десятня 1556 г. // «Heraldica»: исторический сборник. Т. 1. Отд. 4. СПб., 1900. С. 30, 32-34, 44.

²⁶⁰ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. II. СПб., 1877. С. 1103, 1131, 1225, 1360, 1361, 1365, 1373, 1374, 1383, 1389, 1390, 1498, 1552, 1564.

²⁶¹ НПК. Том. III. Стб. 871, 872.

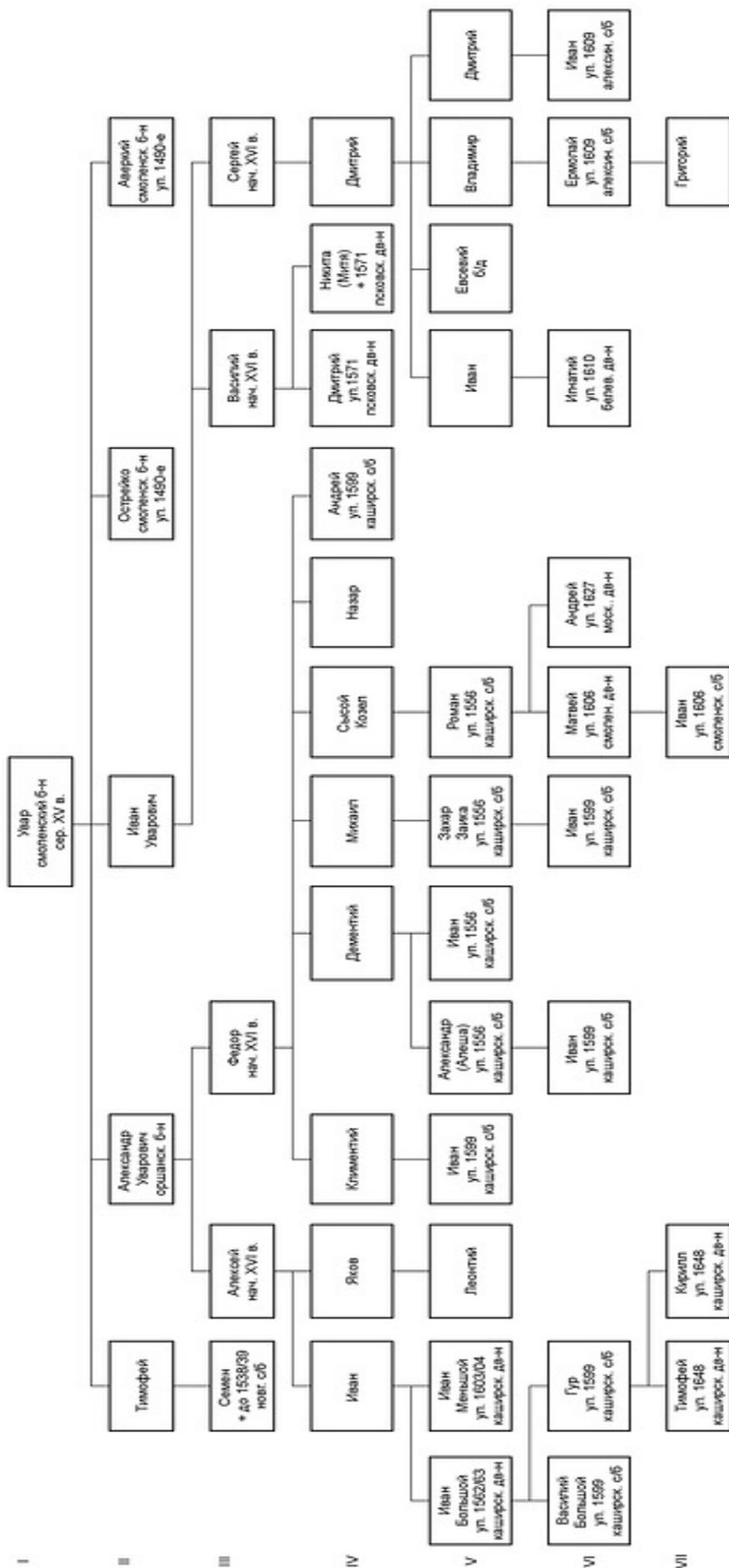
²⁶² Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 28.

²⁶³ Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смолгиз. 1940. С. 364-393.

²⁶⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 153. № 141.1.

²⁶⁵ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 424-425.

Уваровы

Петровы (Степановы, Злобины, Михайловы). Однородцами Уваровых, Аринкиных и Давыдовых числились каширские помещики Петровы, писавшиеся так же как и Степановы, Злобины, Звягины, Михайловы²⁶⁶. Их предком считался Степан, якобы внук выехавшего к Дмитрию Донскому «из Большой Орды» мурзы Минчака Косаевича, крещеного с именем Борис²⁶⁷. Сами потомки Степана «Минчака» свою роспись в ПРД Разрядного приказа не подавали, несмотря на то, что во второй пол. XVI в. род имел довольно видных в служебном отношении представителей.

Самым значительным из них был Григорий Злобин (Климентьев) сын Петров. В Дворовой тетради Григорий Злобин был записан из Коломны с пометой «Кошира», тысячник III статьи также из Коломны²⁶⁸. В 1550–1564 г. Григорий Злобин сын Петров упоминается при выполнении ответственных военных и дипломатических поручений²⁶⁹. 15 марта 1564 г. он отправился послом в Крым, но 14 апреля 1564 г. умер в дороге под Стародубом Северским²⁷⁰. В стане Большой Микулин Коломенского уезда Григорий Злобин владел вотчиной – деревней Моначино²⁷¹. Неоднократно упоминались в источниках второй пол. XVI в. и сыновья Григория

Злобина, Василий Большой и Василий Меньшой²⁷².

Для предположения о происхождении рода Петровых следует привести одну запись из Литовской метрики. В «Книге данин Казимира» среди записей великокняжеских пожалований в Смоленском наместничестве, которые можно датировать 1441–1443 гг., читается: «Мелехову с(ы)ну **Степанко Минчин и землица**»²⁷³. Смысл написанного состоит в том, что великий князь Литовский утверждает в качестве пожалования переход на службу к сыну смоленского боярина Мелеха мелкого землевладельца со своей землей. Подобного рода факты службы «с землей» известны и в актовом материале Северо-Восточной Руси. Можно также предположить, что имя легендарного мурзы – «Минчак» могло быть всего лишь переосмыслением русского имени Мина в форме Минча/Минца (аналогично Федор – Федча, Юрий – Юрша и т. п.). В Литовской метрике, кроме сына *Минчи*, Степана, есть и другие примеры употребления подобной формы этого имени²⁷⁴. Таким образом, многочисленные потомки жившего в сер. XV в. слуги-вотчинника Степана Минчина оказались перед лицом необходимости подтверждения своего статуса, которого достигли некоторые члены этого рода. «Ордынская» легенда, к тому же делавшая более ранним начало службы великим князьям Московским, была для этой цели почти идеальным решением. Учитывая созвучие имен легендарного и реального родоначальников, не исключено что и сама легенда возникла среди членов этого рода.

Аринкины. В летописном «Патриаршем списке» среди плененных в битве при Орше московских дворян записан некий «Олеша Онкин сын»²⁷⁵. Обращение к реестрам из Литовской метрики показывает, что

²⁶⁶ Лихачев Н. П., Мятлев Н. В. Тысячная книга 7059–1550 г. Орел, 1911. С. 183–185.

²⁶⁷ Зенбицкий П. Новый материал для родословных Уваровых, Злобиных, Аринкиных, Петровых, Звериных и Давыдовых // Летопись историко-родословного общества. Вып. 3 (19). М., 1909. С. 14, 19.

²⁶⁸ ТКДТ. С. 72, 160, 161.

²⁶⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000. С. 229; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 132, 147, 161, 166, 177, 179, 202; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978. С. 464; Каширская десятня 1556 г. // «Heraldica»: исторический сборник. Т. 1. Отд. 4. СПб., 1900. С. 29; Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004. С. 50, 80; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. Вып. 1. М., 1975. С. 33, 40; Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 15; СИРИО. Том. 71. СПб., 1892. С. 94, 288.

²⁷⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000. С. 382; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подг. текста и коммент. А. А. Зимина. М., 1978. С. 504.

²⁷¹ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. I. СПб., 1872. С. 379.

²⁷² ТКДТ. С. 161; Каширская десятня 1556 г. // «Heraldica»: исторический сборник. Т. 1. Отд. 4. СПб., 1900. С. 29; Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004; С. 32. СИРИО. Том. 71. С. 45, 575.

²⁷³ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 45.

²⁷⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 29, 34, 53.

²⁷⁵ ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 187.

речь идет об Александре Степанове сыне Аринкине. В 1519 г. он сидел в Мельнике, до сентября 1525 г. был переведен в Швинтяны²⁷⁶. Согласно родословной росписи Уваровых, поданной 12 октября 1686 г. в Палату родословных дел разрядного приказа, предком рода Аринкиных якобы был сын выехавшего из Большой Орды татарского мурзы Минчака Оркан по прозвищу «Оринка»²⁷⁷. Как и у многих других родов русских дворян «ордынского» происхождения, родовая легенда Аринкиных искажает действительность в плане подробностей о мифических прародителях из числа татарских мурз, но определенно сохраняет память о самом факте выезда предков на службу в Москву. В случае Аринкиных их настоящее происхождение вполне уверенно устанавливается благодаря судебному «выроку» из актов Литовской метрики, датированному 16 февраля 1499 г.

Как сообщается в списке документа, за право владения селцом Даниловским судились «бояре смоленские», братья Петр и Ивашко Стецковичи (Степановичи) Хлюпины («Хлюпиничи») с князем Богданом Боровским-Глинским. Братья Хлюпины предоставили «судовый лист» пана Семена Гедиголдовича, согласно которому еще при короле Казимире спорное селцо было присуждено бабке братьев Хлюпиных Орине, и выиграли процесс²⁷⁸.

Предком рода Хлюпиных-Оринкиных, таким образом, на самом деле был не легендарный мурза-ордынец, а вполне реальный смоленский боярин Иван Хлюпа, известный по пожалованиям ему Снопота в Деменской волости и селца Лодыжки, записанного в «Книге данин» великого князя Литовского Казимира²⁷⁹. Его сыном был смоленский же боярин Степан (Стецко) Иванович (отец бра-

Аринкины и Хлюпины.

²⁷⁶ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 160, 166.

²⁷⁷ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 316; Родословная Книга. Ч. 2. С. 357.

²⁷⁸ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012. P. 117-118. № 191.

²⁷⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 45, 46.

тьев Петра, Ивана и Александра «Оринкиных»), которому 8 марта 1490 г. было записано 5 коп грошей со смоленского мыта²⁸⁰. Петр и Иван Стецковичи-Хлюпиничи остались на литовской службе²⁸¹, а их брат стал служить великому князю Московскому. Подробности перехода других представителей рода Хлюпиных на московскую службу точно неизвестны, но во второй половине XVI в. Хлюпины и Оринкины были помещиками в Каширском уезде, со своих каширских поместий они несли военную службу²⁸².

В случае с легендой Аринкиных имеем один из нечастых примеров, когда родословная легенда с достаточной уверенностью опровергается документальными источниками. Однако стоит заметить, что и в данном случае род всё-таки является выездным, хотя и не «из Орды».

«Потомки» Солохмира и Едугана. Целая группа дворянских родов, преимущественно из рязанских бояр, считала своими предками двух братьев «ханские породы», Солохмира и Едугана, якобы выехавших в 1371 г. на службу к великому князю рязанскому Олегу Ивановичу. Потомками Солохмира считались дворяне Вердеревские, Крюковы, Шишкины, Дувановы, Ратаевы, Кончеевы, Базаровы, Пороватые, Апраксины и Ханьковы. От Едугана «Сильно Хитра» вели свое происхождение дворяне Хитрово. Родовое предание о Солохмире дошло до нас в различных формах и редакциях, самые ранние из которых существовали уже во время составления Государева родословца 1555 г.²⁸³ Сама по себе эта легенда довольно сомнительна, начиная с многовариантного имени родоначальника Солохмир (Салнахир, Лохмир, Саламир), носившего «типично татарское» отчество Мирославич. Однако разбор семейных преданий и родословных росписей Солохмировичей в свете документальных источников, несомненно, заслуживает отдельного исследования.

Апраксины. Весной 1682 г. стольники Петр, Федор и Андрей Матвеевы дети Апраксина подали в ПРД Разрядного приказа родо-

словную роспись «от начатка выезду прародителя их». К росписи были приложены копии семи документов, пять из которых были кормленными грамотами предкам Апраксиных 1505–1554 г.²⁸⁴ Про выезд родоначальника в росписи говорилось: *«Из Болише орды приехал к великому князю Олегу Резанскому муж именем Солохмир, а во крещении имя ему Иван. И князь великий дал за него сестру свою родную Настасью и дал ему вотчины Венева да Растовец, да Веркошь, да Михайлово поля, да Вердерев, да Безпуцкой стан. У Ивана Солохмира сын Григорей. От Григорья Ивановича Солохмирова дети: Михайло – прозвище Обумаило, был у великого князя боярин, вотчина ево была Венева да Растовец, да Веркошь. У Михайла сын Григорей Шишка. У Григорья у Шишки сын Тимофей Крюк – от него повелись Крюковы. От Григорья Ивановича Солохмирова сын Григорей – был у великого князя боярин и сидел на Вердереве, и по вотчине стал слыть Вердеревской. От него повелись Вердеревские. От Григорья Ивановича Солохмирова сын Иван Кончей – был у великого князя боярин, а вотчина ево была Безпутной стан да Михайлово поле. От него повелись Опраксины, Кончеевы, Дувановы, Пороватые, Ратоевы. От Ивана ж Григорьевича Солохмирова сын Костянтин Дивной – был у великого князя боярин, а детей от него не писано. А у Ивана Григорьевича у Кончей дети: первой Андрей Опракса – служил великим князем Резанским. У Андрея Ивановича у Апраксы дети: первой Матвей, другой Андрей – служили оба по Резани. У Матвея Андреевича у Апраксина дети Ерофей – прозвище Ярец, да Прокофей, да Иван Темной – служили по Резани и переведены при великих же князех служить по Мурому и вместо резанских вотчин даны им вотчины в Муроме, и пожалованы были все трое в кормление городами и волостями, и жалованные грамоты великого князя Василья Ивановича всеа России и царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России есть за красными вислыми печатми семь тысяч седмаго на десять году и иных давных лет»*²⁸⁵.

Родословная легенда Апраксиных в целом повторяет легенду дворянских родов, считавших своим предком выездного татарского

²⁸⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 87. № 23.15.

²⁸¹ Кашировский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522). Нежин, 1899. Прил. 2. С. 294.

²⁸² Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. II. СПб., 1877. С. 1302, 1366, 1378, 1379.

²⁸³ Гамаюнов А. И. К вопросу о достоверности первого упоминания Венева. // Архив русской истории. Сборник РГАДА. Выпуск 7. 2002, С. 325–328.

²⁸⁴ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 77, 78.

²⁸⁵ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск третий. М., 2018. С. 135–136.

мурзу Солохмира. Однако, в некоторых более ранних редакциях родословных книг, содержащих краткий вариант главы «Род Салнахиров», среди родов, произошедших от Солохмира, Апраксины не упомянуты²⁸⁶. Представленные Апраксинами копии документов свидетельствовали о служебной деятельности представителей рода в северо-восточных уездах, не показывая никаких связей с Рязанью. Писцовые книги конца XVI в. фиксируют землевладение Апраксиных в Муромском уезде²⁸⁷. Также обращает на себя внимание один довольно странный факт, связанный с родословием Апраксиных. Почти через четыре года после подачи своей росписи в ПРД, 24 декабря 1685 г., стольник Петр Матвеевич Апраксин зачем-то снова подает в Палату второй вариант росписи, практически повторявший первый, и списки с восьми документов, семь из которых были уже представлены ранее с первой росписью²⁸⁸. Возможно, ключ к решению содержится во фразе из второго варианта росписи Апраксиных, отсутствовавшей в первом варианте: *«А у Андрея Андреевича Опраксина у друга внука Ивана Григорьевича Кончая дети: Менишой да Иван – служили по Резани. И в 7045-м году по дворовой книге в розряде написаны з бояры и служилыми князи и с лутчими дворяны и писались двумя прозваниями Опраксина Вердеревского а хто от них повелись роду их Опраксиных Вердеревских и они подлинную роспись подадут сами»*²⁸⁹. Действительно, уже 30 января 1686 г. представители одной захудавшей ветви старорязанского рода Вердеревских, писавшиеся иногда двойной фамилией Апраксины-Вердеревские, подали в ПРД собственное родословие, почти половину текста которого по странному совпадению занимало описание служб Апраксиных («муромцев»). Кроме того, Апраксины-Вердеревские в тексте своей росписи простодушно сообщили, чем же занимались стольник Петр Матвеевич Апраксин «с сродники» в период между представлениями в Разрядный приказ двух вариантов своего родословия:

«А что сродники наши Петр Матвеевич Опраксин з братьями подали в Розряд роду своему против указу великих государей родословную роспись прежде сей росписи в нынешнем же во 194-м году и в той своей росписи написали прадедов наших Менишова да Ивана Андреевичей Опраксиных Вердеревских, а роду от них Менишова и от Ивана не писали, потому что мы в то время на Москве не были и сочлись писмами после того». То есть, выслужившийся, но не «родословный» род муромских дворян предложил древнему, родовитому, но захудалому роду с похожей фамилией договориться о «сродственном согласии» на взаимовыгодных условиях. Апраксины получали родословную легенду потомков «великих» рязанских бояр, а Апраксины-Вердеревские – покровительство новоявленных влиятельных «родственников» и официальное закрепление двойной фамилии²⁹⁰.

Судя по всему, реальным предком Апраксиных был не мифический мурза Солохмир, а смоленский боярин Копоть Апраксин, живший во второй пол. XV века. Его взрослые сыновья, не названные по именам, упомянуты в реестре князей, бояр и слуг смоленских, ок. 1492 г. *«Копотья Опраксина два сыны у поделе»*²⁹¹. «Копоть», по всей видимости, было семейным именем-прозвищем Матвея Апраксина, чьи сыновья оказались на московской службе. В составе муромской военно-служилой корпорации Апраксины были далеко не единственными выходцами из Великого княжества Литовского. Кроме «литвы дворовой», на существование которой прямо указывает текст Дворовой тетради, в Муроме, по всей видимости, служила и «литва городовая», как можно судить на основании судного списка 1523/24 г. по делу об оговоре Федором Ивановым сыном Крыжина муромских детей боярских из числа бывших слуг князя М. Л. Глинского²⁹².

Как указывает М. Е. Бычкова, *«до середины XVI в. Апраксины известны в основном как чиновники: они упоминаются в связи с межеванием земель, как ключники, управляющие великокняжеским хозяйством. Они не занимали*

²⁸⁶ Родословная книга по трем спискам // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 190.

²⁸⁷ Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. I. СПб., 1872. С. 879-881.

²⁸⁸ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 78, 79.

²⁸⁹ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск третий. М., 2018. С. 138.

²⁹⁰ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 79, 80.

²⁹¹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 154. № 141.1.

²⁹² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. IV. М., 2008. № 502. С. 386-388.

командных должностей в армии и редко встречаются в разрядах»²⁹³. Возвышение рода происходит в нач. XVII в. и связано с деятельностью государева дьяка Федора Никитича Апраксина. Однако, несмотря на многих членов рода, отмеченных в приказных документах московскими дворянами, стряпчими и стольниками, к концу XVII в. думный чин окольничего имел лишь Петр Матвеевич Апраксин²⁹⁴.

Хитрово. 22 мая 1686 г. представители возвысившегося благодаря деятельности двух своих представителей – бояр Богдана Матвеевича и Ивана Богдановича – рода Хитрово подали в ПРД Разрядного приказа родословную роспись. Роспись была подписана 10 членами рода, включая окольничих Ивана Большого и Александра Севастьяновичей, а также думного дворянина Авраама Ивановича. Родословная легенда Хитрово явно претендовала на «сродство» со старинными рязанскими боярскими родами, ведущими свое родословие от Солохмира: «Род Хитрых. К великому князю Олгу Ярославичю Резанскому выехали из Болшие Орды два брата родные: большой Едуган Сильной Хитр – от него пошли Хитрые, а меньшей Едуганов брат – Саломир, и от него пошли иные роды. Едуган Сильной Хитр. У него дети: Тимофей да Семен. У Тимофея Едуганова сына дети: Иван да Андрей – бездетен. А у Семена Едуганова сына сын Иван. А у Ивана Тимофеева сына дети: Яков, Прокофей, Гаврило, Дмитрий»²⁹⁵. Нет особых сомнений в том, что «подробности» родословной легенды Хитрово про Солохмирова брата Едугана (или «Едугана») были придуманы задним числом в XVII в. Причем, Солохмир в этой легенде вообще выступает младшим братом Едугана, что косвенно подтверждает разницу в статусе Хитрово и Вердеревских «со сродники» на момент составления родословной росписи. Историк рода В. Н. Хитрово в свое время совершенно справедливо писал, что «вся первоначальная история рода Хитрово до начала XVI столетия за отсутствием подлинных документов может быть признаваема только как предание»²⁹⁶.

²⁹³ Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв.: Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012. С. 182.

²⁹⁴ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 9, 10.

²⁹⁵ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск третий. М., 2018. С. 121-127.

²⁹⁶ Хитрово В. Н. Родословная книга рода Хитровых. СПб., 1866. С. 288.

Василий Николаевич был не совсем прав – в архиве ТСМ сохранились упоминания о живших в 1480/90-х г. малоярославских мелких вотчинниках Иване Хитром Семенове сыне и его сыновьях Васюке, Проне и Ефреме²⁹⁷. Но были ли они именно «теми самими» Хитрово, утверждать уверенно нельзя. В течение следующего полувека сведения о детях боярских с фамилией Хитрые или Хитрово в источниках Северо-Восточной Руси отсутствуют. Только в сер. XVI в. в Дворовой тетради упоминаются дворовые дети боярские из Вязьмы: «Лопата, да Иван, да Офоня Прокофьевы дети Хитрого. Гаврило, да Микита, да Григорей Васильевы дети Хитрого. Гаврилов сын Гриша»²⁹⁸. У записи помета – «Гаврило убит на поле». Действительно, в синодике Архангельского Кремлевского собора среди имен детей боярских, убитых в бою на Судьбищах, читается и имя Гаврилы Хитрово²⁹⁹. Лопата, Афанасий Прокофьевы дети и Григорий, Денис Васильевы дети Хитрово были зачислены в тысячники 3-й статьи из Вязьмы³⁰⁰. Также с 1547 г. во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря начинают записываться вклады представителей этого рода³⁰¹. Целый ряд лиц, известный по актам, поминальным и вкладным записям, в родословную роспись Хитрово не попал. Например, в росписи отсутствует погибший под Кесью в июле 1578 г. Федор Хитрый³⁰². Судя по записи в синодике ризницы Троице-Сергиева монастыря «Василия, Феодора, Или, Марфы», это был еще один сын Васки Хитрово³⁰³. При этом стоит обратить внимание на фактически демонстративное отсутствие в первых коленах росписи имени Василия Хитрово, при том, что Прокофьевичи там присутствуют. Нельзя исключать того, что это вовсе не случайная ошибка, а целенаправленное «забвение» происхождения от «черного человека» – мещанина-купца Васки Хитрово.

Уже сравнение данных источников с родословной росписью Хитрово показывает,

²⁹⁷ АСЭИ. Т. 1. С. 382-384. № 504; С. 500. № 603; С. 515-517. № 608

²⁹⁸ ТКДГ. С. 190.

²⁹⁹ ПИРСС. С. 187.

³⁰⁰ ТКДГ. С. 78.

³⁰¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 105, 106.

³⁰² ПИРСС. С. 207.

³⁰³ ОР РГБ. Ф. 304/III. Ризница Троице-Сергиевой лавры. № 25. Синодик Троице-Сергиева монастыря [Список 1575 г.]. Л. 173 об.

что родственные связи лиц из первых поколений показаны совершенно неверно. Резонно предположить, что «вяземцы» Хитрово – это потомки некоего Василия Хитрого и его жены Варсонофии, живших в первой трети XVI в. Кроме «малоярославца» Васюка Хитрого, имеется и еще одна кандидатура – это виленский купец Васко Хитрый, упоминаемый в Литовской метрике под 1507 и 1511 гг. 11 марта 1507 г. король Сигизмунд дал расписку в том, что он взял в долг у виленского мещанина Васки Хитрого сукна на сумму 432 копы грошей (весьма немалая по тем временам сумма), обязавшись погасить долг на день Св. Ильи, то есть до 20 июля. Однако, согласно «личбе» между королем и Ваской Хитрым, к 29 февраля 1511 г. король свой долг полностью еще не погасил и оставался должен купцу 120 коп³⁰⁴. Мог ли весьма зажиточный мещанин-купец оказаться предком служилого дворянского рода? Вполне мог. Переход богатого «гостя» из «черных людей» в бояре для тех времен – явление если и не частое, то вполне возможное. Примеры переходов из «гостей» (купцов) в ряды служилой знати, в том числе и боярской, приводились академиком М. Н. Тихомировым³⁰⁵. В актах Литовской метрики сохранилось упоминание о судебном процессе 1496 г. по защите своего «шляхетства» смоленским боярином Богданом Григорьевичем Олтуфьевым, которого другой боярин, Семен Плешкин, назвал «коробейником купцом», тем самым обвинив в низком происхождении³⁰⁶. Данная проблема решалась бы гораздо проще, если бы в дворянском реестре Вяземской служилой корпорации отдельным списком значилась «литва дворовая», как это было сделано в реестрах других уездных корпораций. Отсутствие в списке вяземских помещиков «литвы дворовой» совсем не означает, что выходцев из ВКЛ в их числе не было. Как раз наоборот, «литвинов» в Вязьме служило немало: Болотниковы, Васильчиковы, Голохвостовы, Губины, Захарьины-Кошкины (из смоленских бояр), Кикины, Кучуковы, Митьковы, Моклоковы, Молоцкие, Моршалковы, Ознобишины, Ордынцевы, Судимонтовы, Сьюльменевы, Тургеневы. В подобном окруже-

нии потомки богатого виленского купца смотрятся вполне органично.

Что касается малоярославских вотчинников Васюка и Прони Хитрых, то нет полной уверенности в их тождественности с Прокофием и Василием, отцами вяземских дворян, упоминаемых в Тысячной книге и Дворовой тетради. Кроме спорной хронологии, не совпадает последовательность употребления имен в источниках, обычно определяющих старшинство упоминаемых лиц. У «малоярославцев»: Васюк, Проня, Офрем, у «вяземцев» же Прокофьевичи впереди Васильевичей. Не говоря уже о том, что Проня – это чаще уменьшительное от «Прохор», а не «Прокофий». Кроме того, совершенно нельзя исключать вариант, что два рода однофамильцев Хитрово достигли «сродственного согласия» на взаимовыгодных условиях, закрепив согласие придуманной легендой об «общем» родоначальнике. Наличие безымянного брата Солохмира в семейных преданиях его потомков оказалось для этой цели как нельзя кстати³⁰⁷.

Чьими бы потомками ни были на самом деле дворяне Хитрово – малоярославского вотчинника или виленского купца, одно можно утверждать достаточно уверенно – потомками мифического «Едугана Сильно Хитра» они точно не были.

³⁰⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Vilnius, 1995. P. 137. № 96; P. 159. № 150.

³⁰⁵ Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы. М., 2003. С. 200–203.

³⁰⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 345. № 602.

³⁰⁷ Гамаюнов А. И. К вопросу о достоверности первого упоминания Венева. // Архив русской истории. Сборник РГАДА. Выпуск 7. 2002, С. 327.

Огаревы. 16 июля 1686 г. думный дворянин Постник Григорьевич Огарев подал в ПРД Разрядного приказа родословную роспись Огаревых, содержащую «ордынскую» легенду о происхождении рода. Легенда Огаревых гласила: «К великому князю Александру Ярославичу Невскому приехал из Золотой Орды служить мурза честен именем Мутламамет, прозвище Огар, и крестился в православную христианскую веру, а во святом крещении имя ему Пантелеймон. И князь великий пожаловал ему за выезд поместья и вотчины в Шацком, в Касимове, Старице, на Медыне, в Юрьеве Польском, на Костроме. От него пошли Огаревы»³⁰⁸. К сожалению, сочинитель родовой легенды пребывал в наивном неведении по поводу того, что ни в одном из уездов (кроме Костромы), где «Мутламамет» якобы был пожалован поместьями и вотчинами, великий князь Александр Ярославич распоряжаться никак не мог. Поэтому совсем не удивительно отсутствие имен Огаревых из первых поколений их росписи в других источниках. С другой стороны, в роспись не попал и самый значительный служилый человек из рода Огаревых первой пол. XVI в. – «большой дьяк» Федор Васильев сын Огарев, известный по целому ряду документов и разрядных записей³⁰⁹, отсутствует в родословии и ряд других лиц, известных по документальным источникам.

Имеются некоторые основания полагать, что Огаревы были выходцами из земель великого княжества Литовского. 18 октября 1441 г. датировано пожалование пану Федку Немировичу на «данников» Огаревичей в Клецкой волости: «От великого кн(я)зя Казимира, королевича, наместнику клейкому, пану Ивашку Рогатинскому. Просил в нас

пань Федько Немирович даньников у Клецкой волости, на имя Огаревичи, и мы ему дали тые люди и с тою данью, што тые люди дают. А дали есмо ему тые люди против тых сел Туровскихъ. И ты бы его увезаль в тые люди и у село, у Огаревичи. П(и)сан в Троцех. Ок(тебра) 18 день, индик(т) пятый. Пань Кгастовтъ, воевода»³¹⁰. Подобное наименование населенного пункта в Западной Руси, как правило, указывало на фамильное прозвище своего основателя или владельца: Барчаковичи, Бахаревичи, Башковичи, Васковичи, Прокшиничи, Шиловичи и т. д. Таким образом, «данники Огаревичи» – это село, ранее принадлежавшее сыну человека, носившего прозвище «Огарь», бывшее, по всей видимости, родовым гнездом клецкого боярина, выехавшего на московскую службу.

Прокудины. Ок. 1686–1688 г. (роспись не имеет точной даты) от представителей дворянского рода Прокудиных в ПРД Разрядного приказа поступила их родословная роспись с приложенными копиями восьми документов, семь из которых подтверждали служебные назначения Якова Семеновича Прокудина во времена Смуты³¹¹. В роспись была включена и родовая легенда о выехавшем «из Орды» родоначальнике: «Род Прокудиных. Во время великого княжения Дмитрия Ивановича Донского приехал к нему, великому князю, служить из Золотые Орды прародитель наш. А как ему до крещения ево имя было, и тому ево имени у нас ведомости нет. А во святом крещении имя ему дано Петр. И дал ему великий князь Дмитрий Иванович вотчину в Володимерском уезде в стану в Малом Рогу власть село Гору з деревнями. И по той вотчине почел слыть он, Петр, Горской. И как великий князь Дмитрий Иванович пошел с Москвы против нечестиваго царя Мамаю, и от великаго князя Дмитрея Ивановича он, Петр Горской, с товарищи своими послан и был в третьей стороже, и привел к великому князю Дмитрею Ивановичю языка, знатного человека. И про него,

³⁰⁸ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск седьмой. М., 2020. С. 300, 301.

³⁰⁹ См. напр.: ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 129; Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. № 3. С. 13, 14; Назаров В. Д. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 117, 121–122. Шумаков С. А. Обзор Грамот Коллегии экономии. М., 1912. Вып. 3. № 11. С. 4; Там же. № 38. С. 10. Тысячная книга 1550 г. и Дворянская тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 115; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 139; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978. С. 447, 481.

³¹⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3. (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 43.

³¹¹ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 273, 274.

*Петра Горскаго, великаго князя Дмитрея Ивановича, как ходил против нечестиваго царя Мамаю, в руском летописце написано имянно*³¹². Интересной особенностью «ордынской» легенды Прокудиных являлось то, что потомки выезжего ордынца «не помнили» его татарское имя, но прекрасно знали о пожалованных ему владениях и участии в Куликовской битве. Кроме того, как и у многих других «потомков» легендарных татарских мурз, никаких подтверждений в источниках за первые сто лет пребывания наследников на службе великих князей Московских обнаружить не удается.

Современные потомки «Петра Горскаго» творчески подошли к родословной легенде Прокудиных. Теперь она содержит ряд «подробностей» о родоначальнике, получившем к тому же и соответствующее имя – Муса-мурза: «Петр Горский, как гласит предание, выполнял особые поручения великого князя, требующие смелости и отваги. Он был человеком образованным, обладал медицинскими знаниями, умел лечить раны от укусов змей, а также ранения, полученные отравленными стрелами». Дальше – больше. Оказывается, мурза Петр-Муса «сражался» на Куликовской битве, где якобы потерял всех сыновей. Но зато потом великий князь Дмитрий Иванович Донской женил «своего друга» (sic!) на некоей княжне из рода Рюриковичей³¹³.

Настоящее происхождение Прокудиных весьма вероятно определяется несколькими записями ок. 1441–1443 гг. из «Книги данин Казимира» в составе 3-й книги записей Литовской метрики. В этих записях Прокудич предстает вполне реальным мстиславским боярином, а не мифическим потомком персонажа из «Сказания о Мамаевом побоище»: «*А Сеньку, Глебкову брату, три ч(о)л(о)в(е)ки, на име Кызыр, да Токар, да Старя, што за Прокудичомъ были, занюж Прокудичу на то место иньде дано; а кунци у Кричеве Сенку vybrати и принести сем к*

великому кн(я)зю, а ему его доходец». Из второй записи видно, что Прокудич пожалован сельцом с шестью «людьми», вместо трех прежних, отданных Сеньку Кричевскому: «*У Кричеве. Прокудичу шесть ч(о)л(о)в(е)ковъ даньники, на имя Хореве, што за Олешкомъ Петрыковичомъ было*». Еще в одной записи упомянуто, по всей видимости, родовое гнездо Прокудича, потерянное им по неясным нам причинам: «*Во Мъстиславли и у Кричеве. Костюшку Прокудино, што держал Олешко, Петровичи а Воричи*»³¹⁴. Упоминаемый в тексте записей Олешко Петрыкович – мстиславльский боярин, по всей видимости, выехавший в Москву вместе с Юрием Лугвеньевичем после поражения Смоленского восстания 1440 г., его сын, Петр Олешкин, погиб в битве под Суздаlem 7 июля 1445 г.³¹⁵

На московской службе братья Фуник Прокофьев сын Прокудин и сыновья его старшего брата Ивана отмечаются документами с нач. XVI в.³¹⁶ В середине XVI в. Прокудины служат дворовыми детьми боярскими по Владимиру³¹⁷, в конце XVI – нач. XVII вв. выборными дворянами из Юрьева³¹⁸, при этом в доступных нам источниках XVI – XVII вв. нет примеров того, чтобы Прокудины писались еще и Горскими. Поскольку в списках Дворовой тетради они не поименованы «дворовой литвой», то выезд их предка в Москву следует относить ко второй пол. XV в., что неплохо коррелирует с последними упоминаниями Прокудича в Литве и первыми упоминаниями дворовых детей боярских Прокудиных в Московском государстве. В целом род Прокудиных был довольно не-

³¹⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3. (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 19, 36.

³¹⁵ ПИРСС. С. 194.

³¹⁶ Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 135; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. С. 410; Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 605, 606;

³¹⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 71, 156; Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. I. СПб., 1872. С. 12, 254, 803.

³¹⁸ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 209, 273.

³¹² Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск седьмой. М., 2020. С. 303, 304.

³¹³ Нарышкина-Прокудина-Горская Н. А. Моя родословная. Часть 1. Потомственные московские дворяне Прокудины-Горские // Научно-технические ведомости СПбГПУ. № 1, 2010. С. 256.

многочисленным, к концу XVII в. в московских чинах они имели только двоих представителей – стольника Никиту Матвеевича и служившего по дворянскому списку Андрея Петровича³¹⁹.

В родословной легенде Прокудиных видна попытка соединить воедино «модное» в конце XVII в. происхождение «из Орды» с припиской себе в предки персонажа из «русского летописца». Однако составители легенды не учли того, что в различных списках «Сказания о Мамаевом побоище» этот воин Дмитрия Донского зовется не только как Петр Горский, но и Готский или Юрский³²⁰.

Свищовы. В числе родов, подавших свои родословные росписи в ПРД, был и довольно малозначительный дворянский род Свищовых. Еще в первой трети XVII в. Свищовы служили по Мещере, однако к концу XVII в. некоторые из них уже числились в московских чинах³²¹. По родословной легенде, зафиксированной в росписи, предок Свищовых был выездим ордынцем: *«Род Свищовых. Выехал из Залотья орды к великому князю Василью Васильевичю муж честен Нечай Нечаев сын Свищов. А дано ему во крещение имя Иван. А у него сын Борис. У Бориса сын Юрья»*³²². Сразу обращает на себя внимание такое «типичное» для ордынца имя, как «Нечай Нечаев сын». Даже Н. А. Баскаков не рискнул придумывать тюркские этимологии ни для имени, ни для фамильного прозвища предка Свищовых, в его книге Свищовы вообще не упоминаются.

Свищовы в документах Московского государства начинают упоминаться лишь в 1570-х гг. Так, в мае–августе 1571 г. сын боярский Земского двора Бурнаш Алферьев сын Свищов был в числе поручителей по князе И. Ф. Мстиславском, в 1578 г. он был отправлен гонцом в Ногайскую Орду³²³. Вероятно, он

же, но под своим крестильным именем Борис в октябре 1580 г. упоминался в разрядах как станичный голова на Дону³²⁴.

Можно предположить, что с родом Свищовых было связано название одного географического объекта в землях великого княжества Литовского. Около 1442 г. Сачку Лучанину в Луцком повете были пожалованы *«село Свищов да Лыгино, и што к тому селу слушаеть, какъ за Беликомъ было»*³²⁵. Передача села новому владельцу могла свидетельствовать в том числе и о том, что прежний владелец покинул земли великого княжества Литовского. В этом отношении сведения о выезде родоначальника к великому князю Василию Темному могут быть достоверными, а сам выезд мог быть связан с междоусобной «Свидригайловой войной» в Литве в 1432–1438 гг. Также нельзя исключать того, что в имени легендарного предка отразились реальные факты о принадлежности Свищовых к роду киевских бояр и землян Нечаев, чей родовой помянник сохранился в древнейшем синодике Киево-Печерской Лавры³²⁶.

Селивановы. 7 февраля 1686 г. в ПРД Разрядного приказа была подана родословная роспись рязанского дворянского рода Селивановых, подписанная стольниками Максимом Игнатьевым, Иваном Павловым и Юрием Романовым детьми Селивановыми. Роспись начиналась с описания выезда легендарного татарского предка: *«Род Селивановых да Коробьиных. Во дни великого князя Феодора Олговича Резанского приехал к нему служити из Большой орды Телехматовой татарин, имя ему Кичибей, а во крещении имя ему Селиван. И был у великого князя Феодора Олговича боярин. У Селивана было 2 сына: Василей да Иван Коробья. И от болшова сына от Василья пошли Селивановы, а от меншова сына от Ивана от Коробьи пошли Коробьины, а*

³¹⁹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 339, 340.

³²⁰ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 160, 165, 212, 235, 238, 273, 277, 323, 325, 355, 357.

³²¹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 370.

³²² Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск седьмой. М., 2020. С. 361.

³²³ Антонов А. В. Поручные записи 1527-1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 67, 72,

76. Рогожин Н. М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990. С. 170.

³²⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 156.

³²⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3. (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 63.

³²⁶ Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской Лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в Истор. об-ве Нестора Летописца. К., 1891. Кн. 6. С. 30.

*Коробьины своему поколенью подадут роспись сами»*³²⁷. Коробьины подали целых две росписи, сопроводив их списками 9 документов, но их версия происхождения значительно отличалась от той, что заявили Селивановы³²⁸. Если у Селивановых Василий и Иван Коробья были сыновьями самого Кичибя-Селивана, то у Коробьиных Селиваном звался младший сын Кичибя, Иван Коробья якобы был его старшим братом, а Кичибей был крещен, как Василий. Также вполне закономерные сомнения в правдоподобности вызывает и упоминание некой «Большой Орды Телехматовой» во времена правления великого князя Федора Ольговича Рязанского (1402–1427 гг.).

Если принимать во внимание версию родословия Селивановых, то их предок, Василий Селиванович, должен был жить конце XV в., судя по упоминаниям его сыновей в источниках. Так, Григорий Васильев сын Селиванов в 1531 г. числится в разрядах как второй воевода полка правой руки, затем – как товарищ у воеводы в Рязани за городом³²⁹. Его вероятный брат (отсутствует в росписи), Иван, в сентябре 1534 г. был отправлен во главе отряда детей боярских на «украину» сторожить землю от нападений татар³³⁰. Таким образом, отцом Григория и Ивана вряд ли мог быть сын человека, жившего в конце XIV – нач. XV вв. Однако служилый человек по имени Василий Селиванов реально жил и действовал в конце XV в. Он принадлежал к смоленскому боярскому роду Селивановых, служивших великому князю Литовскому со своих владений в Мощинской волости. В смоленском реестре служилых людей ок. 1492 г. записаны «машинские бояре» Петрыка Селиванов с сыновьями Мишкой и Ваской, а также Григорий Селиванов с

сыновьями Родькой и Ониской³³¹. Из другого акта Литовской метрики известно, что Григорий Селиванов до 20 мая 1497 г. продал смоленскому окольникему Ивашке Кошке сельца Снегиревское и Лазорково, которые ему «отступил ся» князь Воротынский³³². После присоединения Мощина к Москве Василий Селиванов с сыновьями, вероятно, отъехал в Рязань, а после присоединения великого княжества Рязанского к Москве Селивановы начали служить великому князю Московскому. В сер. XVI в. внуки Василия, Василий Федоров сын, Иван и Степан Ивановы дети, числятся дворовыми детьми боярскими по Рязани³³³. И в дальнейшем Селивановы владеют своими рязанскими поместьями и вотчинами, неся с них Государеву службу³³⁴. К концу XVII в. они достигают московских чинов – числятся в стольниках, стряпчих, московских дворянах, но своих представителей в Думе не имеют³³⁵. Кроме вышеназванного рода Селивановых-рязанцев, в Московском государстве существовало еще два рода Селивановых – однородцев или однофамильцев первых, служивших по Дмитрову и Новгороду Великому. Однако, родословных росписей в Разрядный приказ эти Селивановы не подавали. Неизвестны они и частным родословцам, поэтому про их родословную традицию что-либо определенное сказать нельзя.

Как показывают примеры с «потомками» Аслана Челебея и Косай-мурзы, для достижения «сродственного согласия» совершенно не обязательно было действительно происходить от одного предка. Поэтому, нельзя исключать того, что Селивановы и Коробьины были родами различного происхождения, «сконструировавшими» себе общего прародителя, но так и не пришедшие к консенсусу по поводу старшинства его сыновей – своих легендарных предков.

³²⁷ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 296; Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск третий. М., 2018. С. 151.

³²⁸ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 205–207; Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск третий. М., 2018. С. 152–158.

³²⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 76, 77

³³⁰ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 119

³³¹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4. (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 161. № 141.14.

³³² Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012. P. 101. № 155.

³³³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 166, 167.

³³⁴ А. И. Цепков. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Рязань, 2005. С. 196–298.

³³⁵ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 372–373.

Совины. 26 марта 1686 г. представителями рода Совиных в Палату родословных дел Разрядного приказа была подана родословная роспись, в которой было показано их происхождение от выехавшего из Большой Орды татарского мурзы³³⁶. В росписи сказано: «*Приехал из Большии Орды Изомиелан (sic!), да крестился Пафнутием Боровским Чюдотворцем, а во крещении имя ему Карп. У Карпа сын Иван Сова. У Ивана Совы дети: Тарх, да Григорей, да Прокофей, да Юрья...*»³³⁷. В части выезда татарского мурзы непосредственно в Москву и крещения его Св. Пафнутием семейное предание, несомненно, носит легендарный характер: еще в 1480-х гг. потомки Карпа служили в Великом княжестве Литовском, а некоторые из них продолжали служить в Литве и позднее.

Судя по всему, родоначальником этой фамилии был Карп Мурзин сын, державший в середине XV в. имение Новоселье на Брянщине по пожалованию Великого князя литовского³³⁸ (в источнике его отчество ошибочно значится как «Мерзин»). По более раннему списку родословной Совиных, до крещения выезжего мурзу звали Узевшалан³³⁹, и, похоже, он действительно был крещеным татаринном.

У Карпа Мурзина по источникам прослеживаются сыновья Сова (в крещении Григорий³⁴⁰), Иван, и, возможно, Федор. Сова Карпов был родоначальником Совиных – самой значительной ветвью рода «бранцов» Карповых. Из посольских книг известно, что Сова Карпов был в числе «королевых лю-

дей», ведших хана Ахмата на Угру через земли ВКЛ летом 1480 г., как утверждали московские бояре на встрече с посольством императора Максимилиана в 1517 г.³⁴¹ Сова упоминается еще в двух реестрах королевских пожалований Казимира: 23 ноября 1486 г. ему записали 2 копы грошей на корчмах в Берестье и рубль из винных пошлин; а 17 марта 1488 г. он получил право на доходы в сумме 4 коп грошей с минского мыта и 6 коп на корчмах в Маркове³⁴². Подобные кормления были, как правило, привилегией «королевых людей», «люди княженецкие» получали лишь разовые подарки, вроде жеребенка, пожалованного боярину князя Дмитрия Воротынского Левше в 1486 году. Брат Совы, Иван Карпович, служил князьям Воротынским. Как боярин князя Семена Федоровича Воротынского, он был упомянут в «отказной грамоте» этого князя великому князю литовскому. Именно Ивана Карповича князь Семен Воротынский в 1492 г. посылал «бить челом» новому великому князю Литовскому, Александру Казимировичу. Интересно, что одной из «обид», нанесенных князю Семену Воротынскому и побудивших его к отъезду на Москву в 1492 г., было то, что новый великий князь Александр не встретил надлежащим образом посланца князя, его боярина Ивана Карповича, по всей видимости, младшего брата Совы. Как писал сам князь: «...а боярина моего, господине, не жаловал, не чтил, как отец твой наших бояр жаловал, чтил»³⁴³.

Сын Совы, Иван Совин, также был слугой князя Семена Воротынского: его жену Анну с детьми в конце 1492 г. «поимал» вместе с другими людьми Семена Федоровича смоленский окольничий Иван Кошка³⁴⁴. Степан «Савич», а также Гридя и Матвей «Совинины» упомянуты в реестре с датой 7 февраля 1496 г. в числе брянских бояр, получавших пожалования от великого князя Александра. В том же документе среди прочих записаны «бранцы» Иван Рябой и Булова³⁴⁵. В «выро-

³³⁶ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 300; Родословная Книга. Ч. 2. С. 378.

³³⁷ Мятлев Н. В. Родословные заметки // Летопись Историко-родословного общества. М., 1911. Вып. 1-2 (25-26). С. 6.

³³⁸ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3. (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 42.

³³⁹ ПИРСС. С. 146. Возможно, искаженное Юсуф Шалан.

³⁴⁰ Христианское имя Совы Карпова устанавливается по подтверждению 1524 г. дворянину Ярославу Борисовичу на имения, записанные ему его тестем, боярином Степаном Григорьевичем Совиным, запись о котором сохранилась в 12-й Книге записей Литовской метрики.

³⁴¹ СИРИО. Том 35. С. 518.

³⁴² Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4. (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 30. № 1.3; P. 58. № 16.4.

³⁴³ СИРИО. Том 35. С. 84.

³⁴⁴ Там же. С. 81.

³⁴⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 348. № 608.

ке» от 19 февраля 1499 г. боярину брянскому Василии Шии на село Княжичи сказано, что брянские же бояре, Степан *Сович* и Иван Рябый «з братаничи» Буловою, Матвеем, Гридею оспаривали у упомянутого Василия Шии право на владение Княжичами³⁴⁶.

Сопоставление данных реестра 1496 г. с «выроком» 1499 г. позволяет сделать вывод, что в актах упоминаются два других сына Совы Карпова (Степан и Иван Рябой), а также три его внука (Булова, Матвей, Григорий, судя по всему, сыновья Ивана Старшего, служившего в это время в Москве). Иван Меньший Рябой после перехода Брянска к Москве отъехал в Литву, по дворянскому реестру 1514 г. выставлял 4-х одоспешенных всадников и получал 12 золотых жалованья³⁴⁷. В родословной Совиных у Ивана (Старшего) Совича (в росписи он ошибочно указан одним лицом со своим отцом) не показаны его сыновья Булова и Матвей, устанавливаемые по актовому материалу. Впрочем, не исключено, что разница обусловлена указанием источника в одном случае на семейное, а в другом – на крестильное имя одного и того же лица, то есть Булова мог быть крещен как Прокофий или Юрий (крестильным именем Тарха было Тимофей). Вероятно, к сыновьям Совы Карповича также можно отнести Михаила Совина (чей слуга Федец упоминается в реестрах «вязней московских» в Литве) и Андрея, отца Ивана Совина, дворового сына боярского из Муромы, также упоминаемого в Боярской книге 1556/57 г.³⁴⁸

В Московском государстве некоторые Совины служили князьям Воротынским. В Дворовой тетради Григорий Иванович с младшими сыновьями числится в дворовых из Воротынска, а его старшие сыновья, Петр Большой и Семен – по Мезецку (Мещовску). Из Воротынска служил и сын Юрия Ивановича Тимофей Совин³⁴⁹. Сыновья Тарха

(Тимофея) Ивановича, Павел и Панкратий (или Прокофий) Акуловы-Совины, записаны в дворовых по Мурому³⁵⁰.

В «ордынской» легенде Совиных причудливым образом переплелись выдумки и реальные факты. Очень похоже, что предок Совиных и Карповых («брянцев») действительно был сыном одного из служивших татарских мурз, поселенных великим князем Литовским Витовтом на Юго-Восточных рубежах своих владений. Однако к моменту перехода некоторых своих представителей на московскую службу Совины давно уже были православными служилыми людьми великого князя Литовского и Воротынских князей, а не выезжими ордынцами, а сам переход произошел как минимум на 50 лет позднее срока, зафиксированного в легенде временем активной деятельности Пафнутия Боровского (1394–1477).

³⁴⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012. P. 121. № 199.

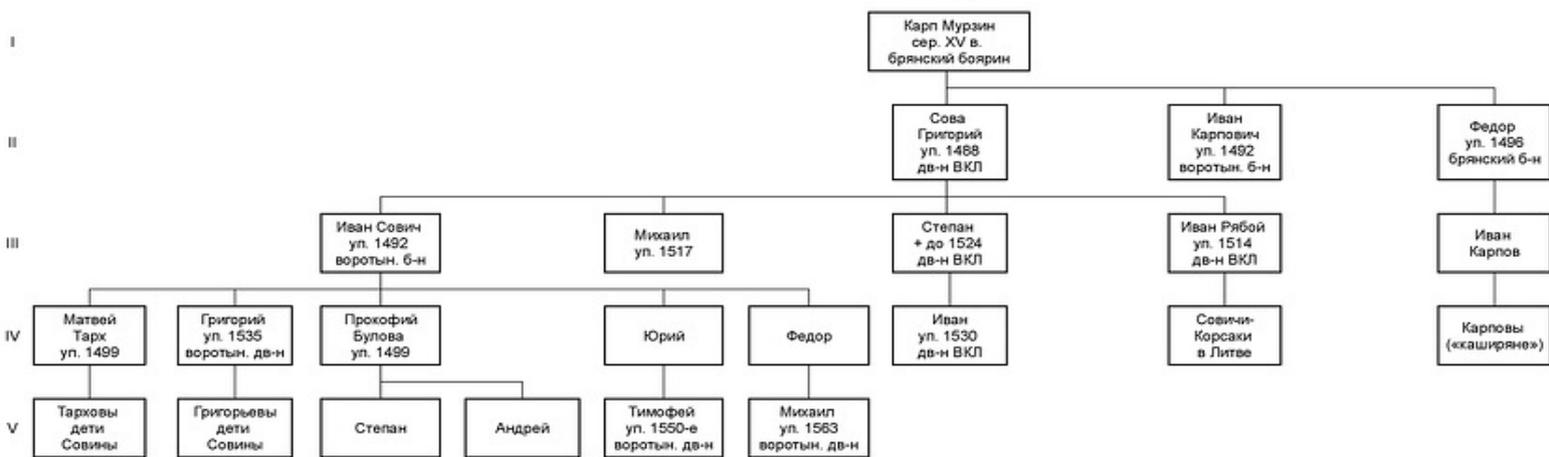
³⁴⁷ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: Первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 2002. Т. 6. С. 31.

³⁴⁸ ТКДТ. С. 157; Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 107.

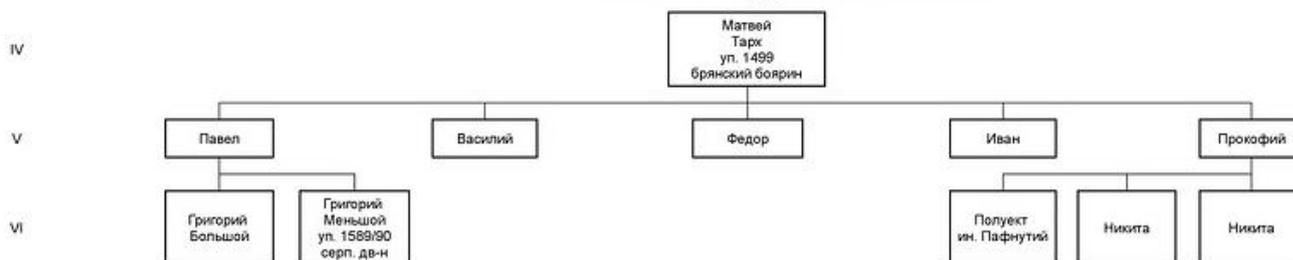
³⁴⁹ ТКДТ. С. 73, 172.

³⁵⁰ Там же. С. 157.

Совины.

Потомство Тарха Ивановича Совина

Потомство Григория Ивановича Совина

Сонины. 5 февраля ок. 1688 г. датирована родословная роспись дворян Сониных, также содержащая легенду о выезде предка «из Орды»: «*Ростись роду Сониных как повелся род быть. Переехал прародитель наш татарин Сага, крестился, и имя нарекли ему Софонтей, и от того Софонтья пошли Сонины*»³⁵¹. Как видно, семейное предание Сониных, по всей видимости, является чемпионом по лаконичности среди аналогичных «ордынских» легенд. Нет сведений ни о том, откуда выехал легендарный Сага, ни о том, к какому великому князю он прибыл на службу, нет никаких других подробностей, кроме крещения Саги в православие с именем Софония.

Сонины были каширскими помещиками. Первым из них в документальных источниках упомянут Митька Васильев сын Сонин – в десятне 1556 г. по Кашире городской сын боярский с поместным окладом 150 четвертей земли³⁵². И похоже, что каширский сын боярский Митька Сонин был сыном человека незнатного происхождения, а не потомком выезжего татарского мурзы. Судя по всему, его отец упомянут в актах Литовской метрики в нач. XVI в. В своем «листе» кричевскому наместнику от 31 декабря 1500 г. великий князь Литовский Александр сообщил о передаче в аренду местным мещанам медовой и пивной корчмы в Кричеве за 40 коп грошей.

³⁵¹ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 306.

³⁵² Каширская десятня 1556 г. // «Heraldica»: исторический сборник. Т. 1. Отд. 4. СПб., 1900. С. 39, в публикации ошибочно указано «Оснина» вместо «Сонина».

Среди имен арендаторов читается и имя Василия Сонины³⁵³. Его имя упоминается в 5-й книге записей Литовской метрики и еще раз, в связи с довольно любопытным продолжением истории с арендой кричевской корчмы. Из очередного великокняжеского «листа» от 26 апреля 1501 г. выясняется, что арендованные кричевскими мещанами корчмы пытался перекупить смоленский боярин Занько Жабин, предложив казне 50 коп грошей. Кричевские мещане, и Василь Сонин в их числе, были вынуждены согласиться на повышение арендной платы, о чем великий князь и уведомлял своего наместника в Кричеве³⁵⁴.

В связи с высказанным выше предположением неизбежно встает вопрос о вероятности перехода людей незнатного происхождения (зачастую из «тяглецов» или холопов) в служилое сословие. И примеры подобных случаев в исторических источниках имеются. В свое время выдающимся российским историком Ю. Г. Алексеевым был приведен пример стремительной карьеры Бориса Дмитриева сына Косагова, выслужившегося из числа крестьян митрополичьей волости в Переяславском уезде до митрополичьего сына боярского и ставшего родоначальником известного дворянского рода Косаговых³⁵⁵. Выше, в очерке про род Хитрово, были приведены и другие примеры аналогичных случаев.

Сытины. Ок. 1686–1688 гг. (точная дата в росписи отсутствует) в ПРД Разрядного приказа поступила родословная роспись рода Сытиных, подписанная четырьмя сыновьями московского дворянина Никифора Афанасьевича Сытина. Поколенную роспись предваряла легенда о выезде предка «из Орды»: *«Род Сытиных. Выехал к великому князю Дмитрию Ивановичю ис Крыму татарин Елуй, и был в Крыме у царя Аталык. А во крещении имя ему было Ияков. У него сын Астафей Сыта. И в лето 6898-го году прислали новгородцы к великому князю Василью Дмитриевичю послы своя Юрья Семеновича, Аврама Внука, Кирила Андреевича, и dokon-*

*чае мир по старине. И послал великий князь Василий Дмитриевич в Великий Новгород наместника Остафья Сыту»*³⁵⁶. Как видно из текста родословия, роспись в ПРД Разрядного приказа подавали потомки галичского дворянина Константина Семеновича, жившего в сер. XVI в. Его сын, Тимошка Константинов сын, упомянут в числе галичских городских новиков в одном списке с широкой датировкой 1550–80-х гг.³⁵⁷ В росписи этот сын Константина Сытина, по всей видимости, записан под своим семейным именем Бахтеяр. Старший брат Тимошки, Федор, по сведениям родословной росписи, «в лето 7080-го году» (1571/72 г.) по указу царя и великого князя Ивана Грозного «строил на Москве слободы», при этом данный факт наличными документальными источниками не подтверждается³⁵⁸. В первой половине XVI в. в актовом материале, связанном с землевладением в Галичском уезде, упоминаются и другие Сытины. Так, в разъезжей, датированной 1533/34 г., упоминаются галичские дети боярские Микита и Иван Сытины³⁵⁹. В родословной же как внуки Остафия Сыты записаны Григорий, Иван и Никита Дмитриевы дети. В правой грамоте суда по тяжбе на земли близ Галича (1536/37 г.) упоминалось «Семеново поместье Сытина, что у города на посаде»³⁶⁰. В родословной росписи имя Семен дается как сыну Остафия Сыты, так и его внуку, Семену Семеновичу, и кто из них подразумевался в указанной правой грамоте, не ясно. Сопоставляя сведения родословной с данными актового материала, приходится признать, что или в родословной росписи Сытиных пропущено несколько поколений, или они не были потомками «летописного» Остафия Сыты, а их настоящий родоначальник жил в конце XV столетия, то есть на целый век позднее легендарного предка. И такой человек в источниках присутствует. В актах нач. XVI в. неоднократно упоминается дьяк удельного

³⁵³ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 253. № 416.

³⁵⁴ Там же. P. 256. № 426.

³⁵⁵ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 24, 25.

³⁵⁶ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск седьмой. М., 2020. С. 321.

³⁵⁷ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том I. М., 1997. Том I. № 128. С. 101.

³⁵⁸ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск седьмой. М., 2020. С. 321.

³⁵⁹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том I. М., 1997. № 64. С. 54.

³⁶⁰ Там же. № 314. С. 309.

князя Юрия Ивановича Федор Остафьев сын Сытин³⁶¹. В 1514/15 г. его вдова Евдокия дала земельный вклад Калязину монастырю по мужу и своему сыну Илье³⁶². Отец дьяка должен был зваться как Остафий Сыта либо Сытин/Сытич, и жил он как раз в конце XV столетия.

Обращение к актовому материалу Литовской метрики позволяет сделать предположение о реальном происхождении рода Сытиных. В великокняжеских привилеях, датированных 17 декабря 1498 г. и 29 марта 1499 г., упоминается смоленский боярин Андрей Сытый, купивший у смоленских же бояр Волниных выслугу их отца – сельцо Пуятинское и завещавший свою куплю Церкви Пречистой Богоматери Смоленской³⁶³. Однако же, более вероятной нам видится другая версия происхождения рода Сытиных. В великокняжеском привилее князю Тимофею Капусте на сельца в Брянском повете от 11 сентября 1497 г. говорится о том, что *«перво сего дали есмо ему к тому ж селцу Лопошу ч(о)л(о)в(е)ка даньника, на имя **Сытича**, с кадю меду и с ынъшою податью, какъ намъ служил и дань давал, со всеми его доходы»*. Из текста привилея также становится известно, что сельца Лопашь, Брачево и Ревны, а также владения слуги-данника Сытича *«со всеми землями пашными и з борътными, и з сеножатями, и з бобровыми гоны, и з реками, и з озеры, и со всеми входы и прыходы, и з ловы»* отдаются в держание князю Тимофею Капусте на тех же условиях, на которых их ранее держал московский эмигрант, князь Иван Андреевич Можайский³⁶⁴. Переход чернигово-северских земель под власть великого князя Московского давал местным землевладельцам незнатного происхождения определенный шанс на повышение своего социального статуса. И некоторые из них не преминули этим шансом воспользоваться.

³⁶¹ Акты Троицкого Калязина монастыря. М.; Спб., 2007. № 6. С. 12, 13. Акты русского государства, 1505–1526 гг. М., 1975. № 77. С. 80–84.

³⁶² Акты Троицкого Калязина монастыря. М.; Спб., 2007. № 13. С. 18.

³⁶³ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012. P. 114, 115. № 186; 127, 128. № 206.

³⁶⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012. P. 134. № 216.

Как следует из вышесказанного, галичские дворяне Сытины, воспользовавшись сходством имен своего незнатного предка Остафия Сытича с именем упоминаемого в летописи московского боярина Василия Дмитриевича, фальсифицировали собственное происхождение, приписавшись к «родословному» предку. При этом записав «для верности» новгородского наместника Сыту в сыновья мифического татарского мурзы. Кроме того, приписка к лицу, жившему как минимум на столетие раньше реального предка, также делала более ранним и начало службы рода великим князьям Московским, давая определенные преференции в возможных местнических спорах.

Теглевы. Теглевы (писались и как Теглеевы) не подавали собственной родословной росписи в ПРД Разрядного приказа, их происхождение известно по росписи дворян Нарбековых, считавшихся однородцами Теглевых: *«Род Нарбековых. При державе благоверного и великого князя Василья Васильевича всеа Руссии выехал служить из Болшие Орды мурза, имя ему Багрим, и крещен в православную христианскую веру самим великим князем Василием Васильевичем всеа Руссии. А во крещении имя ему Илья. И пожаловал великий князь ему, Илье, вотчин в Володимере, в Суздале, в Переславле, в Юрьеве Польском, в Новогороде и в Нижнем, и их тех вотчин многие села и деревни и донныне в роде нашем. У Ильи дети: Дмитрий Нарбек, Окинф – от него Акинфовы, Юрья Тегль – от него Теглевы, служат по Новугороду, да Михайла»*³⁶⁵. Ни секунды не сомневаясь в татарском происхождении родоначальника Теглевых, Н. А. Баскаков предлагает целых «три вероятных источника происхождения фамилии Теглев», причем все три – с тюркской или монгольской этимологией³⁶⁶. Интересно, что самую вероятную и весьма прозрачную этимологию фамилии Теглев от «тягль» (тягло, повинность) исследователь даже не рассматривает.

³⁶⁵ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск восьмой. М., 2020. С. 286.

³⁶⁶ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. С. 98–99.

Теглевы не относились к числу заметных в служебном отношении родов. В конце XV – первой пол. XVI вв. они сидят на поместьях в Деревской пятине Новгородской земли³⁶⁷. Их имена отсутствуют в списках Тысячной книги и Дворовой тетради, упоминания в боярских списках единичны³⁶⁸. В конце XVII в. только трое Теглевых отмечены в московских дворянах, о подаче ими собственной родословной росписи в ПРД также не известно.

Возможно, указание на действительное происхождение рода Теглевых могут дать сведения Литовской метрики. В «Книге данин» Казимира в ряду записей, датированных 24 февраля, индикт 15 (1452 г.) отмечено: *«Митьку Ивашеву сельцо, как Измаило Тягле-ев держаль, ажъ будетъ не данъное, а будет ли се годити; а служити с него такъ, какъ первеи было с того села. У Троцехъ»*³⁶⁹. Измаил Теглеев здесь упоминается как прежний владелец этого сельца, возможно, отъехавший на московскую службу. Митько Ивашев в смоленском реестре ок. 1492 г. записан как путный боярин Радщинского пути³⁷⁰, следовательно, речь идет о земельном пожаловании в смоленской земле. Служба «смольнянина» великому князю Московскому в то время – вещь совершенно обычная и далеко не редкая. Строго говоря, нам точно неизвестно, кого считали своим предком сами Теглевы, их татарское происхождение известно лишь из родовой легенды Нарбековых. Но были ли потомками ордынского мурзы сами Нарбековы – вопрос открытый.

Тургеневы. В конце XVII в. среди московского дворянства числились представители двух родов Тургеневых, подавших в ПРД Разрядного приказа соответственно две различные родословные росписи. Первым 15 марта 1686 г. подал роспись стольник Матвей Иванович Тургенева, глава родового клана

«потомков Лизун-мурзы Тургенева»³⁷¹. Согласно их родословной легенде, предком рода был некий Лизун-мурза Тургенева, выехавший из Большой Орды к великому князю Василию Дмитриевичу. Ордынский мурза был крещен как Филипп и пожалован в вотчину селом Спасское, «семь сох», в Дмитровском уезде³⁷². 24 января 1687 г. стольником Михаилом Денисовичем Тургеновым в ПРД была представлена роспись «потомков мурзы Льва»³⁷³. В соответствии с текстом росписи, в родоначальниках этих Тургеневых также числился знатный ордынец – мурза Лев Тургенева, в крещении Иван, выехавший из Золотой Орды к великому князю Василию Васильевичу Темному³⁷⁴. Из реестров «вязней московских» в книгах Литовской метрики становится известно, что под Великими Луками в 1515 г. был пленен Григорий Александров сын Тургенева, скончавшийся в Городно до сентября 1525 г.³⁷⁵ В известных родословных росписях Тургеневых Григорий Александров сын не значится. В смоленском реестре около 1492 г. среди dospешных слуг Максимовского пути числились Олтух (Евтихий) и трое его сыновей: Иван, Игнат, Полуян³⁷⁶. Согласно подтверждающему листу великого князя Александра Сенку Тереховичу на два села в Смоленском повете, датированному 6 января 1497 г., Иван Тургенева с сыновьями Мартином, Каспаром и Степаном ранее продал названному Сенку свою отчину – село Шустово³⁷⁷. По семейным преданиям, Тургеневы происходили от выезджих татарских мурз, при этом две ветви этого рода в

³⁶⁷ Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 4. С. 110, 111, 358, 390.

³⁶⁸ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 393.

³⁶⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 40.

³⁷⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 156. № 141.3.

³⁷¹ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 315.

³⁷² Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. II. С. 546.

³⁷³ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 315.

³⁷⁴ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. II. С. 536.

³⁷⁵ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 158, 167.

³⁷⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 162. № 141.18.

³⁷⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 83. № 34; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 155. № 218.

конце XVII века не считали себя однородцами. В родословной росписи Тургеневых, приписывавших себе происхождение от «мурзы Льва», было прямо написано: «*а Тургеневы, что служат по Ярославлю, Алатырю, Дмитрову, в Троице-Сергиевском монастыре и с 7195 г. по Москве и те Тургеневы не нашего роду*»³⁷⁸. Однако реальным предком Тургеневых был, по всей видимости, карачевский боярин Ивашко Тургенъ, которому около 1443 г. было пожаловано село в Еленской волости и 4 бобровника в Карачеве³⁷⁹. По всей видимости, его сыновьями были Иван и Микула Тургеневы, находившиеся на службе великого князя Василия Темного и погибшие 7 июля 1445 г. в битве под Суздаlem³⁸⁰. Не исключено, что факт службы Василию Васильевичу и гибель в битве с татарами трансформировались в родовой памяти потомков Ивана Тургенева в выезд легендарного мурзы Льва «из Орды».

Хлоповы. Довольно подробный очерк в монографии А. В. Кузьмина, посвященный происхождению рода Хлоповых, избавляет от необходимости повторять указанные там сведения³⁸¹. По мнению автора, Хлоповы, вопреки их «ордынской» родословной легенде, не были потомками выезжего татарского мурзы. Исследователь полагает, что род Хлоповых местного коломенского происхождения, в доказательство чего им приводятся названия двух топонимов – деревни Хлопенка и Хлопцовская. Однако связать эти наименования с фамилией Хлопов без некоторых натяжек не удается.

Молчание источников XV в. о Хлоповых А. В. Кузьмин считает свидетельством совсем недавнего образования фамилии. Однако исследователь не учел сведения Литовской метрики, которые относятся к концу XV в. и сообщают название топонима, который без всяких натяжек можно отнести к бывше-

му владению родоначальника рода Семена Хлопова или его отца³⁸². 14 июля 1494 г. великокняжеский дворянин Андрей Свиридонов получил подтверждение на половины двух сел в Смоленском повете, Мелеховского и **Хлоповского**, которые ему записала его тетка, смоленская боярыня Авдотья, Васильева жена Маринича³⁸³. Поэтому можно предполагать, что предок Хлоповых был смоленским землевладельцем, выехавшим на Московскую службу во второй пол. XV в.

Ходыревы. 18 марта 1686 г. представителями дворянского рода Ходыревых в ПРД Разрядного приказа была подана родословная роспись. Начиналась она следующими словами: «*Род Ходыревых. В лето 6901-го приехали к великому князю Василью Дмитриевичу из Орды три татарина царева двора, имяна им: первому Бахты Хозя, другой Ходырь Хозя, третьему Мамат Хозя. Крестил их сам митрополит на реке Москве, а во крещении нарече имя им: первому Анания, другому Азария, третьему Мисаил. На крещении том сам князь великий и князи, и бояре, и множество народа града Москвы. А свидетельство о сем в Степенной книге или в Гранографе*»³⁸⁴. Действительно, в Степенной книге, как и в ряде других летописных сводов, сохранились сведения о крещении трех знатных ордынцев, выехавших на службу великому князю Василию Дмитриевичу³⁸⁵. В Степенной книге данное событие не датировано, московское летописание датирует его осенью 6901 г. (1392/93 г.)³⁸⁶, новгородские летописи – 6898 г. (1389/90 г.)³⁸⁷. Однако в документальных источниках Ходыревы начинают упоминаться только с конца 1570-х гг. В июле 1578 г. под Кесью (Венденом) погиб сын боярский Аданаш (Автоном) Семе-

³⁷⁸ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. II. С. 546-547.

³⁷⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 45. В источнике записан как «Турпень».

³⁸⁰ ПИРСС. С. 194.

³⁸¹ Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2015. Т. 2. С. 266-277.

³⁸² Антонов А. В. Духовная Семена Ивановича Хлопова 1490 года // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 3-9.

³⁸³ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 102. № 86.

³⁸⁴ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск седьмой. М., 2020. С. 277.

³⁸⁵ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. М., 2008. С. 74.

³⁸⁶ ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 64; ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 221.

³⁸⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 368, 369; ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 154.

нов сын Ходырев³⁸⁸. В списке стрелецких голов и сотников 1580-х гг. упомянуты сотники Семен (Будай) и Богдан Ходыревы³⁸⁹. В нач. XVII в. довольно заметным служилым человеком был алексинский выборный дворянин Аксентий Митрофанов сын Серого Ходырев³⁹⁰. За участие в осадных сидениях царя Василия Шуйского и «в королевичев приход» в 1618 г. несколько Ходыревых были пожалованы вотчинами в Алексине³⁹¹. К моменту подачи росписи в ПРД Ходыревы служат в московских чинах, однако своих представителей в Думе не имеют³⁹².

Если снова обратиться к росписи, то подсчет числа поколений показывает, что или Ходыревы пропустили два-три поколения своих предков, или их реальный родоначальник жил примерно на 80-100 лет позже крещения трех ордынских мурз в Москве. Большие сомнения вызывает и то, что в течение почти двух веков после упоминания предка в источнике нет никаких сведений о деятельности его потомков. Обращает на себя внимание также и вариативность написания имени легендарного предка Ходыревых – Ходырь, Хидырь, Хыдырь, Кидыр, Кидерь и т. д. То есть фамильное прозвище Ходыревых могло быть образовано от имени другого служилого человека. Обратившись к актам Литовской метрики, можно найти сведения о служилых людях по имени Хидыр, живших во второй пол. XV в. и хронологически подходящих на роль родоначальника фамилии Ходыревых. Так, в «Книге данин» Казимира записано пожалование ок. 1443 г., видимо, служилому татарину Хидырю Манишичу³⁹³. Вероятно, его сын Хидыревич получает 5 коп грошей с корчмы в Новогрудке согласно реестру «да-

нин» от 23 ноября 1486 г.³⁹⁴ В 1480-е гг. упоминаются дворяне короля Казимира, толмачи братья Хидыр и Ильяс³⁹⁵.

Слишком большой временной разрыв между упоминанием родоначальника в летописи и первыми упоминаниями потомков в документальных источниках, к тому же на малозначительных «урядах» стрелецких сотников, ставит под большое сомнение семейное предание о происхождении от крещеного мурзы Хидыр-Ходжи. По всей видимости, предком Ходыревых был рядовой служилый человек, возможно, татарского происхождения, живший в конце XV в., носивший имя Хидырь (Ходырь) или прозвище Ходыря. Не исключено, что реальный родоначальник Ходыревых был выходцем из земель великого княжества Литовского. «Официального» родоначальника, как и в ряде других случаев, для родовой легенды позаимствовали из летописи, воспользовавшись идентичностью имен.

³⁸⁸ ПИРСС. С. 208.

³⁸⁹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 215-217.

³⁹⁰ *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 282, 395; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. Москва-Варшава, 2009. С. 495.

³⁹¹ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. Москва-Варшава, 2009. С. 39, 192, 365, 495.

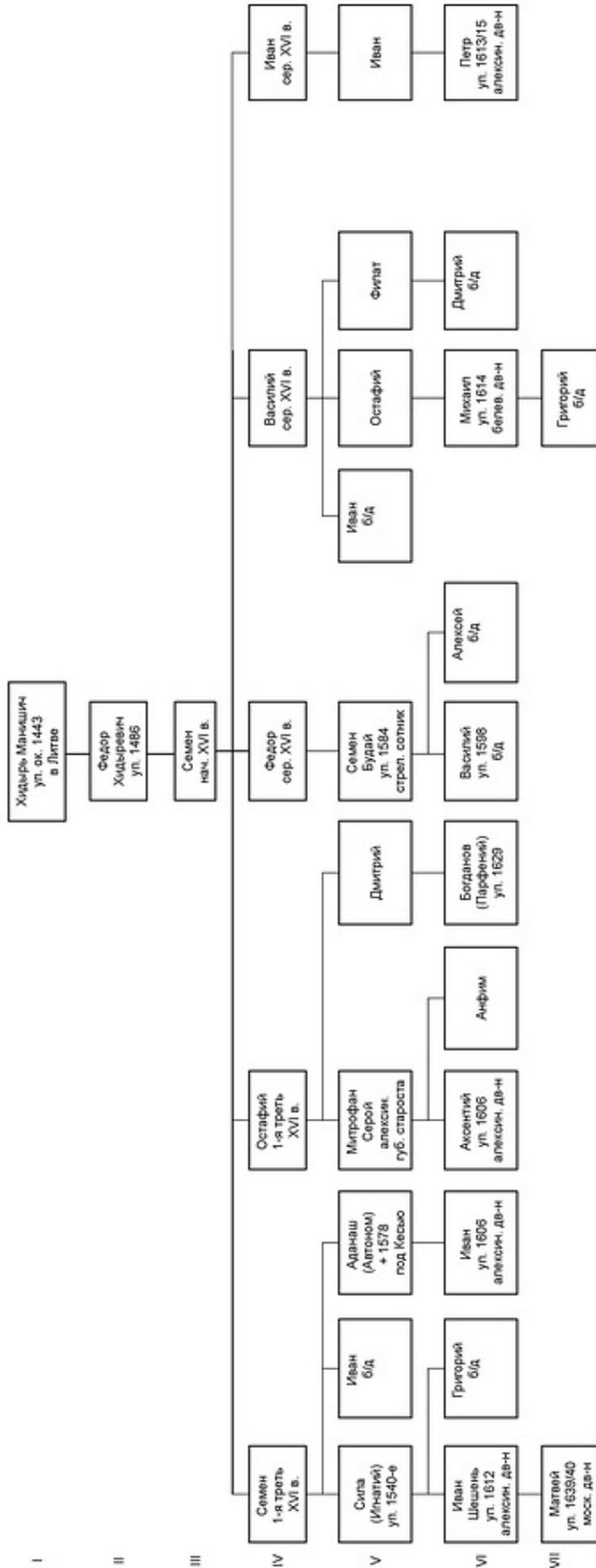
³⁹² Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 440.

³⁹³ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998. P. 56.

³⁹⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 31. № 1.3.

³⁹⁵ Там же. P. 34. № 1.6; P. 89. № 25.1; P. 93. № 31; P. 103. № 47.5.

Ходыревы.

Юшковы. Согласно родословной росписи, поданной представителем рода Юшковых в ПРД 25 мая 1686 г., их предком был некий «князь Зеуш», выехавший из Золотой Орды к великому князю Дмитрию Ивановичу и крещенный в православие с именем Степана. У крещеного ордынца по родословной было трое сыновей, от старшего из которых, Юрия (Юшки), как раз и происходят Юшковы³⁹⁶. Как видно, составителю родословной Юшковых не было чуждо чувство юмора – родоначальнику фамилии он приписал «типичное» татарское имя Зеуш (Зевс). Несмотря на довольно прозрачную этимологию фамилии Юшковых от уменьшительной формы имени Юрий, Н. А. Баскаков, опираясь на сомнительные сведения «ордынской» легенды, попытался обосновать тюркское происхождение фамилии Юшковых. Следует признать, что данная попытка выглядит довольно неубедительно³⁹⁷. Юшко, как уменьшительная форма имени Юрий, особенно широко была распространена на территории Великого княжества Литовского, причем часто таким образом именовались и лица собственно литовского (балтского) происхождения³⁹⁸. Наиболее вероятной с учетом родового именослова нам видится версия происхождения Юшковых от брянских бояр Юшковичей.

15 февраля 1499 г. датирован «вырок» по судебному спору между господарским карелом Игнатом Юшковичем Кукишкиным и брянским боярином Федком Колонтаевым о трех сельцах в Брянске, купленных Федком у братьев Игната, Бориса и Степана Юшковичей, и их матери. В иске Игнату Юшковичу было отказано, а Федко Колонтаев уже 16 февраля 1499 г. получил великокняжеское подтверждение на свою куплю³⁹⁹. Только в 1570-х гг. в источниках встречаются упоминания члена рода, которые можно интерпретировать как относящиеся к дворовому сыну боярскому. Алексей Степанов сын Юшков в сентябре 1577 г. числится в разрядах, как голова в г. Трекате. В

июле 1578 г. в росписи воевод он – товарищ Никиты Бутурлина в том же г. Трекате⁴⁰⁰. В нач. XVII в. Юшковы служат в основном по Козельску, Одоеву, Белеву, некоторые из них были пожалованы вотчинами за московское сидение при царе Василии Шуйском и «в королевичов приход» 1618 г.⁴⁰¹ В течение всего XVII в. Юшковы неуклонно поднимались по служебной лестнице, представители этого рода служат в стольниках, стряпчих и московских дворянах, к концу века получив и места в думе в лице боярина Бориса Гавриловича и его сына, окольного Тимофея Борисовича⁴⁰².

Якутины. 26 марта 1686 г. в ПРД Разрядного приказа Якутиными была подана родословная роспись рязанских дворян Якутиных. Якутины, по всей видимости, решили не выделяться среди других дворянских родов рязанского происхождения, и их предок также «выехал» на службу великого князя Олега пряником из Золотой Орды: «Род Якутиных. Приехал на Рязань из Залатья Орды к великому князю Олгу в княжение ево татарин Якута, в крещении ему имя Илья. У него, Илья, была два сына: Андрей Большой да Андрей Меньшой Ильины дети Якутины»⁴⁰³.

В конце XVI и первой трети XVII в. несколько Якутиных упоминаются как помещики Каменского стана Рязанского уезда⁴⁰⁴. Большинство из них можно соотнести с именами, указанными в росписи. Однако подсчет поколений до родоначальника показывает, что предок Якутиных должен был жить в конце XV в., и, соответственно, никак не мог выехать к великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому, жившему во второй пол. XIV в. Настоящее происхождение Якутиных определить не очень сложно. Эта фамилия в форме «Екутины»

³⁹⁶ Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 341. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. II. С. 752.

³⁹⁷ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. С. 93-94.

³⁹⁸ Например, см. по именным указателям изданий Литовской метрики.

³⁹⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 188-189. № 286; P. 190. № 288.

⁴⁰⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 20, 41.

⁴⁰¹ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 280, 377, 415; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. М., 2003. С. 52, 149, 151, 152; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. Москва-Варшава, 2009. С. 19, 37, 39, 49, 52, 53, 200, 504 и т. д.

⁴⁰² Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 489-491.

⁴⁰³ Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск третий. М., 2018. С. 206.

⁴⁰⁴ См. Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Рязань, 1898. Том I. Вып. 1; Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Рязань, 1904. Том I. Вып. 3.

встречается в смоленском реестре князей, бояр и слуг ок. 1492 г. у панцирных слуг Еленской волости Смоленского наместничества ВКЛ: «*Окула Якутинъ, а сынъ его на службѣ, а други[й] сынъ его Нефед, а третий Демидъ*»⁴⁰⁵. Якутины были рядовым служилым родом, малозаметным в служилом отношении. Лишь в 1630 г. за 30 лет городской службы сын боярский Иван Иванов сын Якутин был записан по дворовому списку. В московских чинах в 1671 г. служил лишь единственный представитель рода – дворянин московский Назар Аверкиев сын Якутин⁴⁰⁶.

Заключение.

Нами были рассмотрены родословные легенды 38 родов русского дворянства, приписывавших себе татарское происхождение. На основании анализа документальных и нарративных источников можно утверждать, что подавляющее большинство семейных преданий о выезде родоначальника «из Орды» являются позднейшими конструктами, лишь в малой части соответствующими действительности (в основном это сам факт выезда, иногда – имена родоначальников). Вполне определенно о происхождении из великого княжества Литовского можно говорить в отношении 25 родов (Апраксины, Аринкины, Дашковы, Елизаровы («Игнатовичи»), Исуповы-Яковцевы, Ждановы, Жемайловы, Зубовы («смольняне»), Камынины, Кременецкие, Любавские, Мерлины, Нарышкины, Павловы («Аслановичи»), Петровы-Злобины, Прокудины, Ртищевы, Сафоновы, Совины, Сомовы, Тургеневы, Уваровы, Юшковы, Яковцевы, Якутины). Предположительно, выходцами из ВКЛ были 13 родов (Аничковы и Блохины, Арсеньевы, Бибиковы, Ермоловы, Огаревы, Свищовы, Селивановы, Сонины, Сытины, Теглевы, Хитрово, Хлоповы, Ходыревы). Татарское происхождение, по всей видимости, имели роды Совиных, Тургеневых, Ходыревых, но они также выехали из ВКЛ, а не «из Орды». В поздней родословной традиции произошла приписка родословной легенды Баскаковых и их однородцев Зубовых к другому, более зна-

чительному роду Зубовых, происходящему из смоленских бояр. Варианты родословий Исуповых и Сомовых показывают наличие и другой семейной традиции, никак не связанной с легендами о выезде прародителя «из Орды».

Как показывают вышеприведенные примеры, «татарские» родословные легенды русских дворян могут содержать как выдуманные «подробности», так и реальные факты. Некоторые родословные легенды известны уже в источниках сер. XVI в. (Аничковы и Блохины, «Солохмировичи», Бибиковы), но основная часть, вероятнее всего, была составлена в более позднее время, не ранее первой трети XVII в., при этом ряд из них выглядит как результат работы «книжного человека», знакомого с летописями, актами, разрядными записями и т. д. Причины возникновения «ордынских легенд» русского дворянства могли быть самыми различными – начиная от попыток привести в «надлежащий вид» смутные воспоминания о реальном происхождении и заканчивая сознательной фальсификацией с целью подтверждения выслуженного высокого статуса. Нельзя не согласиться с А. В. Кузьминым, писавшим об истинных и мнимых потомках выезжих ордынцев:

*«По-видимому, не только происхождение и тюркские прозвища, но и пограничное соседство, частая служба в Крымской Орде, Больших и Малых Ногаях приводила к изменению родовой памяти служилых людей. Как результат этого, в середине XVI – XVII вв. некоторые представители знати стали искренне верить или умышленно утверждать, что предок их рода мог быть выехавшим на Русь ордынцем»*⁴⁰⁷.

⁴⁰⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 161. № 141.16. Вариация написания Е–Я в письменных источниках того времени встречается не редко, напр. Ярославич/Ерославич, Яропка/Еропка, Янгальчев/Енгольчев и т. д.

⁴⁰⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 495.

⁴⁰⁷ Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2015. Т. 2. С. 285.

Библиография

Источники:

- ОР РГБ. Ф. 304/III. Ризница Троице-Сергиевой лавры. № 25. Синодик Троице-Сергиева монастыря [Список 1575 г.].
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Vilnius, 1995.
- Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Vilnius, 1997.
- Акты русского государства, 1505–1526 гг. М., 1975.
- Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. / Отв. ред. В. Д. Назаров. М., 1998.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том I / Сост.: А. В. Антонов, К. В. Баранов. М., 1997.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том II / Сост.: А. В. Антонов. М., 1998.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том IV / Сост.: А. В. Антонов. М., 2008.
- Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1. Акты Троице-Сергиева монастыря и приписных к нему обителей. М., 1952.
- Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. Акты мелких владельцев. М., 1964.
- Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / отв. ред. Б. А. Рыбаков; АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. Загорск. гос. Ист.-худож. музей-заповедник. М., 1987.
- Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской Лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в Истор. об-ве Нестора Летописца. Кн. 6. К., 1891.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950.
- Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. М., 2003.
- Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1859. Т. 1. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 1 половина.
- Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1862. Т. 2. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 2 половина.
- Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1868. Т. 3. Книги Вотской пятины, 1500 года. 1 половина.
- Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1905. Т. 5. Книги Шелонской пятины: I. Около 1498 г., II. 1498 г., III. 1499–1551 гг., IV. 1571 г., V. 1576 г.
- Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 21. М., 1916.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.
- Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. / Сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. Москва-Варшава, 2009.
- Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011.
- Перепіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кніга публічных спраў 1 / Падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. Мн., 2003.
- Писцовые книги Московского государства. Часть 1. Писцовые книги XVI века. Отд. I. Местности губерний: Московской, Владимирской и Костромской. СПб., 1872.

Писцовые книги Московского государства. Часть 1. Писцовые книги XVI века. Отд. II. Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. СПб., 1877.

Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг.

Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 4. Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг.

Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / Под ред. В. Н. Сторожева. Том I. Вып. 1. Рязань, 1898.

Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / Под ред. В. Н. Сторожева. Том I. Вып. 3. Рязань, 1904.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925.

ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.

ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907.

ПСРЛ. Т. 24. Летопись по Типографскому списку. Пг., 1921.

ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004.

ПСРЛ. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004.

Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. Новые родословные книги XVI в. / Подгот. М. Е. Бычкова.

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 2.

Родословная книга по трем спискам // Временник ОИДР. Кн.10. М., 1851.

Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века (*публикация Л. Е. Шабаева*) // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск второй. М., 2017.

Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дворянские фамилии Рязани (*публикация Л. Е. Шабаева*) // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск третий. М., 2018.

Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство (*публикация Л. Е. Шабаева*) // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019.

Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в. Провинциальное служилое дворянство (Алексин, Арзамас, Белев, Белозерск, Боровск, Великие Луки, Верея, Владимир, Вологда, Волоколамск, Воротынский, Вязьма, Галич, Дмитров, Калуга, Кашин, Кашира, Козельск, Коломна, Кострома, Медынь, Мещера (Шацк), Можайск, Муром, Мценск, Нижний Новгород) (*публикация Л. Е. Шабаева*) // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск седьмой. М., 2020.

Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство (Переславль-Залесский, Ржева Володимирова, Ржева Пустая, Романов, Ростов Великий, Руза, Серпейск, Серпухов, Смоленск, Суздаль, Таруса, Торопец, Тула, Углич, Ярославль) (*публикация Л. Е. Шабаева*) // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск восьмой. М., 2020.

Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство (Великий Новгород) (*публикация Л. Е. Шабаева*) // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск девятый. М., 2021.

Русская историческая библиотека. Т. XX. Литовская Метрика. Т. 1. Книги судных дел. СПб., 1903

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и коммент.: В 3 т. / Отв. ред.: Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 2: Степени XI–XVII: С прил. и указ. / Подгот. под рук. Н. Н. Покровского. М., 2008.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М., 1950.

Литература:

- Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.-Л., 1966.
- Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. Вып. 6. М., 1996.
- Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002.
- Арсеньев В. С.* Род дворян Арсеньевых. 1389 г. – 1901 г. Тула, 1903.
- Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- Бобринский А. А.* Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи: в 2-х т. СПб., 1890.
- Бычкова М. Е.* Русско-литовская знать XV–XVII вв.: Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / Сост.: О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. М., 2012.
- Долгоруков П. В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: [в 4-х ч.]. СПб., 1854–1857.
- Зенбицкий П.* Новый материал для родословных Уваровых, Злобиных, Аринкиных, Петровых, Звериных и Давыдовых // Летопись историко-родословного общества. Вып. 3 (19). М., 1909.
- Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году // Советские архивы. № 5. 1970.
- Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Кашкин Н. Н.* Родословные разведки / под ред. Б. Л. Модзалевского. Посмертное издание. Т. 1-2. СПб., 1912–1913.
- Кузьмин А. В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. М., 2014.
- Кузьмин А. В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 2. М., 2015.
- Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. В 2 томах. 2-е издание. Т. I. СПб., 1895.
- Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886.
- Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1887.
- Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.
- Тихомиров М. Н.* Труды по истории Москвы. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Халиков А. Х.* 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.
- Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
- Яблочков М. Т.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 7. Тула, 1904.
- Яблочков М. Т.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 9. Тула, 1905.

Сведения об авторе

Бабенко Алексей Анатольевич, главный инженер ООО «Аэрван-Юг», г. Ростов-на-Дону (Россия). Область научных интересов: генеалогия русской и литовской знати XI–XVI вв.
E-mail: alexios@bk.ru

A. A. Babenko

**TO THE QUESTION ABOUT THE “TATAR” GENESIS OF THE RUSSIAN NOBILITY:
THE HORDE OR LITHUANIA?**

Annotation: The article examines the genealogical legends of a number of noble families, who ascribed to themselves the origin “from the Horde”. The analysis of the legendary information preserved in the genealogical paintings of the late XVI – late XVII centuries is being carried out. On the basis of documentary and narrative sources, an attempt was made to establish the real origin of the aforementioned genera.

Keywords: Pedigree lists, ancestral legends, the Grand Duchy of Lithuania, the Grand Duchy of Moscow, the Golden Horde, the Big Horde, the nobility.

References

Sources:

OR RGB. F. 304/III. Rizmitsa Troitse-Sergiyevoi lavry. No. 25. Sinodik Troitse-Sergiyeva monastyrya [Spisok 1575 g.]. [OR RSL. F. 304/III. Sacristy of the Trinity-Sergius Lavra. No. 25. Synodikon of the Trinity-Sergius Monastery [List of 1575].

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Vilnius, 2004.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Vilnius, 2012.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Vilnius, 1995.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Vilnius, 1997.

Akty russkogo gosudarstva, 1505–1526 gg. [Acts of the Russian state, 1505–1526]. Moscow, 1975.

Akty Rossiyskogo gosudarstva. Arkhivy moskovskikh monastyrei i soborov XV – nachala XVII v. / Otv. red. V. D. Nazarov [Acts of the Russian state. Archives of Moscow monasteries and cathedrals of the XV– early XVII centuries. Resp. ed. V. D. Nazarov]. Moscow, 1998.

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka. [Acts of service landowners of the XV – early XVII centuries. Vol. I. Compiled by A. V. Antonov, K. V. Baranov]. Moscow, 1997.

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka. T. II. Sost.: A. V. Antonov [Acts of service landowners of the XV – early XVII centuries. Vol. II. Compiled by A. V. Antonov]. Moscow, 1998.

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka. T. IV. Sost.: A. V. Antonov [Acts of service landowners of the XV – early XVII centuries. Vol. IV. Compiled by A. V. Antonov]. Moscow, 2008.

Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. T. 1. Akty Troitse-Sergiyeva monastyrya i pripisnykh k nemu obitelei [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia at the end of the XIV – beginning of the XVI century. Vol. 1. Acts of the Trinity-Sergius Monastery and the monasteries assigned to it]. Moscow, 1952.

Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. T. 3. Akty melkikh vladel'tsev [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia at the end of the XIV – beginning of the XVI century. Vol. 3. Acts of small owners]. Moscow, 1964.

Alfavitnyi ukazatel' familii i lits, upominayemykh v boyarskikh knigakh [Alphabetical index of the names and persons mentioned in the boyar books]. Moscow, 1853.

Vkladnaya kniga Troitse-Sergiyeva monastyrya. Otv. red. B. A. Rybakov [The contribution book of the Trinity-Sergius Monastery]; AN SSSR. Nauch. sovet po istorii mirovoi kul'tury. Zagorsk. gos. Ist.-khudozh. muzei-zapovednik. Moscow, 1987.

Golubev S. T. Drevnii pomyannik Kiyev-Pecherskoi Lavry (kontsa XV i nachala XVI stoletiya) [Ancient commemoration of the Kiev-Pechersk Lavra (late XV and early XVI centuries)]. Chteniya v Istor. obshchestve Nestora Letopistsa. Kiev, 1891. Book 6.

Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv. [Testament and treaty acts of the great and appanage princes of the XIV–XVI centuries]. Moscow-Leningrad, 1950.

Narodnoye dvizheniye v Rossii v epokhu Smuty nachala KHVII veka, 1601–1608: Sbornik dokumentov [The People's Movement in Russia during the Time of Troubles at the beginning of the XVII century, 1601–1608: Collection of documents]. Moscow, 2003.

Novgorodskiye pistsovyye knigi, izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu. T. 1. Perepisnaya obrochnaya kniga Derevskoi pyatiny, okolo 1495 goda. 1 polovina [Novgorod scribal books published by the Archaeographic Commission. Vol. 1. Census of the quitrent book of the Derevskaya pyatina, about 1495. First half]. St. Petersburg., 1859.

Novgorodskiye pistsovyye knigi, izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu. T. 2. Perepisnaya obrochnaya kniga Derevskoi pyatiny, okolo 1495 goda. 2 polovina [Novgorod scribal books published by the Archaeographic Commission. Vol. 2. Census of quitrent book of the Derevskaya Pyatina, about 1495. Second half]. St. Petersburg, 1862.

Novgorodskiye pistsovyye knigi, izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu. T. 3. Knigi Votskoi pyatiny, 1500 goda. 1 polovina [Novgorod scribal books published by the Archaeographic Commission. Vol. 3. Books of Votskaya pyatina, 1500. First half]. St. Petersburg, 1868.

Novgorodskiye pistsovyye knigi, izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu. T. 5. Knigi Shelonskoi pyatiny: I. Okolo 1498 g., II. 1498 g., III. 1499–1551 gg., IV. 1571 g., V. 1576 g. [Novgorod scribal books published by the Archaeographic Commission. Vol. 5. Books of the Shelonskaya Pyatina: I. Around 1498, II. 1498, III. 1499–1551, IV. 1571, V. 1576]. St. Petersburg, 1905.

Opisaniye dokumentov i bumag, khranyashchikhsya v moskovskom arkhive ministerstva yustitsii [Description of documents and papers stored in the Moscow archive of the Ministry of Justice]. Book 21. Moscow, 1916.

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom [Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian state]. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. Vol. 35. St. Petersburg., 1882.

Pamyatniki istorii Vostochnoi Yevropy. Istochniki XV–XVII vv. T. VIII. Osadnyi spisok 1618 g. [Monuments of the history of Eastern Europe. Sources of the XV–XVII centuries. Vol. VIII. Siege list of 1618]. Comp. Yu. V. Ankhimiyuk, A. P. Pavlov. Moscow-Warsaw, 2009.

Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya [Monuments of the history of the Russian service class]. Comp. by A. V. Antonov. Moscow, 2011.

Perapis voiska Vyalikaga knyastva Litoŭskaga 1528 goda [The army census of the Lithuanian principality in 1528]. Metryka Vyalikaga knyastva Litoŭskaga. Kn. 523. Kníga publičnykh spraŭ 1. Padrykht. A. Í. Grusha, M. F. Spirydonau, M. A. Vaitovich. Minsk, 2003.

Pistsovyye knigi Moskovskogo gosudarstva. Chast' 1. Pistsovyye knigi XVI veka. Otd. I. Mestnosti gubernii: Moskovskoi, Vladimirskoi i Kostromskoi [Scribal books of the Moscow state. Part 1. Scriptures of the XVI century. Dept. I. Localities of the provinces: Moscow, Vladimir, and Kostroma]. St. Petersburg, 1872.

Pistsovyye knigi Moskovskogo gosudarstva. Chast' 1. Pistsovyye knigi XVI veka. Otd. II. Mestnosti gubernii: Yaroslavskoi, Tverskoi, Vitebskoi, Smolenskoi, Kaluzhskoi, Orlovskoi, Tul'skoi [Scribal books of the Moscow state. Part 1. Scriptures of the XVI century. Dept. II. Localities of the provinces: Yaroslavl, Tver', Vitebsk, Smolensk, Kaluga, Oryol, Tula]. St. Petersburg, 1877.

Pistsovyye knigi Novgorodskoi zemli. T. 1. Novgorodskiye pistsovyye knigi 1490-kh gg. i ot-pisnyye i obrochnyye knigi prigorodnykh pozhen Novgorodskogo dvortsa 1530-kh gg. [Scribal books of the Novgorod land. Vol. 1. Novgorod scribal books of the 1490s and registration and quitrent books of suburban lands of the Novgorod palace in the 1530s]. Moscow, 1999.

Pistsovyye knigi Novgorodskoi zemli. T. 4. Pistsovyye knigi Derevskoi pyatiny 1530-1540-kh gg. [Scribal books of the Novgorod land. Vol. 4. Scribe books of the Derevskaya pyatina of the 1530s–1540s]. Moscow, 2004.

Pistsovyye knigi Ryazanskogo kraja XVI i XVII vv. [Scribal books of the Ryazan region of the XVI and XVII centuries]. Ed. by V. N. Storozhev. Vol. I. Iss. 1. Ryazan', 1898.

Pistsovyye knigi Ryazanskogo kraja XVI i XVII vv. [Scribal books of the Ryazan region of the XVI and XVII centuries]. Ed. by V. N. Storozhev. Ryazan', 1904. Vol. I. Iss. 3.

PSRL. Vol. 4. P. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis'. Vyp. 2. [Complete collection of Russian chronicles (PSRL). Novgorod fourth chronicle. Issue 2]. Leningrad, 1925.

PSRL. Vol. 8. Prodolzheniye letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the chronicle according to the Voskresensky list]. Moscow, 2001.

PSRL. Vol. 13. Letopisnyi sbornik, imenuyemyi Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle compilation called the Patriarch or Nikon Chronicle]. Moscow, 2000.

PSRL. Vol. 17. Zapadnorusskiye letopisi [Western Russian chronicles]. St. Petersburg, 1907.

PSRL. Vol. 24. Letopis' po Tipografskomu spisku [The Chronicle by the Typographic list]. Petrograd, 1921.

PSRL. Vol. 25. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV v. [Moscow Chronicle compilation of the end of the XV century]. Moscow, 2004.

PSRL. Vol. 43. Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo [Novgorod Chronicle according to the list of P. P. Dubrovsky]. Moscow, 2004.

Redkiye istochniki po istorii Rossii. Iss. 2. Novyye rodoslovnyye knigi XVI v. [Rare sources on the history of Russia. Issue. 2. New genealogical books of the XVI century]. Prep. by M. Ye. Bychkova. Moscow, 1977.

Rodoslovnaya kniga knyazei i dvoryan rossiiskikh i vyyezzhikh [Genealogical book of princes and nobles of Russia and from abroad]. Moscow, 1787.

Rodoslovnaya kniga po trem spiskam [Pedigree book by three lists]. Vremennik OI DR. Book 10. Moscow, 1851.

Rodoslovnyye rospisi tverskoi aristokratii kontsa XVII veka (publikatsiya L. Ye. Shabayeva). Rossiiskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh. Vypusk vtoroi [Pedigree lists of the Tver aristocracy at the end of the XVII century (published by L. E. Shabaev). Russian genealogy: scientific almanac. Second edition]. Moscow, 2017.

Rodoslovnyye rospisi, podannyye v Palatu rodoslovnykh del v kontse XVII v.: dvoryanskiye familii Ryazani (publikatsiya L. Ye. Shabayeva). Rossiiskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh. Vypusk tretii [Pedigree lists submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the end of the XVII century: noble families of Ryazan (published by L. E. Shabaev). Russian genealogy: scientific almanac. Third edition]. Moscow, 2018.

Rodoslovnyye rospisi, podannyye v Palatu rodoslovnykh del v kontse XVII v.: vybornoye moskovskoye dvoryanstvo (publikatsiya L. Ye. Shabayeva). Rossiiskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh. Vypusk pyaty [Pedigree lists submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the end of the XVII century: elective Moscow nobility (published by L. E. Shabaev). Russian genealogy: scientific almanac. Fifth edition]. Moscow, 2019.

Rodoslovnyye rospisi, podannyye v Palatu rodoslovnykh del v kontse XVII v. Provintsial'noye sluzhiloye dvoryanstvo (Aleksin, Arzamas, Belev, Belozersk, Borovsk, Velikiye Luki, Vereya, Vladimir, Vologda, Volokolamsk, Vorotynsk, Vyaz'ma, Galich, Dmitrov, Kaluga, Kashin, Kashira, Kozel'sk, Kolomna, Kostroma, Medyn', Meshchera (Shatsk), Mozhaisk, Murom, Mtsensk, Nizhnii Novgorod) (publikatsiya L. Ye. Shabayeva). Rossiiskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh. Vypusk sed'moi [Pedigree lists submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the end of the XVII century. Provincial service nobility (Aleksin, Arzamas, Belev, Belozersk, Borovsk, Velikiye Luki, Vereya, Vladimir, Vologda, Volokolamsk, Vorotynsk, Vyazma, Galich, Dmitrov, Kaluga, Kashin, Kashira, Kozelsk, Kolomna, Kostroma, Medyn, Meshchera, Mozhaisk, Murom, Mtsensk, Nizhny Novgorod) (published by L. E. Shabaev). Russian genealogy: scientific almanac. Seventh edition]. M.: Staraya Basmannaya, 2020. Pp. 269–426.

Rodoslovnyye rospisi, podannyye v Palatu rodoslovnykh del v kontse XVII v.: provintsial'noye sluzhiloye dvoryanstvo (Pereslavl'-Zalesskii, Rzheva Volodimerova, Rzheva Pustaya, Romanov, Rostov Velikii, Ruza, Serpeisk, Serpukhov, Smolensk, Suzdal', Tarusa, Toropets, Tula, Uglich, Yaroslavl') (publikatsiya L. Ye. Shabayeva). Rossiiskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh. Vypusk vos'moi [Pedigree lists submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the end of the XVII century: provincial service nobility (Pereslavl'-Zalessky, Rzheva Volodimerova, Rzheva Pustaya, Romanov, Rostov Veliky, Ruza,

Serpeysk, Serpukhov, Smolensk, Suzdal, Tarusa, Toropets, Tula, Uglich, Yaroslavl) (published by L. E. Shabaev). Russian genealogy: scientific almanac. Eighth edition]. Moscow, 2020.

Rodoslovnnyye rospisi, podannyye v Palatu rodoslovnnykh del v kontse XVII v.: provintsial'noye sluzhiloye dvoryanstvo (Velikiy Novgorod) (publikatsiya L. Ye. Shabayeva). Rossiiskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh. Vypusk devyaty [Pedigree lists submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the end of the XVII century: provincial service nobility (Veliky Novgorod) (published by L. E. Shabaev). Russian genealogy: scientific almanac. Ninth edition]. Moscow, 2021.

Russkaya istoricheskaya biblioteka. Vol. XX. Litovskaya Metrika. Vol. 1. Knigi sudnykh del [Russian Historical Library. Lithuanian Metric. Books of court cases]. St. Petersburg, 1903.

Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam: Teksty i komment.: V 3 t. Otv. red.: N. N. Pokrovskii, G. D. Lenkhoff. T. 2: Stepeni XI–XVII: S pril. i ukaz. Podgot. pod ruk. N. N. Pokrovskogo [The degree book of royal genealogy according to the most ancient lists: Texts and comments: In 3 volumes. Ed.: N. N. Pokrovsky, G. D. Lenkhoff. Vol. 2: Degrees XI–XVII: With adj. and indic. Prepared under the direction of N. N. Pokrovsky]. Moscow, 2008.

Tsyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-kh godov XVI v. [The Thousandth book of 1550 and the courtyard notebook of the 50s of the XVI century]. Moscow, 1950.

Researches:

Alekseyev Yu. G. Agrarnaya i sotsial'naya istoriya Severo-Vostochnoi Rusi XV–XVI vv. Pereyaslavskii uyezd. [Agrarian and social history of North-Eastern Russia in the XV–XVI centuries. Pereyaslavsky district]. Moscow-Leningrad, 1966. (In Russian).

Antonov A. V. Rodoslovnnyye rospisi kontsa XVII v. Issledovaniya po russkoi istorii. [Pedigree lists at the end of the XVII century. Research on Russian history]. Iss. 6. Moscow, 1996. (In Russian).

Antonov A. V., Krom M. M. Spiski russkikh plennykh v Litve pervoi poloviny XVI veka. Arkhiv russkoi istorii. [Lists of Russian prisoners of war in Lithuania in the first half of the XVI century. Archive of Russian history]. Iss. 7. Moscow, 2002. (In Russian).

Arsen'yev V. S. Rod dvoryan Arsen'yevykh. 1389 g.–1901 g. [The family of the Arseniev nobles. 1389–1901]. Tula, 1903. (In Russian).

Baskakov N. A. Russkiye familii tyurkskogo proiskhozhdeniya [Russian surnames of Turkic origin]. Moscow, 1979. (In Russian).

Bobrinskii A. A. Dvoryanskiye rody, vnesennyye v Obshchii Gerbovnik Vserossiyskoi Imperii: v 2-kh t. [Noble families included in the General Armorial of the All-Russian Empire: in 2 volumes]. St. Petersburg, 1890. (In Russian).

Bychkova M. Ye. Russko-litovskaya znat' XV–XVII vv.: Istochnikovedeniye. Genealogiya. GERAL'DIKA. Sost.: O. I. Khoruzhenko, R. B. Kazakov [Russian-Lithuanian nobility of the XV–XVII centuries: Source studies. Genealogy. Heraldry. Compiled by O. I. Khoruzhenko, R. B. Kazakov]. Moscow, 2012. (In Russian).

Dolgorukov P. V. Rossiiskaya rodoslovnaya kniga, izdavayemaya knyazem Petrom Dolgorukovym: [v 4-kh ch.] [Russian genealogy book published by Prince Peter Dolgorukov: [in 4 parts]. St. Petersburg, 1854–1857. (In Russian).

Zenbitskii P. Novyi material dlya rodoslovnnykh Uvarovykh, Zlobinykh, Arinkinykh, Petrovykh, Zverinykh i Davydovykh. Letopis' istoriko-rodoslovnogo obshchestva. Vyp. 3 (19). [New material for the pedigrees of the Uvarovs, Zlobins, Arinkins, Petrovs, Zverins and Davydovs. Chronicle of the Historical and Genealogical Society. Issue 3 (19)]. Moscow, 1909. (In Russian).

Zimin A. A. Novoye o vosstanii Mikhaila Glinskogo v 1508 godu. Sovetskiye arkhivy. [The new about the uprising of Mikhail Glinsky in 1508. Soviet Archives]. No. 5. 1970. (In Russian).

Zimin A. A. Formirovaniye boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. [The formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the XV – first third of the XVI century]. Moscow, 1988. (In Russian).

Kashkin N. N. Rodoslovnnyye razvedki. Pod red. B. L. Modzalevskogo. Posmertnoye izdaniye. [Pedigrees investigations. Ed. B. L. Modzalevsky. Post-mortem edition]. Vol. 1–2. St. Petersburg, 1912–1913. (In Russian).

Kuz'min A. V. Na puti v Moskvu: ocherki genealogii voyenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v. [On the way to Moscow: essays on the genealogy of the military service nobility of North-Eastern Russia in the XIII – the middle of the XV century]. Vol. 1. Moscow, 2014. (In Russian).

Kuz'min A. V. Na puti v Moskvu: ocherki genealogii voyenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v. [On the way to Moscow: essays on the genealogy of the military service nobility of North-Eastern Russia in the XIII – the middle of the XV century]. Vol. 2. Moscow, 2015. (In Russian).

Lobanov-Rostovskii A. B. Russkaya rodoslovnaya kniga. V 2 tomakh. 2-ye izdaniye. [Russian genealogical book. In 2 volumes. Second edition]. Vol. I. St. Petersburg, 1895. (In Russian).

Rummel' V. V., Golubtsov B. B. Rodoslovnyi sbornik russkikh dvoryanskikh familii [Genealogical collection of Russian noble families]. Vol. I. St. Petersburg, 1886. (In Russian).

Rummel' V. V., Golubtsov B. B. Rodoslovnyi sbornik russkikh dvoryanskikh familii [Genealogical collection of Russian noble families]. Vol. II. St. Petersburg, 1887. (In Russian).

Stanislavskii A. L. Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov [Works on the history of the sovereign's court in Russia in the XVI–XVII centuries]. Moscow, 2004. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Trudy po istorii Moskvy [The works on the history of Moscow]. Moscow, 2003. (In Russian).

Khalikov A. Kh. 500 russkikh familii bulgaro-tatarskogo proiskhozhdeniya [500 Russian surnames of Bulgaro-Tatar origin]. Kazan', 1992. (In Russian).

Chernov S. Z. Volok Lamskii v XIV – pervoi polovine XVI v. Struktury zemlevladieniya i formirovaniye voyenno-sluzhiloi korporatsii [Vолок Ламский в XIV – the first half of the XVI century. Land tenure structures and the formation of a military service corporation]. Moscow, 1998. (In Russian).

Yablochkov M. T. Dvoryanskoye sosloviye Tul'skoi gubernii [The nobility of the Tula province]. Vol. 7. Tula, 1904. (In Russian).

Yablochkov M. T. Dvoryanskoye sosloviye Tul'skoi gubernii [The nobility of the Tula province]. Vol. 9. Tula, 1905. (In Russian).

About the author

Babenko Aleksey A., Chief engineer of Aervan-South LLC, Rostov-On-Don (Russia). Research interests: genealogy of the Russian and Lithuanian nobility of the XI–XVI centuries.

E-mail: alexios@bk.ru.